

Мор Томас

История Ричарда III

История написанная господином Т. Мором, одним из помощником лондонского шерифа, около 1513 года.

Эдуард IV, жизни которого было 53 года, 7 месяцев и 6 дней {1}, а царствованию 22 года, 1 месяц и 8 дней {2}, скончался в Вестминстере 9 апреля в лето господне 1483-е, оставив весьма многочисленное потомство, а именно: Эдуарда, принца, от роду 13 лет; Ричарда, герцога Йорка, на 2 года моложе {3}; Елизавету {4}, которой впоследствии выпало на долю счастье быть королевою, супругой короля Генриха VII и матерью Генриха VIII {В латинской версии 1565 года (далее будем указывать только 1565) после этого слова добавлено: "королевой, известной своей красотой и талантами".}; Сесиль, не столь счастливую, как прекрасную; Бригитту, которая по достоинству той, чье имя она носила, приняла обет и жила для господа в Дертфорде, в обители монахинь-затворниц; Анну, которая впоследствии с честью вышла замуж за Томаса, лорда Говарда, ставшего позднее графом Серри {5}; и Катерину, которую долгое время судьба то бросала к счастью, то чаще к несчастью и которая наконец (если это конец, ибо она и поныне жива) по милости своего племянника, короля Генриха VIII, обретается ныне в благополучии, соответствующем ее рождению и достоинству. Вышеназванный благородный правитель почил в Вестминстерском дворце {В 1565 добавлено: "который расположен близ бенедиктинского монастыря в одной миле на запад от Лондона".} и с пышными погребальными почестями, средь великого народного горя, был оттуда вынесен и доставлен в Виндзор {6}. И таков был этот государь {7} в своем правлении и поведении в мирные времена (в военное же время сторона стороне поневоле враг), что никогда в этом краю не было другого правителя, с бою захватившего венец и после этого столь сердечно любимого народом; причем при кончине его любовь эта была больше, чем когда-либо при жизни, а после кончины и любовь и приверженность к нему сделались еще того сильнее вследствие жестокости, злодейств и смут последующего бурного времени.

К тому времени, как он скончался, совсем уже утихло и улеглось негодование тех, кто питал к нему ненависть за низложение короля Генриха VI, потому что многие из злобствовавших уже умерли за двадцать с лишним лет его правления, немалый срок любой долгой жизни, а многие другие за это время сами оказались у него в милости, потому что он никогда никому в ней не отказывал. Он был добрым человеком и держался очень царственно, сердцем смел, рассудителен - в совете, никогда не падал духом при несчастии, при успехе скорее бывал радостен, чем горд, во время мира - справедлив и милостив, в годину войн - жесток и беспощаден, на поле брани - отважен и смел, перед опасностями - дерзок, однако же не сверх разума. Кто внимательно рассмотрит его войны, тот не меньше подивится его благоразумию при неудачах, чем доблести в победах. Лицом он был красив, телом складен, крепок и силен, хотя в последние дни своей жизни немного потучнел и обрюзг от неумеренности в еде {В 1565 добавлено: "и снисходительности к телу".} и не менее того от великого смолоду пристрастия к плотской похоти: кто телом здоров и благополучием цветущ, того от такой беды едва ли сохранишь без особой на то милости. Но эта страсть не очень отягчала народ, ибо не может наслаждение одного человека пробудить и вызвать неудовольствие в столь многих; к тому же это совершалось без насилия {В 1565 добавлено: "у него было в обычае либо получать за деньги то, что ему хотелось, либо добиваться этого посредством убедительных просьб".}, а в последние дни эта страсть и вовсе уменьшилась и совершенно оставила его.

К концу его дней королевство пребывало в покое и процветании: ни враг не страшил, ни война не велась и не предвиделась, разве что никем нежданная; а народ к государю питал не вынужденный страх, а добровольное и любовное послушание. Общины между собой жили в добром мире, а лордов, чьи раздоры были ему ведомы, он сам помирил на своем смертном одре. Он отказался от всех денежных поборов (а поборы - единственная вещь, которая

удаляет сердца англичан от их короля), ибо обложил в свое время данью Францию {8}; и он ни на что не посягал, что бы вновь могло его к этому принудить; а за год до своей кончины он завоевал Бервик {9}. Во все время своего правления был он так милостив, учтив и внимателен к людям, что ни одно из его достоинств не было людям милей; и даже под конец его дней (когда многие государи, закоснев в долговременном всевластии, оставляют прежнее свое любезное поведение и впадают в гордыню) эти качества продолжали в нем удивительным образом расти и усиливаться. Так, в последнее лето, которое ему довелось видеть, его величество, находясь на охоте в Виндзоре, послал за мэром и олдерменами Лондона – не для какого-либо поручения, но лишь для того, чтобы поохотиться и повеселиться с ними, а принял он их здесь не с величавостью, но с таким дружелюбием и радушием, и оленину с той охоты послал в город с такою щедростью, что никакой другой поступок за многие прежние дни не принес ему так много сердечного расположения среди простого люда, который часто дороже ценит и выше ставит малую учтивость, чем большую выгоду.

Так почил (как мною сказано) этот благородный государь в то самое время, когда жизнь его была всего желаннее. И народная к нему любовь и бесконечная преданность явились бы дивной твердыней и надежной броней для его благородных сыновей (в которых столько было королевских доблестей, столько даров природы, столько добрых склонностей, сколько мог вместить их юный возраст), если бы распри и раздоры друзей не оставили их одинокими и безоружными, а проклятая жажда власти не принесла бы им гибель от руки того, кто сам был должен стать их главным защитником {В 1565 добавлено: "должен был бы собственным телом заслонить их от врагов".}, будь в нем хоть немного родственного чувства или доброты. Ибо не кто иной, как Ричард, герцог Глостер, по крови их дядя, по должности их протектор, обязанный их отцу, связанный с ними самими присягой и вассальной зависимостью, порвал все узы, связующие человека с человеком, попрали законы мирские и божеские и решился вопреки естеству лишить их не только сана, но даже жизни. И вот поскольку действия названного герцога и составят истинный предмет этой книги, то нелишним будет, прежде чем мы пойдем дальше, пояснить вам, каков был этот человек, в сердце своем сумевший зародить столь ужасное злодеяние.

Ричард, герцог Йорк, муж благородный и могущественный, некогда начал не войной, а законным путем добиваться короны, заявив о своем требовании в парламенте. По закону ли, по расположению ли к нему {В 1565 добавлено: "поскольку король был скорее невинен, чем мудр".}, но иск его был так хорошо принят, что отпрыск короля Генриха (хоть был он хорошим принцем) был совершенно отстранен от наследования, корона же властью парламента {В 1565 добавлено: "чья власть в Англии является безусловной и окончательной".} передавалась в вечное владение герцогу Йорку и его мужскому потомству немедленно после смерти короля Генриха {10}. Но герцог не собирался так долго ждать, а вознамерился под предлогом распрей и споров, происходивших в королевстве, предварить события и захватить власть при жизни короля Генриха, однако был со многими дворянами королевства убит при Уэйкфилде, оставив троих сыновей – Эдуарда, Георга и Ричарда. Все трое рождены были в великой знатности и потому обладали великой гордыней, властолюбием и жадой славы, не терпя никаких соперников. Эдуард, мстя за смерть отца, сверг короля Генриха и присвоил себе корону. Георг, герцог Кларенс, принц добрый и благородный, был бы счастлив во всех отношениях, если бы собственное честолюбие не толкнуло его на борьбу с братом, а козни его врагов не восстановили брата против него {11}. Случилось ли это по вине королевы {12} и лордов ее крови, которые люто ненавидели родственников короля (ибо ведь женщины обычно не по злобе, но по природе своей ненавидят тех, кого любят их мужья), или же вследствие заносчивых посягательств самого герцога, вознамерившегося стать королем, – как бы то ни было, он был обвинен в государственной измене и, виновный или невинный, был в конце концов объявлен виновным в парламенте и осужден на смерть, а затем поспешно утоплен в бочке мальвазийского вина {1565 иначе излагает этот факт: "парламент в полном составе присудил ему суровейшую казнь. Но король смягчил этот приговор и позволил ему умереть самой легкой смертью: его окунули головой в бочку с критским вином, и тогда, не в силах дышать, он испустил дух".}. И хотя король Эдуард сам отдал приказ совершить эту казнь, но когда он узнал о его смерти, то жалостно оплакивал ее и горько раскаивался.

Третий сын, Ричард, о котором сейчас мы поведем речь, был умом и духом равен каждому из них, но в телесной мощи и доблести далеко уступал им

обоим: мал ростом, дурно сложен, с горбом на спине, левое плечо намного выше правого, неприятный лицом {13} – весь таков, что иные вельможи обзывали его хищником, а прочие и того хуже. Он был злобен, гневлив, завистлив с самого своего рождения и даже раньше. Сообщают как заведомую истину, что герцогиня, его мать, так мучилась им в родах, что не смогла разрешиться без помощи ножа, и он вышел на свет ногами вперед {В 1565 добавлено: "подобно тому, как был рожден Агриппа".} (тогда как обычно бывает наоборот) и даже будто бы с зубами во рту. Так гласит молва; то ли это люди по злобе своей говорят лишнее, то ли само естество изменило свое течение при рождении того, кто в течение жизни совершил столь многое против естества.

На войне он был весьма недурным военачальником, ибо к ней он был куда более расположен, нежели к миру. Часто он побеждал, иногда терпел поражения, но никогда из-за недостатка личного мужества или рассудительности {В 1565 эта мысль изложена иначе: "даже его соперники не приписывали это неспособности или трусости с его стороны".}. Говорили, что он легко тратит деньги и порой не по возможностям щедр: богатыми дарами он приобретал себе непрочную дружбу, но ради этого был вынужден разбойничать и грабить в других местах, навлекая прочную ненависть. Он был скрытен и замкнут, искусный лицемер {1565 более пространен: "Он никогда не доверял никому своих планов, кроме тех, в ком нуждался для их выполнения; но даже им он не открывался ни раньше, ни больше, чем требовало дело. Любую роль мог он принимать, играть и старательно выдерживать: веселье, суровость, важность, распушенность принимал он на себя и хранил по мере надобности".} , со смирением в лице и высокомерием в сердце: внешне льстивый перед теми, кого внутренне ненавидел, он не упускал случая поцеловать того, кого думал убить; был жесток и безжалостен, не всегда по злой воле, но чаще из-за честолюбия и ради сохранения или умножения своего имущества.

К друзьям и врагам относился он с равным безразличием; если это вело к его выгоде, он не останавливался перед убийством любого человека, чья жизнь стояла на пути к его цели. Люди упорно говорят, что он собственными руками и убил заключенного в Тауэре короля Генриха VI {В 1565 добавлено: "после того, как он был лишен власти", "злбно погрузив кинжал ему под ребро, он пронзил его и зарезал".}, причем даже без приказа и ведома короля, который, несомненно, решившись на такое, поручил бы это палаческое дело кому-либо другому, а не родному брату {В 1565 добавлено: "которого он, быть может, считал выгоднее держать в своих руках живым".}. Некоторые разумные люди полагают также, что без его тайного содействия {15} не приключилась бы и смерть его брата Кларенса {В 1565 подробнее: "Хотя он выступал и возражал против этого открыто, но если вникнуть в дело, то кажется, что протестовал он слабее, чем человек, серьезно взявшийся защищать родного брата".}: хотя он и выступал открыто против нее, однако же (как люди отметили) далеко не так настойчиво, как если бы сердечно о нем заботился. И они, которые это думают, полагают также, что еще при жизни короля Эдуарда он замышлял, что сам будет королем в том случае, если королю, его брату (чья жизнь, он видел, должна укоротиться от недоброго питания), случится умереть, оставив детей малолетними (как это в действительности и произошло). Оттого-то, полагают они, и был он рад смерти своего брата, герцога Кларенса, чья жизнь неизбежно должна была помешать его намерениям в обоих случаях: сохранил бы герцог Кларенс верность своему племяннику, юному королю, или попытался бы сам стать государем. Все же твердой уверенности в этом нет, а кто в своих подозрениях опирается лишь на догадки, тот легко может угадать невпопад, а в перелет или в недолет. Как бы то ни было, я по достоверным сведениям узнал, что в ту самую ночь, когда умер король Эдуард, некий Мистлбрук еще до рассвета прибежал к дому некоего Поттиера {16}, что на Ред-Кросс-Стрит {17} за Крепл-Гэйт, и когда на частый стук его быстро впустили, то он сообщил Поттиеру, что король Эдуард почил {В 1565 добавлено: "Услышав вест, Поттиер едва не подпрыгнул от радости".}. "Клянусь честью, приятель, – сказал на это Поттиер, – теперь мой господин, герцог Глостер, будет королем!" По какой причине он так думал – то ли он по своей близости к герцогу что-то знал о таком его замысле, то ли еще почему-нибудь возымел такое подозрение, – это едва ли возможно решить {В 1565 добавлено: "Я помню, что узнал об этом разговоре от человека, который сам слышал собеседников и сообщил об этом моему отцу еще тогда, когда никаких подозрений об измене Ричарда не возникало".}, так как более он не хотел говорить об этом ни слова.

Вернемся, однако, к ходу нашей истории. Давно ли герцог Глостер предвидел такой исход, впервые ли он возымел теперь такую мысль и надежду, видя, как

малы еще принцы, его племянники (ибо ведь скорая возможность и вероятность побуждают человека посягать даже на то, о чем он и помышлять не смел), – заведомо известно лишь то, что он задумал их погубить и захватить королевскую власть. И поскольку он хорошо знал и сам помогал разжигать {В 1565 пространнее: "которую он старательно поддерживал, поскольку это было ему выгодно".} давнюю вражду и пылкую ненависть между родней королевы и семьей короля, завидовавших могуществу друг друга, то теперь он думал, что раздоры их послужат хорошим началом для выполнения его замысла и надежным основанием для всей его постройки (как оно и случилось на самом деле), если только он сперва сумеет под предлогом мести за старые обиды усилить злобу и непримиримость каждой стороны на погибель другой стороне и затем привлечет на свою сторону всех, кого сможет, а кого не сможет привлечь, тех погубит раньше, чем они спохватятся {1565 излагает эту мысль лучше: "затем он мало-помалу в удобное время привлечет на свою сторону тех, кто останется; если же он столкнется с неподатливыми, то сокрушит их посредством обмана раньше, чем они заподозрят дурное".}. Но знал он твердо еще и другое: если его замыслы окажутся раскрытыми, мир между обеими партиями будет быстро установлен ценой его крови.

Пока жив был король Эдуард, эти распри между его друзьями порой досаждали ему, но, находясь в добром здравии, Эдуард мало обращал внимания на них; что бы ни происходило между двумя партиями, он всегда (так он думал) сам сумел бы с ними управиться. Но во время своей последней болезни {18}, когда он почувствовал, что жизненные силы в нем иссякли и надежды на выздоровление нет {В 1565 добавлено: "и когда доктора потеряли всякую надежду на спасение".}, он начал размышлять о юном возрасте своих детей. И хотя ничего подобного тому, что произошло, он не предчувствовал, однако он ясно видел, как много зла может случиться из-за придворных раздоров, если дети его по молодости лет и сами будут неосмотрительны, и доброго совета друзей лишены {В 1565 добавлено: "посредством которого (совета друзей) только и возможно было их поддержать; если же друзья будут разделены между собой разногласиями и враждой, то заботиться они "будут только о своих партиях и интересах, а на то, что на самом деле нужно, не найдется у них ни дум, ни забот."}, ибо каждая партия станет в своих советах искать лишь собственной выгоды, чтобы скорее вкрасься в милость угодливую подкачкой, чем оказать принцам услугу полезным предложением. Поэтому {В 1565 добавлено: "думая об этих и подобных вещах".} он призвал к себе некоторых из тех, которые были в ссоре {19}, и прежде всего лорда-маркиза Дорсета {20}, сына королевы от первого мужа, и Ричарда, лорда Гастингса {21}, барона и тогдашнего лорда-чемберлена, которого королева особенно ненавидела за то, что он был в великой милости у короля, а также подозревая, что он был тайным поверенным короля в его любовных похождениях. Ее родня тоже его не терпела как за то, что король назначил его капитаном Калэ (а эту должность требовал от короля лорд Риверс, брат королевы {22}, ссылаясь на его давнее обещание), так и за другие богатые дары, которые они искали, а он перехватил. И вот когда эти лорды вместе с другими из обеих партий явились перед ним, то король приподнялся и, опершись на подушки, обратился, говоря, к ним с такими словами:

"милорды, любезные мои родственники и друзья! В каком бедственном состоянии лежу я здесь, вы это видите, а я чувствую. Поэтому чем меньше времени осталось мне прожить с вами, тем больше тревожусь я о том, в каком взаимном расположении я вас оставляю, – ибо какими я вас оставляю, такими же мои дети вас найдут. Так, если они (избави бог) найдут вас в расприх, то может случиться {В 1565 добавлено: "и они сами примкнут к вашим партиям и затеют между собою новые распри".}, что они окажутся ввергнуты в войну ранее, чем собственный их разум поможет им держать вас в мире. Вы видите юный их возраст; единственную его опору полагаю я в вашей согласии. Много ли пользы, что вы все любите их, коль скоро каждый из вас ненавидит другого? Будь они уже мужчинами, быть может, им было бы довольно и вашей верности; но детство должно быть поддержано мужской заботой, а нетвердая юность должна опираться на совет старшего, – а это они могут получить лишь от вас, а вы это можете им дать, лишь обретя согласие. Ибо где каждый старается разрушить то, что делает другой, где из ненависти друг к другу все оспаривают мнения друг друга, там долго придется ждать, чтобы прийти к любому разумному решению. И пока каждая партия рвется к первенству, там будет больше лести, чем советов верных и прямых {В 1565 добавлено: "так как добрые советы не могут быть даны без вашего взаимного согласия".}; а неизбежным следствием этого будет дурное воспитание правителя, ум которого, смолodu развращенный {В 1565 добавлено: "дурной лестью".} легко впадет в злодейство и беззаконие, и тем приведет себя и все королевство к гибели,

если только милость господня не обратит его на путь мудрости. Если же умудрит его бог, тогда те, кто прежде умел угождать ему дурными средствами, окажутся дальше всего от почета, ибо всегда в конце концов дурные умыслы ни к чему не ведут, а лишь пути прямые и добрые сулят торжество.

Долгое время между вами жила вражда, не всегда по важным причинам. Иногда намерения, направленные на благо, неверное наше понимание обращает во зло; порой малую обиду, причиненную нам, раздувает в большую либо собственное наше самолюбие, либо злые людские языки. Мне же ведомо одно: никогда у вас не было столько причин для ненависти, сколько есть для любви. Что все мы люди, что все мы христиане, об этом пусть говорят вам проповедники (хоть и думается мне, что больше любых проповедных слов должны бы вас тронуть слова человека, который вот уже отходит в те места, о которых и гласят эти проповеди). Я же лишь хочу вам напомнить, что одни из вас – мои родственники, а другие – мои свойственники и что каждый из вас связан с другим либо кровным родством, либо брачным свойством; духовное же родство, приобретаемое через брак, если таинства христовой церкви действительно имеют ту силу, какую они имеют по воле божьей, должно не в меньшей степени побуждать нас к любви, чем кровные узы. Господь запрещает вам враждовать из-за того, из-за чего должны вы, напротив, еще более любить друг друга. Но что случилось, то случилось: нигде мы не найдем столь жестоких разногласий, как среди тех, кто и по природе, и по закону должен действовать заодно. Гордыня и жажда суетной славы и власти – вот та ядовитая змея, которая, раз проникнув в вельможные сердца, внедряется в них до тех пор, пока разобщением и рознью не сокрушит всего, что есть: ибо каждый стремится быть сначала вторым после первого, потом – равным первому и наконец – главным и выше первого. А от этого неумеренного стремления к почету и от вызываемых им споров и разногласий – какие потери, какое горе, какие смуты недавно лишь царили в нашем королевстве! Я молю господа бога, чтобы он настолько же забыл о них, насколько мы о них будем помнить.

Если бы сумел я предвидеть эти события прежде, чем довелось мне их самому испытать, скорей на горе мое, чем на радость, то, клянусь пречистой божьей матерью (так он всегда клялся), я бы никогда не стал рубить столько голов, чтобы поставить перед собой на колени столько людей. Но поскольку прошедшего не вернуть, нам следует тем более остерегаться, как бы причина стольких наших бед не стала для нас причиной новых бед. Благодарение богу, что сейчас невзгоды прошли и все спокойно, и благотворный этот мир может процветать и далее при ваших кузенах, моих сыновьях, если бог даст им жизнь, а вы свою любовь. Если же не суждено сбыться и тому, и другому, то меньшую потерю будут дети мои – ибо, коли будет на то божья милость, королевство всегда бы нашло королей, и даже, быть может, не хуже, чем они; если же они будут царствовать, а вы при них затеете усобицу, то много погибнет добрых людей, а меж ними, быть может, и ты, и он, прежде чем земля эта вновь обретет спокойствие {1565 излагает эту мысль иначе: "прежде чем народ, истерзанный усобицами, вновь вернется к миру и согласию".}.

Поэтому вот мои, как видно, последние слова, с которыми обращаюсь я к вам: я убеждаю вас и требую от вас всех ради вашей ко мне любви, ради моей к вам любви, ради господней к нам любви: с этого часа впредь забудьте о всех обидах и любите друг друга. Я твердо верю: вы сделаете это, если здесь, на земле, вам хоть что-нибудь дорого – бог или ваш король, родство или свойство, отечество или собственная ваша безопасность".

И с этими словами король, не имея более сил сидеть, опустился на правый бок лицом к ним, и не было там никого, кто бы мог удержаться от слез. Но лорды ободрили его, как сумели, добрыми словами и ответили тотчас, что они готовы поступить, как ему угодно; и затем на глазах у него они простили друг друга и соединили руки вместе (как это явствовало по их словам), однако сердца их оставались друг другу далеки и чужды (как это позднее стало явно по их делам).

Как только король испустил дух, благородный принц, его сын, направился к лондону {В 1565 добавлено: "королевскому городу"}. из ладлоу в Уэльсе {23}, где в дни болезни отца держал он свой двор. Дело в том, что этот край, далекий от закона и надлежащего правосудия, начинал развращаться и дичать: даже разбойники и грабители там безнаказанно разгуливали на свободе. По этой причине еще при жизни отца принц был послан туда, чтобы своим присутствием обуздать злонамеренных лиц в их привычных злодеяниях. Для наставления и наблюдения при юном принце перед отправлением его был поставлен сэр Энтони Вудвиль, лорд Риверс, брат королевы, весьма почтенный

Мор Томас История Ричарда 3 filosoff.org
человек, доблестный в бою и мудрый в совете {24}; а при нем находились и другие лица из той же партии, так что по существу в окружении принца оказались все ближайшие родственники королевы.

Этот план, хитроумно выдуманный королевой, чтобы укрепить свою родню в милости у принца с молодых его лет, и послужил для герцога Глостера орудием к их сокрушению и основой всех его злоустроений. Всех, о ком он знал, что с этими лицами они во вражде, а к нему благорасположены, он либо устно, либо письменно через тайных гонцов стал убеждать, что неразумно и неосновательно было бы терпеть, чтобы юный король, их господин и родственник, был в руках и под охраной своей материнской родни, удаленный тем самым от их общества и забот, – хотя каждый из них обязан столь же верно служить ему, как и те, и хотя многие из них гораздо знатнее по крови, чем его материнская родня, чья кровь (говорил он), не будь на то королевской прихоти, была бы вовсе недостойна сочетаться с кровью короля. "И если теперь достойнейшие удалены от короля, а менее благородные оставлены при нем, то это (говорил он) не к чести ни его величеству, ни нам: для его милости небезопасно быть вдали от сильнейших своих друзей, а для нас весьма рискованно позволять заведомым нашим недоброжелателям безмерно увеличивать влияние свое на юного принца, пока он легковверен и податлив. Я уверен, что вы помните (говорил он), как сам король Эдуард, человек и взрослый, и разумный, тем не менее во многих делах позволял этой банде управлять собою в большей степени, чем то служило его чести, нашей выгоде или чьей угодно пользе, кроме разве непомерного их возвышения. И трудно сказать, чего они более жаждут: собственного успеха или нашей гибели. Так что не будь королю дружба некоторых из нас ближе любого родства, они давно уже, вероятно, могли бы нас легко опутать и погубить так же легко, как уже погубили они некоторых других, не менее близких королю по крови, нежели мы. Но господь проявил свою волю, по милости его опасность пока миновала. Однако она вырастет еще больше, если мы оставим юного короля в руках наших врагов, которые без его ведома смогут злоупотребить его именем, приказав расправиться с любым из нас, чего да не допустят бог и разумная ваша бдительность. Разумная эта бдительность всем нам теперь нужнее всего, поскольку недавнее соглашение скорее было заключено в угоду королю, чем по желанию сторон. Никто из нас, я думаю, не настолько глуп, чтобы опрометчиво поверить, будто старый враг сразу стал новым-другом или будто ненадежная доброжелательность, торопливо налаженная за один час и живущая не больше двух недель, могла глубже проникнуть в их сознание, чем давняя привычная злоба, укоренявшаяся в течение многих лет".

Таковыми и другими подобными речами и письмами герцог Глостер скоро сумел раздуть огонь в тех, кто и сам уже горел, особенно же в двоих – в Эдуарде, герцоге Бакингеме {25}, и в Ричарде, лорде Гастингсе и королевском черберлене {26}. Оба были мужи видные и могущественные, один вследствие древней своей родословной, а другой благодаря своей должности и милости короля. Было в них не столько взаимной любви, сколько ненависти к приверженцам королевы: оба были согласны с герцогом Глостером в том, что надлежит совершенно удалить из королевской свиты всех друзей его матери, представивши их врагами. Так и было решено.

Так как герцог Глостер понимал, что лорды, окружавшие короля, вознамерятся привезти его на коронацию в сопровождении такого толпища своих приверженцев, что едва ли ему удастся достичь своей цели, не собравши множества народа и не начав открытую войну, – а в такой войне победа, полагал он, будет сомнительной, да и все предприятие предвидится и прослывет простым мятежом, поскольку король будет на стороне противников, то по этой причине он тайным образом постарался разными средствами убедить королеву и внушить ей, будто большая свита для короля вовсе не нужна и даже опасна. Поскольку отныне все лорды возлюбили друг друга и ни о чем не помышляют, кроме как о коронации и о служении королю, то если сейчас лорды ее рода соберут королевским именем много людей, это внушит лордам, еще недавно с ними враждовавшим, страх и подозрение, что народ этот собран не для охраны короля, которому ни один человек не угрожает, а единственно для того, чтобы их уничтожить, потому что лучше помнятся давние распри, чем недавнее соглашение. По этой причине и они со своей стороны тоже должны будут собирать людей для своей охраны, а королеве неизвестно, что сил у них много больше. И таким образом все королевство окажется охвачено смутой; а за все то зло, и, должно быть, немалое, которое за этим последует, величайший позор постигнет тех, кого позорить ей вовсе не хочется: все начнут обвинять и ее, и ее родственников, будто они вероломно и по-глупому нарушили дружбу и мир, которые король, ее супруг, так разумно положил, умирая, меж своей и ее роднею и которые противною стороною верно блюлись.

королева, поддавшись на эти увещания {27}, послала своему сыну и сопровождавшему его брату соответствующее послание; да и сам герцог Глостер и другие лорды его группы писали королю так почтительно, а друзьям королевы так дружелюбно, что те, не подозревая ничего низкого, торопливо, но нерадиво повезли короля в Лондон, сопровождаемого лишь малым отрядом.

И вот едва только в своем пути король отбыл из Нортгемптона, как тотчас туда прибыли герцоги Глостер и Бэкингем. Там еще оставался дядя короля лорд Риверс, намереваясь утром следовать за королем, чтобы догнать его через 11 миль в Стони Стаффорд, раньше чем тот направится далее {28}. Вечером герцоги устроили долгий и дружеский пир с лордом Риверсом {29}. Однако тотчас после того, как они открыто и весьма любезно распрощались и лорд Риверс отправился к себе, герцоги с немногими из наиболее доверенных друзей уединились на совет, который продлился до поздней ночи. А встав на заре, они тайно послали за своими слугами, расположившимися поблизости в гостиницах и на квартирах, с приказом быстро приготовиться, потому что господа уже готовы в путь {1565 дает иную версию событий: "На пути короля лежал город Гемптон, который, хотя был расположен почти посередине королевства, тем не менее называется Нортгемптон (т. е. Северный Гемптон) в отличие от другого города, который лежит на южном берегу. В тот самый день, когда король покинул этот город, герцоги Глостер и Бэкингем вошли в него. Случилось так, что Вудвиль, брат королевы, о котором мы уже говорили, задержался там же, намереваясь следующим утром отправиться к Стаффорду, где король проводил эту ночь. Поэтому Вудвиль учтиво вышел из Гемптона, чтобы встретить герцогов, и они приветствовали друг друга самым дружелюбным образом. Проведя за разговором и пиром достаточное время, Вудвиль был отпущен и пошел спать, польщенный милостью герцогов, исполнившись великих надежд, счастливый и успокоенный. Но герцоги, у которых на уме было совсем не то, что выражалось на лицах, приказали всем удалиться, кроме сэра Ричарда Рэтклифа и других ближайших участников их замысла, и, усевшись с ними подле стола, всю ночь напролет обсуждали свои планы. Когда же наконец они поднялись, то послали разбудить без шума своих спутников, чтобы они были наготове, так как сами они уже садятся на коней".}. Благодаря этому приказу многие их люди оказались наготове, тогда как большинство слуг лорда Риверса еще не собрались. Затем герцоги поставили стражу к ключам от гостиницы, чтобы никто не мог оттуда выйти без их дозволения; кроме того, на большой дороге к Стони Стаффорд, где остановился король, они расставили своих людей, которые должны были задерживать и возвращать всякого, кто направлялся из Нортгемптона в Стони Стаффорд, пока не последует нового распоряжения. Это делалось якобы потому, что герцоги намеревались показать свое усердие, первыми явившись в этот день к его величеству из Нортгемптона, – так объявили они людям.

Когда лорд Риверс узнал, что ворота заперты, все пути отрезаны и ни ему, ни его людям не позволено выходить, он сразу понял, что такое важное дело не началось бы по пустякам и без его ведома, а сравнив такое поведение герцогов со вчерашним пиром, он был поражен столь удивительной переменой за столь немногие часы. Как бы то ни было, поскольку выйти он не мог, а сидеть взаперти не хотел, дабы не показалось, будто он скрывается, чувствуя тайный страх за какой-либо свой проступок (а он ничего подобного за собой не знал), то он решил, полагаясь на чистую совесть, смело выйти к герцогам и спросить, что все это значит. Но те, едва его увидев, тотчас стали осыпать его попреками, утверждая {В 1565 добавлено: "что он возбуждает распри между вельможами".}, будто он собирается отдалить их от короля и потом погубить, но ему это будет не под силу. Когда же он начал пристойным образом оправдываться {1565 начинает фразу по-другому: "Удивленный такими словами и пытаясь себя оправдать", но замечание о его красноречии опущено.} (а был он человеком, умевшим убедительно говорить), то они не дождались конца его ответа, а тут же схватили его и заключили под стражу. Сделав так, герцоги тотчас вскочили на коней и направились к Стони Стаффорд.

Здесь они нашли короля и его свиту готовыми сесть на коней и двигаться дальше, а ночлег оставить для них, поскольку дом был мал для двух отрядов. И вот как только герцоги появились перед королем, они тотчас спешили со всею свитой {В 1565 добавлены важные детали: "Сойдя с коней, предшествуемые длинным строем слуг, они приблизились к королю, и здесь слуги встали двумя рядами, а герцоги прошли по проходу между ними".}; герцог Бэкингем сказал: "Идите вперед, джентльмены и йомены, займите ваши комнаты!" – а затем герцоги достойным образом подошли к королю и приветствовали его милость почтительнейшим коленопреклонением. Король их принял любезно и радостно,

ничего еще не зная и не подозревая. А они тотчас затеяли ссору с лордом Ричардом Греем {30}, одним из сводных братьев короля по матери, утверждая, будто он с лордом-маркизом, своим братом, и лордом Риверсом, своим дядей, замыслили подчинить себе короля и королевство, перессорить дворянство, подавить и искоренить знатнейшие роды в стране. Именно ради этого, говорили они, лорд-маркиз ворвался в лондонский Тауэр {В 1565 добавлено: "как только умер король".} и увез оттуда королевскую казну, а моряков выслал в море {В 1565 детальнее: "и истратил королевскую казну на жалованье солдатам, которых он (Дорсет) послал во флот, чтобы усилить этим свою партию".} (между тем они хорошо знали {31}, что все это было сделано на благо и по необходимости, как решил весь лондонский совет, кроме разве что их самих) {В 1565 точнее: "герцоги клеветнически извратили это дело, чтобы им было на что ссылаться".}. На эти слова король {В 1565 добавлено: "опередив Грея, который приготовился говорить".} ответил: "что сделал мой брат-маркиз в Лондоне, я сказать не могу {В 1565 добавлено: "поскольку его нет с нами, хотя я надеюсь, что ничего злого".}; но о дяде моем Риверсе и об этом моем брате, присутствующем здесь {В 1565 добавлено: "которые никогда не отлучались от меня надолго".}, я по чистой совести решаюсь утверждать, что они ни в чем подобном не виновны". - "Да, мой сеньор, - сказал герцог Бэкингам {В 1565: "сказал герцог Глостер".}, - они отлично умели скрывать свое участие в таких делах от вашей милости!" и тотчас на глазах у короля они взяли под стражу лорда Ричарда и сэра Томаса Вогена {32}, рыцаря {В 1565 добавлено: "Грей, который был крепок телом и пылок душой, при виде опасности взялся рукою за меч; но кто-то с попреком сказал ему, что теперь уже поздно что-либо сделать, и он, смирясь, сложил оружие".}, а короля со всеми спутниками доставили назад в Нортгемптон.

В Нортгемптоне они вновь стали совещаться. Они отослали от короля тех, кто был угоден ему, и приставили к нему новых слуг - таких, которые были милее им, чем ему. При виде этого король заплакал, выражая свое несогласие, но все оказалось бесполезным. Во время обеда герцог Глостер послал лорду Риверсу блюдо со своего стола, убеждая его не печалиться, потому что все обойдется благополучно {В 1565 подробнее: "приказав слуге ободрить его от имени герцога и сказать ему, чтобы он мужался и не сомневался, что эти неприятности кончатся благополучно".}, а тот поблагодарил герцога и просил слугу отнести это блюдо его племяннику лорду Ричарду, ободрив его теми же словами, - он полагал, что племяннику такая поддержка нужней, потому что такие превратности судьбы ему еще внове {В 1565 добавлено: "и поэтому он к ним чувствительней".}. Сам же лорд Риверс за свою жизнь к этому привык и переносил это легче. А герцог Глостер, хоть и выказал ему столь любезную учтивость, тем не менее выслал лорда Риверса и лорда Ричарда с сэром Томасом Вогеном на север страны, заточив их по разным местам, а затем доставил всех их в Помфрет {33}, где они и были обезглавлены в тюрьме. Так герцог Глостер принял на себя охрану и распоряжение юным королем; оказывая ему великие почести и смиренное почтение, он сопровождал его дальше и дальше к городу Лондону.

Не прошло и суток, как вести о случившемся дошли до королевы {34}, и вести эти были самые скорбные: король, ее сын, схвачен; брат ее, сын ее и другие друзья арестованы и отправлены неизвестно куда, а что с ними будет, знает только бог {В 1565 добавлено: "все переменялось, все смешалось и рухнуло; нельзя было терять времени, следовало, пока не поздно, позаботиться о себе и о своем добре, чтобы стремительно надвигавшиеся враги не захватили и всего остального".}. Услыхав такую весть, королева в великом страхе и горести стала оплакивать гибель сына, несчастье друзей и собственное свое злополучие, проклиная тот день, когда она согласилась распустить королевскую охрану. Как можно быстрее она перешла с младшим сыном и дочерьми из Вестминстерского дворца, где они жили, в святое убежище, расположившись со своею свитою в покоях аббата.

В ту же ночь, вскоре после полуночи, к канцлеру Англии архиепископу Йоркскому {35} в его резиденцию близ Вестминстера пришел от лорда-чемберлена гонец. Он объявил слугам, что принес такое важное известие, что господин его велел не пожалеть даже архиепископского сна. Слуги, не колеблясь, разбудили архиепископа, а тот допустил гонца к своей постели. От него он услышал, что герцоги с его королевской милостью вернулись из Стони Стаффорд в Нортгемптон. "Тем не менее, сэр, - сказал гонец, - мой господин дает слово вашей светлости, что бояться нечего: он заверяет вас, что все будет хорошо". - "Я же заверяю его, - ответил архиепископ, - что как бы все хорошо ни стало, никогда оно не будет так хорошо, как было". И поэтому тотчас, как гонец ушел, архиепископ спешно

поднял всех своих слуг и так, окруженный свитой, в полном вооружении, взяв с собой большую государственную печать, еще до рассвета явился к королеве.

Там все было полно страхом, шумом, беготней и суетней: королевское добро доставляли и перетаскивали в убежище. Сундуки, ящики, короба, узлы, тюки – все на спинах людей, ни одного человека без дела: кто грузит, кто носит, кто разгружает, кто возвращается за новой ношей, кто ломает стену, чтобы расчистить прямой путь, кто хлопочет, чтобы помочь на окольном пути; а сама королева одиноко сидит на соломе, покинутая и растерянная {в 1565 добавлено: "стиснув пальцы и оплакивая участь свою и своих близких".}.
Архиепископ ободрил ее как мог, сделав вид, что все не так уж плохо, как ей кажется {в 1565 пространнее: "убеждая ее не отчаиваться в происходящем и не оставлять надежду на лучшее: у него еще есть надежда, что дело обернется не так ужасно, а ей от страха все представляется в ложном свете".}, и что послание лорда-чемберлена обнадежило его и избавило от страха. "О будь он проклят! – воскликнула на это королева, – он и сам из тех, кто стремится погубить меня и мой род!" – "Государыня, – ответил ее собеседник, – не падайте духом: клянусь вам, если они коронуют кого-то другого вместо вашего сына, который сейчас у них в руках, то мы завтра же коронуем его брата, который при вас. А вот и большая государственная печать: как мне ее вверил благородный государь, ваш супруг, так я теперь вручаю ее вам для блага и пользы вашего сына". С этими словами он отдал ей большую печать и отправился обратно домой.

Уже занимался день, и из окна архиепископской палаты видна была Темза, полная лодок со слугами герцога Глостера, сторожившими, чтобы ни одна душа не проникла в королевское убежище и чтобы даже мимо никто не смог проплыть бы незамеченным. Великое волнение и ропот были и здесь, и всюду, и особенно в городе: всякий по-своему гадал о событиях; иные лорды, дворяне и джентльмены из преданности королеве или из страха за себя собирались группами там и сям и ходили, сгрудившись, с оружием в руках; а многие поступали так потому, что думали, будто такие действия герцогов направлены не столько против других лордов, сколько против самого короля, чтобы помешать его коронации {1565 излагает эти события иначе: "Тотчас пошли слухи, новость была у всякого на устах, все недоумевали, все волновались гневом, страхом и скорбью; одни собирались тут и там вооруженные, ходили отрядами, угрожали друг другу, объединяемые общими заботами или страхом опасности. Движимые враждою или верностью, одни старались скрасить словами ненавистные дела, другие обличить их красноречием. Чтобы Лондону не было причинено какого-либо вреда, горожане расставили караулы. А так как лорды по большей части находились или в столице, или поблизости, то все это смятение и слухи побуждали их к самым различным догадкам".}.

Между тем лорды съехались в Лондон. Накануне их собрания архиепископ Йоркский, страшась, что его обвинят в чрезмерном легкомыслии (как оно и случилось на самом деле) за то, что он без особого на то приказа короля вдруг отдал большую печать королеве, которой она никогда не доверялась, послал к королеве за печатью и стал опять держать ее, как обычно. А в собрании лордов лорд Гастингс, в чьей верности королю никто не сомневался и не мог сомневаться, сумел всех убедить, что герцог Глостер предан государю верно и твердо и что лорд Риверс и лорд Ричард с остальными рыцарями, выступившие против герцогов Глостера и Бэкингема, взяты под стражу только ради безопасности последних {1565 излагает иначе: "потому что существовала уверенность, что они угрожали другим герцогам, – так это или нет, предстоит решить вам: для вашего разбирательства их и задержали герцоги, жалуясь на такую нимало не заслуженную обиду с их стороны".} и без всякой угрозы королю; а под стражей они будут не долее, чем пока дело их не будет беспристрастно рассмотрено всеми лордами королевского совета (а не одними только герцогами), по усмотрению которых они и будут либо осуждены, либо оправданы. Однако же, предостерегал он, в таком деле не следует судить опрометчиво, не выяснив всю истину, не следует обращать личные обиды на общую беду, не следует смущать умы и разжигать злобу и тем самым препятствовать коронации, ради которой направляются сюда герцоги, так как иначе они сумеют, вероятно, довести раздоры до такой степени, что уже ничего нельзя будет уладить. А если, как можно предвидеть, в такой борьбе дело дойдет и до оружия, то хоть силы сторон и равны, но перевес будет за теми, с кем король.

Подобные доводы лорда Гастингса (отчасти он в них сам верил, отчасти же думал совсем иначе) до некоторой степени успокоили брожение умов, тем более что герцоги Глостер и Бэкингем были уже близко, спеша доставить в Лондон

короля не иначе, как с целью его коронования, – ни на что другое они не указывали ни словом, ни видом. Зато они старательно раздували молву, что те лорды и рыцари, которые были схвачены, действительно замыслили погубить герцогов Глостера и Бакингема и других знатнейших особ королевства с той целью, чтобы самим держать в руках короля и распоряжаться им по своему усмотрению. А чтобы это казалось правдоподобнее, слуги герцога, сопровождавшие телеги с добром арестованных, по всем дорогам показывали его народу с такими словами; "Вот полные бочки оружия, которое эти изменники тайно везли в обозе, чтобы погубить благороднейших лордов!" (Между тем решительно ничего не было удивительного, что среди этого их добра имелось и оружие, вынесенное или выброшенное, когда громили их дворы). Умных людей такая выдумка только укрепляла в их сомнениях, так как они хорошо понимали, что для такой цели заговорщики скорее будут носить оружие при себе, чем прятать в бочки; однако большей части простого люда этого было вполне достаточно {В 1565 добавлено: "чтобы поверить, что явная в несомненная измена угрожала безопасности герцогов со всех сторон".}, и даже слышались крики, чтоб их повесить.

Когда король приблизился к городу, мэр Эдмунд Шей, ювелир, вместе с Уильямом Уайтом и Джоном Мэтью, шерифами, со всеми остальными олдерменами, одетыми в алое, и в сопровождении 500 горожан, одетых в фиолетовое и верхом на конях, встретили его почтительно близ Горнси {36} и оттуда сопровождали его в город, куда они и прибыли 4 мая {37} в первый и последний год его правления {38}. Герцог Глостер у всех на глазах держался по отношению к государю очень почтительно и с видом крайней скромности, так что тяжкое подозрение, лежавшее на нем совсем недавно, вдруг сменилось таким великим доверием, что на совете, вскоре собравшемся, именно он был признан и избран, как наиболее пригодный человек быть протектором короля и королевства {39}. Вот как случилось, что по неразумию или по воле судьбы ягненком был отдан под охрану волка. На этом же совете великим упрекам подвергся архиепископ Йоркский, канцлер Англии, за то, что он выдал королеве большую печать; печать у него была отобрана и вручена доктору Расселу, епископу Линкольна, человеку мудрому, доброму, многоопытному и, несомненно, одному из самых ученых людей, которых имела тогда Англия {40}. Различным лордам и рыцарям были назначены различные должности; лорд-чемберлен и некоторые другие сохранили за собой прежние свои посты.

Протектор страстно желал довершить то, что начал, и каждый день казался ему годом, пока это не было достигнуто; но он не отваживался на дальнейшие попытки, так как в руках у него была только половина добычи: он хорошо понимал, что если он низложит одного брата, то все королевство поддержит другого, останется ли он заточен в убежище или его сумеют благополучно вывести на вольную волю {В 1565 пространнее: "или скорее, чего он весьма опасался, его увезут куда-нибудь за пределы Британии".}. Поэтому вскоре же он заявил в ближайшем собрании совета лордов {41}, что королева поступает гнусно и оскорбительно для королевских советников, стараясь удержать королевского брата в своем убежище, хотя король более всего был бы рад и счастлив видеть брата рядом с собой; а сделала это она только затем, чтобы вызвать недовольство и ропот народа против всех лордов, – разве нельзя доверить королевского брата тем, кто по решению всего дворянства страны назначен охранять самого короля как ближайшие его друзья? {В 1565 пространнее: "Она как будто завидует радостям их взаимной любви; а всего преступнее то, что выставляет она – как главную свою заботу – то, что сына своего она лишила свободы, лишила света и блеска славной его доли и, увлекши его в убежище, словно столкнула его в убожество, мрак и грязь. А единственная всему этому причина – желание возбудить лютую народную ненависть против вельмож королевского совета: сама же она ненавидит их с таким пылом, что готова им отомстить даже ценою родных детей, как Медея в сказании. Ибо зачем держать дитя в убежище, как не затем, чтобы показать народу, будто попечение ваше о государе то ли ненадежно, то ли неразумно, будто опасно доверить мне даже королевского брата, тогда как вы доверили моему воспитанию и призрению самого короля?"} "Благополучие же короля, говорил он, – это не только охрана от врагов или от вредной пищи, это также и отдых, и скромные развлечения {В 1565 добавлено: "которые удивительным образом освежают и укрепляют детскую душу"}, которых ему в его нежном возрасте не может доставить общество пожилых людей, а может доставить лишь дружеское общение с теми, кто не слишком моложе его и не слишком старше, а по знатности достойны быть рядом с его величеством, – с кем же, короче говоря, как не с собственным своим братом? {В 1565 добавлено: "которого теперь родная мать, хуже чем мачеха, не пускает к нему".} А если кто подумает, что все это мелочи (впрочем, я надеюсь, ни один человек, любящий

короля, этого не подумает), то пусть он вспомнит, что порой без малых дел не вершатся и великие. Поистине великий позор и для его королевского величества, и для всех нас, близких к его милости, слышать, как и в нашей земле, и в других краях (дурная весть далеко бежит!) из уст в уста разносится молва, что королевский брат должен изнывать в убежище! Слыша это, всякий подумает, что без причины такое не делается; и дурная мысль, поселясь в сердцах людских, уж не скоро их покинет, а какая из этого может вырасти беда – и предугадать трудно. Поэтому, мне думается, для поправления дела неплохо бы послать к королеве человека почтенного и верного, который пользуется ее любовью и доверием, но печется и о благе короля, и о чести его совета.

По всем этим соображениям представляется мне, что нет для этого дела более подходящего человека, чем присутствующий здесь досточтимый наш отец кардинал, лорд-канцлер {42}, который тут может больше всех принести добра, если только будет ему угодно принять на себя эту заботу. Я не сомневаюсь, что он не откажется как по доброте своей, так и ради короля, ради нас и ради блага юного герцога, высокочтимого королевского брата и моего племянника, который мне дороже всех после государя. Этим тотчас укроются рассеваемые ныне клевета и злословие и устранятся все грозящие от них бедствия, – мир и тишина воцарятся в королевстве. Если же, паче чаяния, королева будет упорствовать и непреклонно стоять на своем, так что ни его преданный и мудрый совет ее не поколеблет, ни чьи-либо иные человеческие доводы не убедят, тогда, по моему мнению, мы именем короля выведем герцога из заточения и доставим к государю, находясь при котором неотлучно будет он окружен такой заботой и таким почетом, что к нашей чести и ее позору весь мир поймет, что только злоба, упрямство или глупость вынуждали ее держать его в убежище. Таково мое нынешнее мнение, если только кто-нибудь из ваших светлостей не полагает иначе; благодарение богу, я не настолько привержен к собственному суждению, чтобы не изменить его по вашим разумнейшим советам".

На такие слова протектора весь совет подтвердил, что его предложение было и добрым, и разумным, и почтительным перед королем и герцогом, королевским братом, и что если королева подбру на это склонится, то великому ропоту в королевстве наступит конец. И архиепископ Йоркский {43}, которого все сочли удобным туда послать, взялся убедить ее и этим выполнить первейший свой долг.

Тем не менее и он, и другие присутствовавшие там священнослужители полагали, что если ничем не удастся убедить королеву освободить герцога по доброй воле, то никоим образом не следует пытаться захватить его ей наперекор, – ибо если будут попораны права святого места, то все люди на это возропшут, а всевышний господь прогневается. Права эти блюлись много лет. Пожалованы они были по милости королей и пап, подтверждены были многократно, а священным основанием их было то, что более чем за пятьсот лет до того сам святой апостол Петр, явившись ночью в образе духовном и спутствуемый несметными ангельскими силами, освятил это место {44}, предназначив его всевышнему (в доказательство чего и доселе в обители св. Петра сохраняют и показывают плащ сего апостола). С тех самых пор и доньше не было еще ни одного столь безбожного короля, чтобы посмел осквернить божие место, и не было столь святого епископа, чтобы осмелился его освятить. "И потому (сказал архиепископ Йоркский) никакому человеку ни для каких земных причин не дозволяет господь посягать на неприкосновенность и свободу святого убежища, которое сохранило жизнь столь многим добрым людям. Я надеюсь (продолжал он), что по милости божией нам это и не понадобится; но даже если понадобится, мы отнюдь не должны этого делать. Таково мое мнение; я уверен, что королева склонится к доводам разума, и все уладится по-доброму. Если же не случится мне достигнуть цели, то и тогда я сделаю все, что могу, чтобы всем было понятно: не моя нерадивость, но лишь женский страх и материнская тревога были тому причиной". – "женский страх? Нет, женское упрямство! – возразил герцог Бэкингам. – Я смело и по совести говорю: она отлично знает, что ей нечего бояться ни за сына, ни за себя. Право же, здесь нет ни одного мужчины, который стал бы воевать с женщиной! И если бы господу угодно было иных мужчин из ее рода сделать женщинами, тогда бы все успокоилось очень скоро. Да и то ведь ее родственников ненавидят не за то, что они ее родственники, а за то, что у них дурные умыслы. Но если мы и не любим ни ее, ни ее родню, то из этого совсем не следует, что мы должны ненавидеть благородного брата короля, которому мы и сами все приходимся родственниками. Если она ищет ему чести так же сильно, как нашего бесчестия, если заботится о его благе не меньше, чем о

собственной воле, то она так же не захочет отрывать его от короля, как не хочет этого каждый из нас {MS Arunde} иначе: "Если бы действительно забота о его здоровье руководила ею не меньше, чем ее своеволие или ее ненависть к нам, она сама бы поспешила вызволить его из этого заточения, она бы так же горевала, видя сына взаперти, как сейчас стремится заточить его и сковать".}. Если же есть в ней хоть немного рассудительности (а ведь дай ей бог столько доброй воли, сколько у нее тонкого ума!), то она бы не считала себя умнее некоторых, здесь присутствующих. В верности нашей она не сомневается, зная и вполне понимая, что мы о его беде тревожимся не менее, чем она, но тем не менее отнимем его у нее, если она останется в убежище. Право же, все мы были бы рады оставить обоих при ней, если бы она вышла оттуда и поселилась в таком месте, где не позорно им жить. Если же она откажется освободить герцога и последовать совету тех, чья мудрость ей известна и верность испытана, то легко будет понять, что владеет ею упрямство, а не страх. Но пусть это будет даже страх (можно ли помешать ей бояться собственной тени?), - тогда чем больше она боится выпустить герцога, тем больше мы должны бояться оставить его при ней. Если сейчас она в праздных своих сомнениях боится, как бы его не обидели, то потом она будет бояться, как бы его и оттуда не похитили: ведь она подумает, что если люди решились на такое великое злодеяние (от какого избави нас бог), то и священное убежище им не помеха. Думается мне, что добрые люди без греха на душе могут с таким страхом считаться меньше, чем они считаются. Ведь если она будет опасаться, что сына у нее отнимут, то разве с нее не станется отправить его куда-нибудь прочь из королевства. Воистину я не вижу ничего другого; и я не сомневаюсь, что она сейчас так же упорно над этим думает, как мы думаем над тем, чтобы этому помешать. И если ей удастся достигнуть своего (а это ей не трудно, если мы оставим ее одну), то весь мир о нас скажет: хороши, мол, мудрые королевские советники, что позволили из-под носа у себя увезти королевского брата!

Поэтому я со всей решимостью заявляю вам, что наперекор королеве я охотнее бы отнял герцога, чем оставил при ней, пока ее упрямство или праздный страх не умчат его прочь. И все же ради этого я не стану осквернять убежище. Священные права этого и других подобных мест блюдятся исстари, и я не стану нарушать их; но скажу по совести, если бы они утверждались сегодня, то я не стал бы утверждать их. Пожалуй, я не сказал бы и "нет", но разве лишь из жалости, потому что, конечно, те люди, которых море или тяжкие долги {В 1565 добавлено: "или иные удары судьбы".} довели до разорения, должны иметь хоть какое-то место, где бы свободе их не грозила опасность от злобы заимодавцев. И когда идет борьба за корону (как это бывало) и каждая партия обвиняет другую в измене, то хотелось бы, чтобы обе располагали какими-то убежищами {В 1565 добавлено: "где они находились бы в безопасности, пока победа еще не решилась, а обстоятельства сомнительны и тяжелы".}. А вот что касается воров, которыми кишат такие места и которые, предавшись своему ремеслу, уже от него не откажутся, то очень жаль, что убежище служит им защитой. И еще того прискорбнее, что спасаются там и убийцы, которых сам бог повелел брать от алтаря и умерщвлять, если убийство было совершено ими предумышленно. А когда убийство непредумышленно, то нет нужды и в убежище, которое бог установил в Ветхом Завете: кого понудили к такому делу необходимость, самозащита или несчастье, тот получит прощение или в силу закона, или по милости короля. Но давайте посмотрим, как немного в этих убежищах людей, понужденных к тому уважительной необходимостью; и посмотрим, с другой стороны, как обычны там такие люди, которых довело до беды собственное и сознательное распутство. Что это за банды воров, убийц и коварных мерзостных предателей! А больше всего их в двух местах: одно бок о бок с городом, другое в самых его недрах {45}; и если бы взвесить то благо, которое эти убежища приносят, и то зло, которое от них происходит, то смею думать, вы и сами сказали бы, что лучше не иметь ни одного убежища, чем иметь целых два. Я сказал бы то же самое, даже если бы они не были так обещены, как обещены сейчас, обещены давно и, боюсь, так и останутся обещены, пока люди не решатся собственными руками исправить такой порядок, - словно бог и святой Петр покровительствуют людским порокам! Распутники бесчинствуют и разоряются, надеясь на убежище в этих местах; богачи бегут туда, захватив добро бедняков; здесь они строят жилье, тратятся на пиры, а заимодавцам предлагают посвистеть под стеной. Замужние жены бегут сюда, прихватив столовое серебро своих супругов, и заявляют, что не хотят жить с мужьями потому, что те их бьют. Воры бегут с награбленным добром, здесь они привольно его проживают, здесь замышляют новые грабежи, отсюда выходят по ночам красть, грабить, обирать и убивать, словно эти места не только охраняют их от расплаты за старые преступления, но дают им право и на новые. А ведь многие из этих зол можно было бы исправить с

Мор Томас История Ричарда 3 filosoff.org
божьей помощью и без нарушения священных прав, если бы только умные люди приложили к этому руки.

Ну, что ж! Если уж некогда какой-то папа и какой-то король, больше из сострадания, чем из благоразумия, установили права этих мест, а другие люди из-за некоего священного страха не осмеливались их нарушать, то будем терпеть их и мы, и пусть они с богом остаются как есть, но только до тех пределов, пока это позволяет здравый смысл, и уж никак не настолько, чтобы помешать нам вызволить благородного человека к его чести и благополучию из такого убежища, которое ему никак не к лицу и не может быть к лицу. Ведь убежище всегда служит человеку для защиты не просто от большой беды, но еще и от заслуженной беды. А для защиты от незаслуженных обид ни папа, ни король никому месту не собирались давать никаких особых прав {В 1565 иначе: "не существует причин предоставлять особые привилегии какому-либо одному месту".}, ибо таких прав ни одно место не лишено. Неужели хоть где-нибудь позволяет закон человеку человека обижать безнаказанно? На противозаконную обиду и король, и закон, и сама природа кладут повсеместный запрет, и в этом всякому человеку всякое место служит убежищем. Только когда человека преследует закон, то приходится ему искать покровительства от особых прав; только на этом основании и по этой причине и возникли убежища. Но наш благородный принц от такой необходимости далек; о его любви к королю свидетельствует природа и родство, о его невинности перед всем миром свидетельствует нежный его возраст. Стало быть, убежище ему не нужно, убежища для него и быть не может. Человек не приходит в убежище, словно на крещение, по воле крестных родителей, – он должен сам о нем молить, и тогда лишь он его получит. Но если из всех людей право на убежище имеет только тот, кто знает за собою вину, понуждающую его просить об этом, то какое же право на убежище может иметь маленький мальчик {В 1565 добавлено: "с какой стати ему требовать от убежища бесполезной охраны для себя?"}? Даже если бы он был уже достаточно разумен, чтобы просить о нем в случае нужды, то сейчас, осмелюсь сказать, он мог бы только негодовать на тех, кто держит его в этом убежище. Поэтому я буду утверждать без всякого угрызения совести и без всякого нарушения священных прав, что даже с теми, кто по праву укрылся в убежище, обращаться надо попроще {1565 излагает эту мысль иначе: "Нет ничего страшного в том, чтобы освободить из убежища того, кто сам не против этого; я настолько в этом уверен, что, полагая, нелишим быть посмелее обычного и с теми, кто действительно нуждается в убежище".}. В самом деле, если кто скрылся в убежище с чужим добром, то почему король не может, не посягая на его свободу, отобрать часть этого добра даже и из убежища {1565 четче: "отобрать у беглеца и вернуть хозяину похищенное, не нанося никакого оскорбления святыне".}? Ведь ни король, ни папа не могут дать никакому месту такой привилегии, которая освобождала бы человека, способного платить, от уплаты его долгов."

С такими его словами согласились многие присутствовавшие духовные лица, то ли стараясь угодить говорившему, то ли и вправду так думая: "Действительно, – говорили они, – что по закону бога и святой церкви имущество человека, находящегося в убежище, должно быть отдано для уплаты его долгов, а ворованное добро возвращено их владельцу; самому же ему довольно и свободы поддерживать свою жизнь трудом собственных рук."

"В самом деле, – сказал герцог, – вы сказали, мне думается, истинную правду. А если замужняя жена захочет уйти в убежище, дабы избавиться от своего мужа, то и тут, я бы полагаю, он мог бы законно и не оскорбляя святого Петра взять ее из Петровой церкви силою – в том случае, конечно, если она не сумеет привести никакой другой причины. Если же считать, что ни один человек, желающий остаться в убежище, не может быть оттуда взят, то, должно быть, и ребенок, которому страшно идти в школу, может укрыться в убежище, и учитель не посмеет его тронуть? А ведь наш случай так же прост, но еще менее оправдан: там хоть был детский страх, но все-таки страх, а здесь нет совершенно ничего. Честное слово, я часто слышал о мужчинах из убежища, но никогда не слышал о детях из убежища. Поэтому, заканчивая свою мысль, скажу: кто по проступку своему нуждается в убежище и думает найти в нем защиту, тот пусть укроется в нем; но не может укрываться в убежище человек, не столь разумный, чтобы этого желать, не столь преступный, чтобы этого заслужить, и чьей жизни или свободе не грозит никакое законное преследование {В 1565 добавлено: "Беззаконного же преследования здесь еще меньше можно опасаться, поскольку высшей властью владеет его брат, у самого у него также немало сил, у друзей его еще того более, а светлейший его дядя и все мы вместе с ним усерднейше печемся о его жизни и безопасности".}. И тот, кто вызволит такого человека из убежища для его же собственного блага,

Когда герцог кончил, то все светские лорды, а также многие из духовных лиц, полагая, что никто на свете не замышляет зла против малолетнего ребенка, постановили, что если его не отпустят добровольно, то он должен быть выведен насильно. Однако, во избежание всякого рода слухов, они почли за лучшее, чтобы лорд-кардинал попытался сначала выволить его с согласия королевы. И поэтому весь совет явился в Звездную палату Вестминстера {46}; и лорд-кардинал, оставив протектора со свитою в Звездной палате {47}, вошел в убежище к королеве. При нем было несколько других лордов: либо из уважения к ее сану, либо для того, чтобы она по присутствию многих поняла, что он говорит не от единственного лица, либо потому, что протектор не считал здесь возможным довериться одному человеку, либо же, быть может, если бы она все-таки решила оставить сына при себе, то кое-кому из свиты было тайно поручено, не считаясь с нею, взять ее сына силой, не дав ей времени отослать его прочь, хотя она, вероятно, услышав, в чем дело, и попыталась бы просить для этого выгодной ей отсрочки.

Когда королева и лорды предстали друг другу, то лорд-кардинал сообщил ей, что, по мнению протектора и всего совета, укрывши королевского брата в таком месте, она этим самым вызывает не только сильнейший ропот и злословие в народе, но также и великую печаль и неудовольствие его королевского величества. Единственной утешью его милости было бы иметь родного брата при себе; а когда он томится здесь, в убежище, то это позор и для них обоих, и для нее самой: как будто брат брату грозит бедою и опасностью!

Далее он сообщил, что совет прислал его просить, чтобы она освободила сына и чтобы из этого места, которое они считают тюрьмой, принц был доставлен на волю к королю, где он будет жить, как подобает его сану. Такой ее поступок будет великим благом для королевства, услугой для совета, выгодой для нее самой, помощью для ее друзей в беде, а сверх того (что, конечно, для нее всего желаннее) большим удовольствием и почетом не только королю, но также и юному герцогу: ведь для них обоих лучше всего быть вместе, хотя бы ради совместного их отдыха и забав, не говоря о многих более важных причинах. Это могло бы показаться пустяком, однако лорд-протектор и к этому относится серьезно, хорошо понимая, что отроческий их возраст нуждается в развлечениях и играх, а по возрасту и сану никто посторонний не подходит им в товарищи лучше, чем сами они друг для друга {В 1565 сцена встречи кардинала с Елизаветой изложена иначе: "Поэтому когда они предстали друг другу, кардинал заявил, что баронам представляется варварством, что единственный брат оторван от короля и чуть ли не заточен в тюрьму; этим она навлекает на обоих лишь бесчестие, а во всех заморских землях вызывает и раздувает лишь неприязнь к правителю, чей единственный брат, как гласит молва, изнывает в убежище, и дурные толки о такой стране, где живет народ столь жестокий и дикий, что даже брат не безопасен от брата. Потому и прислали его король и вельможи, чтобы со всею преданностью и любовью подать ей добрый и спасительный совет. Прежде всего следует освободить герцога из этого темного узилища и вернуть к державному двору, в сладостное общество его брата. Сделав так, она покажет, что правильно судит и предо всеми о государственных делах, и пред друзьями об общих, и сама с собою о частных, а более всего доставит удовольствие королю и герцогу, которым так приятно и удобно жить друг при друге".}

"Милорд, - ответила королева, - я не смею отрицать: благородному отроку, за которого вы просите, и впрямь было бы всего уместнее жить вместе с королем, его братом; и, сказать по совести, им обоим покамест было бы очень на пользу находиться под материнским присмотром, так как даже старший из них еще в нежном возрасте, а младший и тем более: он дитя, ему нужен хороший уход, недавно он очень ослабел от тяжелой болезни и до сих пор еще не столько выздоровел, сколько чуть-чуть поправился, так что я никому на свете не могу его доверить, а должна, ухаживать за ним сама, тем более что и врачи говорят и мы сами знаем, что повторение болезни вдвойне опасно, так как природа человека, истомленная, потрясенная и ослабленная от первого приступа, уже почти не в силах вынести второй. И хотя, быть может, найдутся и другие, которые сделают для него все, что могут, однако никто не умеет лечить его так, как я, выхаживавшая его так долго, и никто не будет лелеять его нежнее, чем собственная мать, носившая его во чреве."

"Государыня, - сказал кардинал, - ни единый человек не станет отрицать, что ваша милость вашим детям нужней, чем кто бы то ни было {В 1565 добавлено: "пока вы живы, чтобы заботиться о жизни ваших детей, особенно в этом нежном

их возрасте".}; и весь совет будет не только согласен, но даже рад, если вы изъявите желание поселиться в месте, соответствующем их сану. Но если вы решили оставаться здесь, тогда совет полагает, что было бы пристойнее, чтобы герцог Йорк находился вместе с королем на свободе и в почете к обоюдному их удовольствию, а не ютился, как изгнанник, в убежище к обоюдному их бесчестию и стыду. Не всегда ведь столь неизбежно для ребенка быть при матери, иногда случается и так, что ему удобнее жить в другом месте. Это хорошо видно из того, что когда ваш любезный сын, тогда еще принц, а ныне король, для чести и блага страны должен был держать свой двор вдали от вас, в Уэльсе, то ваша милость сами это одобрили."

"Не так уж я это одобрила, - отвечала королева, - да и случай был совсем не такой, так как тот был тогда здоров, этот же сейчас болен. Оттого я так и удивляюсь, почему милорд-протектор так жаждет принять его под свою опеку? Ведь болезнь, постигшая дитя по немилости природы, может навлечь на него самого клевету и подозрение в обмане! {1565 пространнее: "Ведь если бы волею судьбы невинное дитя погибло (чего не дай бог!), он легко бы оказался сам под подозрением в злодействе? А сейчас он подвергает злым интоккованиям (это ведь ни для кого не трудно!) мой поступок, который и невынужденный ничуть не постыден, а в нынешней моей вынужденности и подавно простителен, даже если бы в нем и было чего стыдиться. Гнусными речами он порочит мою материнскую заботу о благе сына и тревогу мою выдает за злокозненность, будто я не спасения ишу для себя и сына, а ненависть разжигаю к нему и вельможам! Я и так уже слишком терпелива: ах, если бы могла я возмущаться словами и не тревожиться худшими бедствиями! Даже последовательности я не вижу в его речах: ибо он утверждает, что меня никто ни в чем не трогает, и он же не хочет мне оставить даже родного сына; он уверяет, будто мне нигде не грозит опасность, но не дает мне покоя даже там, где и разбойник чувствует себя в безопасности. Если я действительно свободна, тогда почему нельзя мне жить, где это позволено? И почему позорно моему ребенку быть при матери?"} И напрасно лорды уверяют, будто для чести моего сына и для них самих такой позор, что он находится здесь, в этом месте: наоборот, дело чести для них именно в том, чтобы он оставался там, где за ним, без сомнения, будет лучший уход. А такой уход за ним будет только здесь, пока я здесь, я же отсюда уходить не собираюсь, чтобы не попасть в беду вслед за другими моими друзьями, - право, лучше бы, с божьей помощью, им быть в безопасности здесь, при мне, чем мне быть в опасности там, при них".

"Государыня, - заметил другой лорд {48}, - почему вы предполагаете, будто ваши друзья в опасности?"

"Не предполагаю, а знаю, - ответила она, - и не только в опасности, а уже и в тюрьме. Поэтому я и не удивилась бы, если бы те, кто решились бросить их в тюрьму без повода, столь же легко решились бы и казнить их без вины."

Кардинал сделал знак упомянутому лорду, чтобы он больше не задевал этой струны. А королеве он сказал, что с этими лордами из ее почтенной родни, которые пока еще под стражей, несомненно, по рассмотрении дела будет поступлено с полной справедливостью; что же касается ее собственной благородной особы, то ей ни малейшая опасность не угрожает и не может угрожать.

"С какой стати могу я в это поверить? - отвечала королева. - Не с того ли, что я невиновна? Как будто они были виновны! Не с того ли, что их враги ко мне мягче? Да они как раз из-за меня их и ненавидят! Не с того ли, что я близкая родня королю? А разве далеки от него они? Если бы это помогало, это бы их спасло; однако, дай бог, чтобы это их не погубило. Вот почему сама я не намерена уходить отсюда, и сыну моему, благородному отроку, лучше быть при мне, пока я не увижу, что будет дальше. Поверьте мне: чем больше я смотрю, как некоторые лица, без всяких на то причин, рвутся заполучить его в свои руки, тем больше и больше мне приходится бояться его освобождения."

"Подумайте, государыня, - последовал ответ, - ведь чем больше вы боитесь его освободить, тем больше остальные боятся вам его оставить, чтобы вы в беспричинном вашем страхе не решились отправить его отсюда куда-нибудь еще дальше. А много есть и таких, кто считает, что это место не дает ему никакой защиты {В 1565 пространнее: "Есть такие, которые считают, что у вас и права нет разлучать короля и его брата, так как простота и невинность отроческого возраста не имеют никакого отношения к убежищу".}, ибо у принца не было ни намерения просить ее, ни вины, чтобы заслужить ее; и поэтому они

думают, что могут взять его отсюда, не нарушив священных прав. Если вы решительно откажетесь освободить его сами, я уверен, они его и возьмут, так боится в своей нежной любви к принцу мой господин, а его дядя, чтобы ваша милость при случае не отправила его отсюда прочь".

"Вот как, сэр! - воскликнула королева. - Стало быть, протектор оттого лишь так пылко любит принца, что его тревожит, как бы тот не ускользнул от него! Уж мне ли отправлять отсюда принца прочь, если у меня к тому и возможности нет? {В 1565 вместо этого: "Он боится, что я отправлю от себя сына, о котором вся моя забота и незрячему видна? Отправлю, чтобы он тотчас попался в западни, расставленные на его пути? Нет, об этом уж и речь заводить бессмысленно!"} И где же мне считать его в безопасности, если он не в безопасности даже здесь, в этом убежище, чьих прав ни разу не нарушал доселе ни один тиран, даже обуянный самим дьяволом? Впрочем, я уповаю, что господь как прежде, так и ныне властен охранить свое убежище от недругов {В 1565 добавлено: "Разве есть на свете место святее этого?"}. Но, оказывается, мой сын не имеет права на убежище и поэтому не должен пользоваться им! Да, недурное придумано толкование: стало быть, святое место может защитить грабителя, а невинного ребенка не может! Говорят, мой сын вне опасности, а значит убежище ему и не нужно. Дай бог, чтобы стало так! Но неужели же протектор (господи, покажи нам, что это за протектор!) думает, будто я не понимаю, к чему ведут все его хитрости, шитые белыми нитками? Недостойно-де, чтобы герцог находился здесь {В 1565 добавлено: "это навлекает-де позор на дворян и ненависть на правителя".}: было бы удобнее обоим, чтобы он находился вместе с братом, потому что у короля нет хорошего товарища для игр. Дай бог им обоим лучшего товарища для игр, чем тот, кто для дальних своих замыслов приискивает такой пустяковый предлог! Будто бы некого найти, чтоб играть с королем {В 1565 добавлено: "(если только у короля есть время для этого!)"}, если только его брат, которому в его болезни и вовсе не до игры, не выйдет для этого из-под защиты своего убежища! Как будто правители в пору детства могут играть лишь с равными! Как будто дети умеют играть лишь с родственниками! Да с родственниками-то они обычно куда больше ссорятся, чем с чужими.

кто сказал, что ребенок не может требовать убежища? Пусть он послушает, и он сам услышит его мольбу! Но все это смешные пустяки: пусть мальчик не может, пусть мальчик не хочет просить убежища, пусть он даже просится уйти отсюда, - но если я сказала, что он отсюда не выйдет, и если я сама испросила для себя убежище, то всякий, кто против моей воли уведет отсюда моего сына, нарушит этим священные права этих мест. Разве убежище охраняет только меня, а не все мое добро? Или вы не вправе увести у меня лошадь, но вправе увести у меня ребенка? Нет, он также находится под моей охраной: мой ученый совет заверил меня, что пока он по малолетству не принят на рыцарскую службу {49}, закон велит матери быть над ним опекуном. Поэтому, я полагаю, ни один человек не может взять у меня отсюда моего подопечного, не нарушив этим прав убежища. Но даже если мое право убежища не может охранять сына, а сам он для себя убежища не просит, то все равно: так как закон поручает мне охранять его, то я вправе сама для него потребовать убежища. Разве закон дает опекуна ребенку только для охраны его земли и движимости, а не для заботы и попечения о нем самом, кому должны служить и земли и движимость? Если же нужны примеры {50}, чтобы получить для мальчика право убежища, то мне незачем искать их далеко. Вот в этом самом месте, где мы сейчас стоим и о котором спорим, может ли мой ребенок пользоваться его правом убежища, - в этом самом месте родился когда-то мой другой сын, нынешний король, здесь он лежал в колыбели, здесь он был сохранен для лучшей своей доли, дай бог, чтоб на долгие годы! Вы ведь знаете, что я не впервые в этом убежище; было время, когда супруг мой был разбит и изгнан из королевства, а я на сносках бежала сюда и здесь родила принца. Это отсюда я вышла приветствовать супруга, вернувшегося с победой, это отсюда я вынесла младенца-сына, чтобы отец впервые принял его в объятия {51}. И сейчас, когда царствует он, дай бог ему столько безопасности в его дворце, сколько было в этом убежище в те дни, когда царствовал враг!

Вот почему я намерена держать его здесь. Людской закон предписывает опекуна охранять несовершеннолетнего; закон природы велит матери беречь свое дитя; божий закон дает священные права убежищу, а оно моему сыну. Я боюсь отдать его в руки протектора, который уже завладел его братом: ведь если оба погибнут, то он сам станет наследником короны. Откуда этот страх, пусть никто не допытывается; во всяком случае я боюсь не больше, чем на это дает основание закон, который ведь недаром (как сказали мне ученые люди) запрещает человеку принимать опеку над теми, чья смерть сделает его

наследником даже малого клочка земли, не говоря уж о королевстве. Больше я ничего не могу сделать; но кто бы ни был осквернитель этого святого убежища, я молю бога, чтобы он и сам вскорости почувствовал нужду в убежище, но не смог бы его достичь: А достичь его и быть силой выведенным оттуда, - этого я не пожелаю даже моему смертельному врагу" {В 1565 пространнее: "Против этой опасности вернейшею, если не единственной, защитой служит неприкосновенность этого места; с моего согласия мой сын никогда его не оставит, а кто против моей воли возьмет его отсюда (хоть не думаю, что дело дойдет до этого), тот осквернит великую святость убежища, и тогда я молю небеса, его блюдушие: пусть этот человек вскоре сам испытает нужду в неприкосновенном убежище, но пускай его схватят раньше, чем удастся ему войти в святую сень, - потому что укрывшемуся быть выведенным я и врагу не пожелаю".}.

Лорд-кардинал увидел, что королева чем дальше, тем больше раздражается, что она уже пылает и неистовствует и даже начинает говорить резкие слова против самого протектора; а так как этим обвинениям он не верил и не хотел их слушать, то он сказал ей наконец, что дольше об этом спорить он не намерен: если она согласна доверить герцога ему и другим лордам, здесь присутствующим, то он готов отдать и тело, и душу в залог его безопасности и сана; если же она решительно им откажет, то он тотчас уйдет отсюда со всеми спутниками, и пусть тогда, кто хочет, занимается этим делом. У него нет и не было никакого желания вовлекать ее в такое дело, в котором, как видимо ей кажется, всем, кроме нее самой, не хватает то ли ума, то ли честности: ума, если они по своей тупости не понимают намерений протектора, и честности, если они понимают его к принцу зложелательство, а все-таки хотят выдать мальчика в его руки.

Королева после этих слов стояла некоторое время в глубокой задумчивости. Ей показалось, что кардинал вот-вот уйдет, а остальные останутся, и что сам протектор {1565 добавлено: "с вооруженными слугами".} ждет вблизи и наготове; поэтому она и вправду подумала, что не сможет удержать сына при себе, и он немедленно будет взят отсюда; а чтобы отослать его еще куда-нибудь, не было уже ни времени, ни условленного места, ни приготовленных помощников, - ибо посольство застало ее врасплох, ничто не было заранее устроено, не искали даже, кто вывел бы принца из убежища, которое, полагала она, уже окружено со всех сторон, так что принцу не миновать быть схваченным по пути. Еще она подумала, что страхи ее могут оказаться и напрасными, а действия бесполезными или ненужными {В 1565 добавлено: "(как обычно думают даже в безнадежных случаях)".}; поэтому если уж суждено ей лишиться его, то лучше будет, решила она, отпустить его самой. А в верности кардинала и других присутствовавших лордов она не сомневалась, полагая, что хоть обмануть их и можно, но подкупить нельзя. Затем она подумала, что они будут бережнее наблюдать за ним и зорче следить за его безопасностью, если она доверит его им собственными руками {52}. И тогда она взяла юного герцога за руку и сказала лордам:

"Милорд-кардинал и вы все, милорды, я не настолько глупа, чтобы не доверять вашему уму, и не настолько подозрительна, чтобы сомневаться в вашей верности. И я хочу представить вам доказательство моего доверия: ведь если того или другого достоинства в вас не окажется, то мне это будет тяжким горем, королевству большой бедой, а вам великим позором. Вот перед вами этот благородный отрок {В 1565 добавлено: "мой сын и сын Эдуарда, еще недавно вашего обожаемого монарха".}, которого, несомненно, что бы там ни говорили, я могла бы здесь держать в безопасности. Несомненно и то, что там, за этими стенами, есть люди, которым так ненавистна моя кровь, что окажись ее частица в их собственных жилах, они выпустили бы ее своею рукой. А опыт учит нас, что жажда королевской власти не считается ни с каким родством: брат губит брата {В 1565 добавлено: "сыновья умерщвляют изгнанников, ближайшие родственники ссорятся из-за власти".}, и могут ли племянники полагаться на дядю? Каждый из этих детей защита другому, пока они находятся порознь, и жизнь одного - залог жизни другого. Уберегите одного, и спасены будут оба; а вместе им быть опаснее всего. Какой разумный купец доверит все свои товары одному кораблю? И вот, несмотря на все это, я сейчас передаю в ваши руки и его, и в его лице - его брата, и я буду просить вас за них перед богом и людьми. Верность вашу я знаю и мудрость вашу тоже; сил и средств для его защиты у вас при желании довольно, в поддержке у вас также не будет недостатка. Если вам трудно защищать его в другом месте, то оставьте его здесь; об одном только заклинаю вас, во имя доверия, которое всегда питал к вам его отец, и во имя доверия, которое теперь питаю к вам я сама: вы говорили, что страх мой слишком силен;

постарайтесь же, чтобы ваш страх не оказался слишком слаб!" После таких слов она обратилась к сыну: "Прощай, мое милое дитя, и дай бог тебе заботливый присмотр! Дай мне поцеловать тебя перед уходом, потому что бог знает, когда придется нам поцеловаться вновь". С этими словами она поцеловала его, осенила его крестом, повернулась к нему спиной, заплакала и пошла прочь, оставив ребенка плачущим так же горько.

Когда лорд-кардинал и сопровождавшие ему лорды получили таким образом юного герцога, они доставили его в Звездную палату {53}, где протектор взял ребенка на руки, поцеловал его и промолвил так: "Рад приветствовать моего господина всем своим сердцем!" И он выразил этим то, что думал. Тотчас затем они доставили его к королю, его брату, в епископский дворец у собора св. Павла, а оттуда через весь город с почетом препроводили детей в Тауэр {54}, откуда с этого дня они никогда уже не вышли {В 1565 пространный: "вступили в Тауэр среди радостных криков со всех сторон и в сопровождении тех, кому суждено было сделать тщетными пожелания кричащей толпы, так как больше они уже никогда отсюда не вышли".}.

Теперь, захватив в свои руки обоих детей {55}, протектор стал уже смелее раскрывать свои намерения доверенным людям, более же всего герцогу Бэкингеми. Правда, многие думают, как известно, что герцог был тайным участником этого заговора с самого начала, а некоторые из друзей протектора даже говорят, будто герцог первый и толкнул протектора на такое дело, послав к нему с этой мыслью тайного гонца сразу же после смерти короля Эдуарда; однако те, кто лучше знают хитрый ум протектора, твердо заявляют, что он открыл дальнейшее не раньше, чем исполнил предыдущее. Только заключив в тюрьму родственников королевы и прибрав к рукам ее обоих сыновей, открыл он уже смелее дальнейшие свои замыслы тем, кому считал нужным открыть их для дела, более же всего герцогу, чья поддержка, полагал он, удваивала его силу. Дело было открыто герцогу через хитрых людей, мастеров своего дела; они сообщили ему, что юный король в беде на него за свою родню и при случае будет ему мстить; и если узники будут отпущены, то они сами станут подстрекать короля, памятуя свою тюрьму и оковы, если же их казнят, то король, пожалевший их в тюрьме, не простит их смерти. Раскаяние не поможет, никакими услугами уже не искупить преступления; герцог скорее погубит, чем спасет короля, который вместе с братом и родственниками, как ему известно, уже заключены в такие места, где протектор может одним кивком головы уничтожить их всех. Несомненно, тот так и сделает, едва только задумает что-то новое; к этому, как видно, дело и идет, так как протектор уже завел тайную охрану для себя, уже шпионит за герцогом и схватит его при малейшем противодействии, - опасность грозит ему даже от тех, кого он меньше всего подозревает, ведь и положение дел, и настроение людей таковы, что. невозможно быть уверенным, кому доверять, а кого бояться.

Измученный такими мыслями, герцог решил наконец, что на какую дорогу он вступил, хоть - и против совести, по той и должен идти дальше. Раз начав, нужно обдуманно действовать до конца; так и здесь, не в силах будучи ничему воспрепятствовать, он связал себя сочувствием и помощью злодейскому замыслу протектора, порешив, что раз уж общей беде не помочь, то надо хоть обратить ее, сколько можно, к личной выгоде.

Тогда-то и было решено, что герцог поможет протектору сделаться королем, что единственный законный сын протектора {56} вступит в брак с дочерью герцога и что протектор должен предоставить герцогу в полное владение графство Герифорд, которое он требовал по праву наследства {57} и не мог получить во времена короля Эдуарда. Вдобавок к этим притязаниям герцога протектор по своей доброй воле обещал ему немалую часть королевской казны и дворцового имущества. И когда на этих условиях они вступили в свой сговор, тотчас же для отвода глаз и умов начали они, ни дня не медля, усерднейше хлопотать о торжественной коронации нового короля. Были созваны во множестве лорды со всех концов королевства; было повелено лорду-кардиналу, канцлеру, архиепископу Йоркскому, епископу Эли {58}, лорду Стенли {59} и лорду-чемберлену лорду Гастингсу со многими другими вельможами собираться и совещаться о коронации; сами же протектор и герцог {В 1565 добавлено: "с теми, кого они вовлекли в свой заговор".} в то же время, но в другом месте, обдумывали противоположное - как бы сделать королем протектора. И хотя к этому второму совету допущены были очень немногие и в большой тайне, все же здесь и там уже пошли в народе разные толки, будто скоро всему благополучию конец; и хоть люди сами не знали, чего бояться и почему, однако так бывает, что накануне таких великих событий человеческие сердца по природе своей тайным чутьем предчувствуют их приближение. Как безветренное море само

приходит в волнение перед бурей, так подчас один-единственный человек, случайно что-то заметив и не многим об этом сказав, многих заражает своим подозрением. Как бы то ни было, хоть заговор был и тайным, само поведение заговорщиков заставляло людей догадываться, в чем дело. Малопомалу люди все покинули Тауэр и пришли в дом Кросби на улице Бишопсгейт, где расположился двор протектора {60}. К протектору приходили, короля покидали. Некоторые по роду своих занятий обращались туда, где велись настоящие дела, другие были тайно предупреждены друзьями, что не к добру им может быть чрезмерное усердие к королю без приказа протектора, а некоторых старых слуг сам протектор отстранил от принцев, заменивши новыми {61}. Такое стечение многих событий, отчасти случайное, отчасти намеренное, привело наконец к тому, что не только простой народ, который колеблется, как трава на ветру, но и разумные люди, а также некоторые лорды стали обращать внимание на происходящее и задумываться о смысле его.

Так, даже сам лорд Стенли, будущий граф Дерби {в 1565 добавлено: "уже поседелый среди многих важных дел".}, испытывал разумное недоверие и говорил лорду Гастингсу {в 1565 добавлено: "с которым они доверяли друг другу во всех тайных делах".}, что ему очень не нравятся эти два разных совета. "В одном месте мы говорим об одном деле, - сказал он, - но много ли мы знаем, о чем они говорят в другом месте?"

"Милорд, - отвечал ему на это лорд Гастингс, - клянусь жизнью, вам не о чем беспокоиться! Там есть один человек, и пока он там, ни единое дело не будет у них обсуждаться без моего ведома: каждое слово их будет в моих ушах раньше, чем на их устах".

Говоря так, он имел в виду Кэтсби {62}. Это был один из ближних его тайных советников, и Гастингс очень ему доверял: в самых важных делах он полагался на него, как ни на кого другого, считая, что для Кэтсби он дороже всех, и зная, что Кэтсби ему обязан больше всех {в 1565 иначе: "поскольку он пожаловал Кэтсби большие богатства и помог занять высокое положение. Впрочем, выдвинуть его было нетрудно, так как, кроме редких познаний в английских законах, он обладал статным телом, красивым лицом, блестящей внешностью и был способен не только вести тяжбы, но и вершить дела поважней. Можно было только пожалеть, что такое дарование выпало человеку столь вероломному, ибо его-то коварство и стало причиной того поветрия всех бед, которое распространилось в самом скором времени. Если бы и Гастингс, и Стенли, граф Дерби, и другие его сторонники не питали к Кэтсби такого доверия, то они бежали бы при первом подозрении в обмане и своим бегством расстроили бы все тайные и преступные замыслы".}. Был этот Кэтсби большим знатоком законов государства и, по милости лорда-чемберлена, пользовался великим влиянием и властью во всем графстве Лейстер, которое и было главной опорой лорда-чемберлена. Но поистине было бы лучше, если бы у этого человека было или побольше честности, или поменьше тонкости ума, - ибо только его двуличие и стало причиной всех дальнейших несчастий. Если бы лорд Гастингс не доверял столь безмерно этому человеку, он мог бы бежать вместе с лордом Стенли и остальными лордами, расстроив всю затею; ибо он сам замечал многие недобрые знаки, хоть и перетолковывал их для себя к лучшему, - настолько был он уверен, что не может быть ему опасен тот совет, где находится Кэтсби.

Протектор и герцог Бэкингем очень искусно выражали притворное расположение к лорду Гастингсу и часто разделяли его общество. Несомненно, протектор и вправду относился к нему хорошо и неохотно пошел на то, чтобы потерять его, однако он боялся, что, пока тот жив, они не достигнут своей цели. По этой причине он поручил Кэтсби замолвить издала несколько слов, чтобы дознаться, возможно ли залучить Гастингса на их сторону? Но Кэтсби неизвестно, беседовал ли он с ним или нет, - сообщил им, будто Гастингс оказался так тверд и в суждениях своих так резок, что он не решается продолжить переговоры. И действительно, лорд-чемберлен вместо доверия высказал Кэтсби свое недоверие к его участию в этом деле; поэтому-то Кэтсби, опасаясь, как бы лорд Гастингс с друзьями не подорвал своими действиями его доверенного положения (к чему уже клонилось все дело), побудил протектора поскорее избавиться от него, тем более что он надеялся после его смерти получить немалую долю той власти, какой пользовался лорд Гастингс в своем графстве {в 1565 иначе: "Все случилось наихудшим образом, потому что Гастингс в дружественной беседе, похваставшись своей самоуверенностью, открыл опасения других. Поэтому Кэтсби из страха, что многие могут выступить и помешать его обману, сорвавши этим весь их замысел, уже, казалось, продвинувшийся вперед, решил, что преступление следует ускорить и колеблющихся схватить, а

лорда-чемберлена казнить, коль скоро его нельзя привлечь на свою сторону. И он это доказывал тем усерднее, что сам намеревался получить должности Гастингса в графстве Ланкастер, где тот был всего сильнее".}. Одной этой надежды было достаточно, чтобы сделать его участником и даже главным зачинщиком этого ужасного предательства.

Вскоре после сказанного, а именно в пятницу, 13 июня, многие лорды собрались в Тауэр на совет⁶³ и здесь обсуждали, какими торжествами отпраздновать королевскую коронацию, срок которой был уже так близок, что процессии и фигуры для этих торжеств готовились в Вестминстере день и ночь, а скота было забито столько, что мясо потом пришлось выбрасывать. И вот когда эти лорды заседали там, совещаясь о подобных делах, протектор в первый раз вышел к ним лишь около девяти часов, приветствовал их почтительно и просил извинения за то, что отсутствовал так долго, сказавши просто, что в это утро он проспал. Поговоривши с ними немного, он обратился к епископу Эли с такими словами:

"милорд! В вашем саду в Холберне растет отменная земляника. Я прошу вас, позвольте мне взять оттуда корзину ягод!" {В 1565 добавлено: "как знак вашего доброго расположения".}

"С радостью, милорд, – отозвался тот, – и дай бог, чтобы я мог с такою же готовностью преподнести вам на радость что-нибудь и получше". И тотчас он со всей поспешностью послал своего слугу за корзинкой земляники.

Протектор предложил лордам продолжать обсуждение, а сам попросился отлучиться ненадолго и удалился. А час спустя, между десятью и одиннадцатью, он вернулся к ним в палату, весь изменившись, с удивительно раздраженным и злым выражением лица; насупив брови, нахмутив лоб, с пеной на искусанных губах, он прошел и сел на свое место. Все лорды были тяжело изумлены и испуганы столь внезапной переменой, не зная, что она предвещает. И вот, посидевши немного молча, он начал так:

"Какого наказания заслуживают те, кто замышляет и готовит гибель мне, мне, столь близкому родичу короля и протектору его королевской особы и всего королевства?"

На такой вопрос все лорды хранили молчание, в тяжком изумлении гадая, кто же здесь имеется в виду, ибо каждый знал, что он-то чист от подозрений. Наконец лорд-чемберлен, которому дружба с протектором придавала смелости, дал ответ и сказал, что такие люди, кто бы они ни были, заслуживают казни как гнусные изменники. И все остальные подтвердили его слова.

"А чародейством этим занимается, – сказал тогда протектор, – не кто иной, как жена моего брата и вместе с ней другие!" Так он сказал о королеве.

При таких словах многие из лордов, которые стояли за королеву, пришли в сильное замешательство. Зато лорд Гастингс {В 1565 добавлено: "которого одного только и ждала уже казнь".} был в душе гораздо больше рад, что виновницей оказалась она, а не кто-нибудь из друзей; и сердце его лишь роптало, что он не был в это посвящен заранее, – ведь когда перед этим были схвачены и приговорены к смерти родственники королевы, то делалось это с его согласия, и он сам велел их обезглавить в Помфрете {64}, не зная, что в тот самый день {65} его самого ведено обезглавить в Лондоне.

Затем протектор сказал: "Все вы сейчас увидите, каким образом эта колдунья и ее ведьма-советчица, жена Шора {66}, с их присными иссушили мое тело своим колдовством и чародейством!" И тотчас он подтянул рукав своего кафтана до локтя и показал свою левую руку, совершенно высохшую и маленькую, но лишь потому, что она всегда такой и была.

Тут каждый в душе почувствовал приближение беды, понимая, что это затевается новая распря. Все хорошо знали, что королева слишком умна, чтобы заниматься подобными глупостями; а если бы даже и захотела, то в советницы она бы взяла кого угодно, только не жену Шора, которую она ненавидела больше всех за то, что король, ее муж, любил ее больше всех любовниц. Да и не было здесь человека, который бы не знал доподлинно, что рука у него всегда была больной, с самого рождения. Тем не менее лорд-чемберлен (к которому после смерти короля Эдуарда перешла жена Шора: он был в нее влюблен без ума еще при жизни короля, однако, говорят, сторонился ее из почтения к королю или ради верности другу) ответил и сказал:

"Несомненно, милорд, если они так ужасно поступили, они заслуживают ужасного наказания".

"Вот оно что! – воскликнул протектор. – Вижу я, как ты служишь мне: "если бы, да кабы!" Я сказал тебе, что они так сделали, и я за это расправлюсь с тобой, предатель!" И, словно в великом гневе, он с грохотом ударил кулаком по столу.

Услышав этот знак, за стеной палаты кто-то закричал: "Измена!", дверь распахнулась, и ворвались вооруженные воины, толпой заполнив всю палату до отказа. И тогда протектор {В 1565 добавлено: "коснувшись рукою Гастингса".} сказал: "Я арестовываю изменника!"

"Как, милорд? Меня?!" – воскликнул Гастингс.

"Да, изменник!" – ответил протектор.

Кто-то другой бросился к лорду Стенли {В 1565 иначе: и "тотчас некий Миддлтон {67} замахнулся на графа Дерби секирой... и хоть он и уклонился от удара, быстро скользнув вниз, но кончик острия его задел, и он весь залился кровью из раны".}, тот отпрянул от удара и свалился под стол. Если бы не это, голова его была бы расколота до зубов: хоть он и быстро отпрянул, все же на ушах у него показалась кровь {В 1565 добавлено: "Граф и напавший на него однажды поспорили из-за некоторых владений, и поэтому многолетняя вражда возникла между ними. То ли силой, то ли по суду граф выдворил Миддлтона из его поместья, и тот, позволив себе слишком многое, решился в чужом деле утолить свою обиду".}.}

Затем они все были быстро разведены по разным палатам {В 1565 иначе: "Тут же были арестованы остальные бароны и епископы и во избежание сговора разведены по разным местам".} исключая лорда-чемберлена, которому протектор приказал не медлить и поторопиться с исповедью. "Клянусь святым Павлом, сказал он, – я не сяду обедать, пока не увижу тебя без головы!" Ему было запрещено спрашивать, в чем дело; с трудом он нашел случайного священника и сделал краткую исповедь, – на более длинную ему не дали времени, потому что протектор спешил к обеду, а не мог сесть за стол, пока не будет выполнена его клятва. Потом он был приведен {В 1565: "Поэтому по приказу герцога Бэкингема (которого осужденный на коленях умолял о пощаде), едва успев исповедаться, он был доставлен..."} на зеленый луг близ часовни в Таузере, здесь его голову положили на длинное бревно, и она была отрублена. А затем тело вместе с головой похоронили в Виндзоре рядом с телом короля Эдуарда. Помилуй, господи, души их обоих!

Здесь следует рассказать удивительный случай – то ли предостережение о том, чего лорду-чемберлену следовало избегать, то ли знамение о том, чего он не мог избежать {В 1565 иначе: "Заслуживают внимания некоторые сновидения, предвещавшие ему смерть, – считали ли их божьими предостережениями от опасностей или знаменьями неодолимой судьбы; а может быть, это вещая душа в смутных образах предсказывает грозящие бедствия, пока чувства погружены в сон, и так предугадывает будущие события телу".}. В полночь накануне смерти лорд Стенли прислал к нему с великой спешностью тайного гонца с просьбой тотчас встать и бежать вместе с ним: ждаты некогда, ему приснился ужасный сон {1565 пространнее: "потому что в страшном сне его хозяину явилось грозное видение: им обоим (страшится он) оно предвещает в будущем беду, если они не спасутся бегством".}; ему показалось, что вепрь {68} своими клыками так истерзал им обоим головы, что кровь потекла у них по плечам. А так как вепрь был в гербе у протектора, то этот сон показался ему таким страшным, что он решил не мешкать далее, но седлать коня и вместе с лордом Гастингсом, если тот согласен, той же ночью пуститься прочь, чтобы к рассвету быть уже вне опасности. Но лорд Гастингс сказал гонцу так: "О добрый лорд! Неужели милорд, твой господин, так заботится о безделицах, так верит снам? Ведь это или призраки его собственного страха, или ночное отражение его дневных забот. Скажи ему, что верить в такие сны попросту нечестиво. Если же они служат знаменьями грядущего, то не кажется ли ему, что они с таким же успехом сбудутся и в случае нашего бегства, если нас схватят и вернут, ведь за беглеца заступиться некому! Вот тогда-то вепрю и будет предлог вцепиться в нас своими клыками": кто бежит, тот ведь в чем-нибудь да виновен. Поэтому либо здесь нет опасности, и нам никто не угрожает; либо если опасность есть, то она страшней бегущему, чем оставшемуся. Если же погибель наша неизбежна, то пусть лучше люди увидят,

что нас обманом погубили враги, а не думают, что причиной тому наша собственная глупость или трусость. Ступай же к своему господину, человек, и передай ему от меня привет, и пусть он будет спокоен и ничего не боится: в том человеке, которого он подозревает, я уверен, как в своей собственной руке". - "да поможет этому бог, сэр", - сказал гонец и отправился в обратный путь {В 1565 добавлено: "Истинность этого знамения оказалась подтвержденной десятью часами позже, когда были схвачены и он, и Стенли (который тоже раздумал бежать), не послушавшиеся этого вещего сна".}.

Известно также, что в то самое утро, когда он был обезглавлен, его лошадь по дороге в Тауэр два или три раза споткнулась так, что едва не упала. Подобное, как всякому известно, повседневно случается и с теми, кому никакое несчастье не грозит, однако по старинному преданию и суеверию в этом усматривается знак, не раз уже несомненно предвещавший очень большую беду.

Следующий пример был уже не предостережением, а вражескою угрозою. В то утро, прежде чем он встал, пришел к нему один рыцарь, якобы из почтительности, чтобы сопроводить его в совет, но на самом деле присланный протектором, дабы его поторопить, ибо с протектором был он в тайном сговоре ради этой цели. В то время это был средний человек, а теперь достиг великой власти. И вот, когда случилось лорду-чемберлену по дороге остановить свою лошадь на Тауэр-Стрит и побеседовать со священником, которого он встретил, то этот рыцарь нарушил их беседу и шутя сказал ему так: "Милорд, я прошу вас продолжить путь: зачем вам столько толковать с этим священником? Ведь пока еще священник вам не надобен!" Этой насмешкою он словно хотел сказать: "а скоро понадобится!" Но лорд так мало в это вдумался - и так мало почувствовал сомнений, что никогда в жизни он не был так бодр и весел; а такое настроение само по себе часто сулит большие перемены. Пусть меня лучше постигнет что угодно, только не эта праздная уверенность человеческого ума накануне смерти!

У самой пристани Тауэра, так близко от того места, где так скоро отлетела его голова, ему встретился некий глашатай Гастингс, его однофамилец {69}. И, повстречав его там, лорд припомнил другое время, когда им случилось обоим встретиться подобным же образом и на этом же месте {В 1565 добавлено: "и он поведал ему свою печаль и страх".}. В то прежнее время лорда-чемберлена обвинил перед королем Эдуардом лорд Риверс, брат королевы {В 1565 добавлено: "в том, что он замышлял предать французам Калэ, в котором он был наместником. И хотя, как потом обнаружилось, это обвинение было чистейшей выдумкою, вначале казалось, что Гастингс находится в большой опасности. Дело в том, что он обошел в этой должности Риверса, которому она была наверное обещана и который на нее надеялся, и он, разозлившись, через ночные речи королевы донес это коварное обвинение до монарших ушей".}. Так что некоторое время (хотя и недолгое) он был в немилости у короля и сильно боялся за себя. И так как теперь он встретил этого глашатая на том месте, где когда-то опасность так удачно его миновала, он с большим удовольствием заговорил с ним о том, о чем они говорили здесь, когда он был в Тауэре. Он сказал: "А, Гастингс! Помнишь ли ты, как однажды я здесь тебя встретил с нелегким сердцем?" - "Да, милорд, - ответил тот, - это я помню отлично; что ж, поблагодарим бога, враги ваши не снискали этим добра, а вы не получили вреда". - "ты мог бы сказать это еще вернее, - молвил лорд, - если бы ты знал столько, сколько я знаю о том, что пока известно лишь немногим, но вскоре откроется многим". Он имел в виду недавно арестованных лордов из родни королевы, которые в этот самый день {70} должны были быть обезглавлены в Помфрете: это он знал хорошо, а о том, что топор уже повис и над его собственной головой, не догадывался. "Право же, приятель, - продолжал он, никогда у меня не было столько горя, и никогда надо мной не было такой опасности, как тогда, когда мы б тобою здесь встретились. И вот как все переменялось: теперь в опасности находятся мои враги (как ты об этом вскоре узнаешь поподробнее), а я еще никогда в жизни не был так весел и так далек от беды". О милостивый боже! Так слепа наша смертная природа: когда человек больше всего боялся, он был в полной безопасности, а когда уверился было в своей безопасности, то не прошло и двух часов, как он лишился головы.

Так окончил свою жизнь этот достойный человек, добрый рыцарь и дворянин, пользовавшийся таким вниманием у государя, живший на широкую ногу, прямой и откровенный с врагами, а с друзьями скрытный; его просто было обмануть, так как из-за доброго сердца и мужества он не умел предвидеть опасностей. Муж любящий и горячо любимый, верный и доверчивый, в этой доверчивости своей

Тотчас молва о кончине этого лорда быстро побежала по городу, а потом и еще дальше, свистя, как ветер, в уши каждому человеку {71}. Но протектор, намереваясь набросить некий покров на совершенное, тотчас после обеда послал со всей поспешностью созвать в Тауэр виднейших людей со всего города. Чтобы их принять, он надел вместе с герцогом Бэкингемом старые и плохо скованные доспехи – такие, что никто бы не подумал, что они удостоили бы надеть их на плечи, если бы не какая-то внезапная опасность. И затем протектор объявил им, что лорд-чемберлен и его сообщники замыслили во время совета в этот день убить врасплох и его, и герцога, а что они намеревались делать далее, о том еще неизвестно. Об этой их измене он ничего не знал прежде десяти часов нынешнего утра. Такая внезапная опасность и заставила их надеть для защиты первые попавшиеся доспехи. Но бог помог им, и несчастье обернулось против замысливших. Эту весть и велел он разнести повсюду. И все дали на это самый учтивый ответ, словно никто и не усомнился в том, во что никто не верил {В 1565 подробнее: "(каждый) превозносил их мужество, хвалил милосердие, поздравлял со спасением, но молча и про себя они испытывали только отвращение как к преступлению, так и к его свершителям".}.

Однако для дальнейшего умиротворения людских умов он тотчас после обеда спешно послал глашатая, чтобы от имени короля огласить по городу объявление. В нем говорилось, что лорд Гастингс и его различные сообщники с изменнической целью сговорились в этот день убить лорда-протектора и герцога Бэкингема, заседавших в совете, а затем взять власть над королем и королевством на свое усмотрение, чтобы без помехи обирать и грабить, кого им будет угодно. В объявлении много было сказано и другого, чтобы очернить лорда-чемберлена: он-де был дурным советником отцу короля и дурным своим обществом, коварным сводничеством и недобрым примером подстрекал его ко многим поступкам, пятнавшим его честь и вредившим всему королевству, в особенности же к порочной жизни и безмерному изнурению тела со многими женщинами и более всего с женой Шора, которая была ему самой тайной советницей в этой гнусной измене, с которой он спал и раньше, спал и в последнюю свою ночь перед смертью; поэтому не диво, что такая недостойная жизнь привела его к столь злополучной кончине. Казни он был подвергнут по наистрожайшему распоряжению его королевского высочества и его почтенного и преданного совета как за его пороки, открыто проявившиеся в этой коварно затеянной измене, так и затем, чтобы отсрочка казни не смогла подтолкнуть других злонамеренных соучастников заговора собраться и восстать для его освобождения. Такие замыслы теперь благодаря вполне им заслуженной казни мудро предотвращены, и все королевство должно божьей милостью пребывать в добром спокойствии и мире.

Объявление это сделано было всего лишь через два часа после того, как лорд-чемберлен был обезглавлен; но оно было так тщательно составлено и так красиво выписано на пергаменте такой искусною рукой (что само по себе дело долгое), что и ребенку было совершенно ясно: все это было приготовлено заранее. Всего промежутка между казнью и объявлением едва достало бы и для того, чтобы все это только записать, будь то хоть бы на бумаге, второпях и кое-как. Поэтому когда при чтении объявления нечаянно случился один школьный учитель при соборе св. Павла и сравнил в уме краткость времени с пространностью речи, то он сказал соседям: "Славное дело, да не быстро ли поспело?" – на что один купец ответил ему: "Это писалось по предвидению" {В MS Arundel иначе: "И хоть суровость событий, казалось, не допускала никаких шуток, один школьный учитель не без остроумия высмеял образцовую нелепость этого указа: слушая среди толпы то, что ей читалось, он" сравнил краткость времени с пространностью писания и трудом писавших и сказал на это кстати строку из Теренция:

"Что-то вышло, дав, неладно у тебя со временем!"}.

Тотчас после этого, движимый будто бы гневом, а на самом деле жадностью, протектор послал людей к дому жены Шора {72} (которая там жила одна, без мужа), отобрал у нее все, что она имела, ценностью свыше двух-трех тысяч марок, а ее отправил в тюрьму {73}. А немного спустя он выставил обвинение, что она умышляла его околдовать и была в сговоре с лордом-чемберленом, чтобы его убить; когда же стало ясно, что в этом нет ни следа правдоподобия, тогда он подло обвинил ее в том, чего она сама не могла отрицать, так как все знали, что это правда, хоть и все потешались, слыша какой Великой это вдруг стало виной: в том, что она нецеломудренна телом. И

по этой-то причине сей воздержный, сей чистый и непорочный правитель, прямо с неба ниспосланный в наш порочный мир для исправления людских нравов, вынудил лондонского епископа наложить на нее всенародное покаяние – идти в воскресной процессии перед крестом и со свечой в руках. Шла она очень женственно, с видом и поступью самыми чинными, и хоть на ней не было никаких украшений, ничего, кроме платья, она была мила и прекрасна, потому что от взглядов толпы лицо ее покрылось румянцем стыда, прежде ей почти незнакомым; таким образом, этот великий позор принес ей много славы среди тех, кто больше желал ее тела, чем думал о ее душе. И даже многие достойные люди, которые осуждали ее образ жизни и были рады видеть грех исправленным, все же больше сочувствовали ей в наказании, чем радовались ему, так как скоро поняли, что протектор учинил это скорее злонамеренно, чем из любви к добродетели.

Эта женщина родилась в Лондоне, была окружена достойными друзьями, честным образом воспитана и очень хорошо выдана замуж – кое-что было сохранено родителями лишь сыну. Муж ее был почтенный горожанин, молодой, красивый, с большим состоянием. Но так как сочетались они раньше, чем она созрела для этого, то она и не могла любить того, кого ей не пришлось желать. Оттого, по-видимому, и склонилась она так легко к вожделению короля, когда тот пожелал ее иметь. Как бы то ни было, блеск королевского сана, надежда на яркое платье, легкую жизнь, всяческие удовольствия и прочие выгоды распутства оказались способными быстро подчинить мягкое и нежное сердце. Когда же король овладел ею, то муж ее, человек почтенный, понял что к чему и не стал посягать на королевскую любовницу, всецело оставив ее королю {В 1565 добавлено: "Настолько учтивее он был, чем другие, чьи права на эту женщину были далеко не столь бесспорными".}. А после смерти короля она перешла к лорду-чемберлену, который любил ее и в дни, когда король был жив, но воздерживался от нее либо из почтения, либо из преданности другу.

Она была красива и миловидна {В 1565 подробнее: "у нее был прекрасный цвет кожи, редкая красота во всем лице, в особенности же дивно привлекательны были ее глаза".}, телом она не оставляла желать лучшего, разве что можно было пожелать побольше роста. Так говорят те, кто знал ее в молодости. Правда, иные из тех, кто видел ее теперь (ибо она еще жива), полагают, что она вовсе и не была хороша; но такой приговор, пожалуй, похож на то, как если бы люди пытались угадать красоту покойницы по ее черепу, давно уже сбросившему плотские покровы, так как сейчас это – старуха, тощая, увядающая и иссохшая, вся из морщинистой кожи и жестких костей. Но даже и теперь, всмотревшись в ее лицо, можно угадать и представить, как черты его, округляясь, сложились бы в красивый облик. Да и восхищались в ней не столько ее красотой, сколько приятным поведением: наделенная острым умом, она хорошо читала и писала, была весела в обществе, быстра и ловка в ответах, не молчалива и не болтлива, а иногда шутила без оскорбительности, но не без забавности.

Король говаривал, что есть у него три любовницы, и каждая по-своему замечательна: одна – самая веселая, другая – самая хитрая, а третья, как есть, самая святая блудодейка во всем королевстве, которую никуда не увести было из церкви, кроме как в его постель {74}. Двое из них были особами поважней, и тем не менее им пришлось остаться без имен и без похвал за их качества. Но самую веселой из всех была жена Шора, к которой король поэтому и питал особую привязанность. Имел он многих, но любил лишь ее {В MS Arundel добавлено: "но здесь не было вреда, кроме похоти, так как к жене своей он относился с глубочайшим уважением и обращался с ней почтительно".}, и по правде сказать (ибо грех – клеветать на дьявола), никогда она не пользовалась его милостью во вред людям, зато многим несла утешение и помощь. Когда король был в гневе, она умела успокоить и смягчить его дух; когда человек находился в опале, она помогала ему вернуть королевскую милость; для многих, совершивших важные проступки, она выхлопотала помилование; при больших взысканиях она добивалась для людей послабления. И наконец во многих трудных тяжбах она отстаивала многих людей с большой твердостью, ничего или почти ничего за то не требуя – разве что вещь скорее красивую, чем богатую: потому ли, что она сама испытывала удовольствие от дела, правильно решенного, потому ли, что ей приятно было вмешиваться в суд и показывать, что она способна сделать с королем, потому ли наконец, что и богатая распутница не всегда бывает жадной {В 1565: "Во всяком случае, ненависти она не знала ни от кого, кроме королевы, и обе партии, враждовавшие друг с другом, относились к ней с одинаковой любовью".}.}

Некоторые подумают, конечно, что эта женщина – слишком ничтожный предмет, чтобы писать о нем среди воспоминаний о великих делах, – и в особенности так будут думать те, кому случится судить о ней только по тому, чем она стала сейчас. Но думается мне, что о таком случае тем более следует упомянуть, что теперь она живет куда как убого, без друзей, всеми покинутая, и это после стольких богатств и такой государевой милости, после стольких судов и прений ради всех, кто вел тогда срочные дела, да и многих других, кто сейчас знаменит только мерзостью своих дурных деяний. А она ведь сделала не меньше, хоть об этом и меньше помнят, потому что дела ее не были дурными. Людям ведь свойственно о дурных деяниях писать на мраморе, а о добрых на песке, и ее судьба этому доказательство: в те дни она протянула руку помощи многим, ныне здравствующим, кто без этого сам бы теперь протягивал руку за подаянием.

Итак, по решению протектора и его совета, в тот самый день и почти в тот самый час, когда в лондонском Тауэре был обезглавлен лорд-чемберлен, в Помфрете не без его ведома были обезглавлены выше упомянутые лорды и рыцари, схваченные в свите короля в Нортгемптоне и Стони Стаффорде {75}. Сделано это было в присутствии и по приказу сэра Ричарда Рэткифа {76}, рыцаря, чьими услугами протектор обычно пользовался при обсуждении и исполнении подобных незаконных предприятий, поскольку человек этот был давним его поверенным в тайных делах, имел жизненный опыт и хитрый ум, в речах был краток и груб, в обращении резок и крут, в злодеяниях смел, а человеческой жалости и страху божью одинаково чужд. Выведя их из тюрьмы на эшафот и объявив народу, что они изменники, этот рыцарь не позволил им сказать ни слова о своей невинности, чтобы от таких речей народ не почувствовал к ним жалости, а к протектору и к его людям – ненависти. Быстро, без суда, без приговора, без законного приказа он заставил их всех обезглавить не ради какой иной вины, но только потому, что это были добрые люди, верные королю и близкие королеве.

Теперь, когда лорд-чемберлен и другие лорды и рыцари оказались таким образом казнены и убраны с дороги, то протектору и пришло на ум, что, пока люди гадают, в чем дело, пока лорды королевства находятся при нем и без своих дружин, пока ни один человек не знает, что думать и кому верить, пока нет у них времени разобраться, решиться и разбиться на партии, следует ему как можно быстрее идти к своей цели и завладеть короною, не дав людям найти способ к противодействию. Главная забота была теперь в том, чтобы изыскать средство о таком гнусном деле сообщить народу в первый раз и снискать к нему расположение. Для совета привлечены были различные люди – такие, которым они полагали возможным довериться, в надежде привлечь их на свою сторону и получить от них помощь либо умом, либо силою. Среди этих лиц, привлеченных к совету, был Эдмунд Шей, рыцарь, тогда мэр Лондона, страстно жаждавший дальнейшего возвышения, столь желанного ему в его гордыне; он-то и должен был за такой посул склонить народ к их намерениям. А из духовных лиц они пригласили тех, кто отличался умом, пользовался уважением за свою ученость и не отличался щепетильной совестью. Среди них оказались белый клирик Джон Шей {77}, брат мэра, и монах Пенкер {78}, приор августинского ордена: оба доктора богословия, оба славные проповедники, оба богаче ученостью, чем добродетелью, и богаче славой, чем ученостью. До этого они были в большом почете у народа, но после этого – никогда. Первый из них выступил с проповедью {В 1565 добавлено: "тщательно продуманной".} во славу протектора еще перед коронацией, второй после коронации, но оба с такою утомительной лестью, что ничьи уши не могли ее выдержать. Пенкер в своей проповеди так надорвал голос, что был вынужден прервать ее на середине и сойти с кафедры {В 1565 добавлено: "люди говорили, что это было ему божье воздаяние за такую кощунственную лесть".}. Доктор Шей из-за своей проповеди потерял честь, а вскоре и жизнь, потому что из великого стыда перед людьми он никогда с тех пор не смел выходить из дому. Августинец не навлек на себя такого позора, поэтому его проповедь была для него не столь пагубна {В MS Arundel иначе: "А августинец с его бесстыдным лицом, с которого ему так часто приходилось вытирать плевки во время диспутов, на долгие годы позорно онемел".}. Впрочем, некоторые сомневались, а некоторые утверждали, будто Пенкер не участвовал в этом совете прежде коронации, и только после нее, как водится, пустился в лесть {В 1565 добавлено: "правителю, который был жаден до похвал".}, – тем более что проповедь свою он произнес не сразу, но в следующую после коронации пасху в церкви госпиталя св. Марии. Зато доктор Шей вне всякого сомнения был в этом заговоре с самого начала, поскольку именно ему было поручено первому заговорить о деле во время проповеди в соборе св. Павла, в которой он и должен был силою своего слова склонить народ к замыслу протектора.

Все старания и усилия были направлены на подыскание какого-либо благовидного предлога, который побудил бы народ низложить принца и признать протектора королем. Ради этого придуманы были разные средства; но самым главным и важным из всех измышлений было утверждение, что либо сам король Эдуард, либо его дети, либо и тот и другие являются незаконнорожденными; а стало быть ни он сам не имел права наследовать корону после герцога Йорка, ни принц после него {В 1565 добавлено: "и по этой причине протектор является единственным законным сыном герцога Йорка и только он имеет право царствовать"}. Чтобы объявить короля Эдуарда незаконнорожденным, пришлось возвести хулу на родную мать протектора, которая родила их обоих: тут нельзя было поступить иначе, как сделать вид, будто она была прелюбодейкою. Тем не менее он и на это пошел, чтобы достигнуть своей цели, однако пожелал, чтобы об этом было сказано менее определенно и более благожелательно, а именно тонко и обиняком, словно люди не решаются сказать всю правду, чтобы его не обидеть. Зато уж где речь шла о мнимой незаконнорожденности детей короля Эдуарда {79}, там он потребовал разгласить это открыто и раздуть до крайней степени.

Под каким видом и предлогом все это делалось, нельзя хорошо представить, если не напомнить сперва о некоторых давних обстоятельствах женитьбы короля Эдуарда. После того как король Эдуард IV низложил короля Генриха VI и вступил в мирное правление королевством, он решил жениться, как того требовало благо королевства и его собственное. Он послал послом графа Уорвика {80} вместе с другими дворянами в Испанию, чтобы обсудить и заключить брачный союз между ним и дочерью короля Испании {81}. Здесь граф Уорвик встретил такую благосклонность и доброжелательность к его поручению, что он, как было ему указано, быстро и без всяких трудностей привел дело к наилучшему завершению. Однако случилось, что в то самое время королю пришлось вести разбирательство по петиции от дамы Елизаветы Грей {82}, которая впоследствии стала королевою, а тогда была вдовой из знатного рода, особенно по своей матери, которая до брака с лордом Вудвилем, ее отцом, была герцогиней Бэдфорд. Названная дама Елизавета, находясь на службе у королевы Маргариты {83}, супруги короля Генриха VI, была выдана замуж за некоего Джона Грея {84}, сквайра {В 1565 добавлено: "весьма красивого и храброго мужчину, но более благородного, чем влиятельного или видного, так как ни в войне, ни в мире он еще ничем не отличился"}. которого король Генрих сделал рыцарем на поле битвы с королем Эдуардом при Сент-Олбенсе в прощенный вторник, но который недолго радовался своему рыцарству, так как в этом же бою он был убит {В 1565 добавлено: "жена же его, как было сказано, после смерти мужа и плена короля Генриха оказалась в скудости и убожестве, так как все ее имущество было отобрано в казну за то, что муж ее сражался на вражеской стороне"}. Вскоре после этого, как раз когда граф Уорвик был в посольстве, улаживая вышеупомянутый брак, эта бедная дама обратилась к королю {В 1565 иначе: "она упала на колени перед Эдуардом и протянула ему свое прошение, а затем, видя, что он повернулся к ней и колеблется, словно не прочь ее выслушать, она на словах изложила свое дело"}. со смиренной просьбой о возвращении ей тех маленьких имений, которые предоставил ей муж во вдовый надел {В 1565 добавлено: "так как муж ее ничем не мог навлечь преследования по закону, если только не считать преступлением то, что до самой смерти он был верен королю, которому присягал; да и то она твердо уверена, что, если бы судьба пощадила его, он верно служил бы новому королю"}. И когда король увидел ее и услышал ее речь, – а была она красива, миловидна, небольшого роста, улового сложения и очень умна, – он не только пожалел ее, но и воспыал к ней любовью. И потом, отозвав ее незаметно в сторону, он заговорил с ней откровеннее: но она, быстро поняв его вождение, ответила целомудренным отказом {В 1565 иначе: "и тогда он любезно отвечал ей, чтобы она надеялась на лучшее: он сам рассмотрит ее дело. А потом, отозвав ее в сторону и сказавши несколько слов о ее деле, он обещал уступить ей имения, если за это и она ему уступит; он даже даст ей еще больше, если она со своей стороны не откажет ему в любезности. Она, воспользовавшись двусмысленностью королевских слов, притворилась, что не понимает, чего он хочет, и, ответила ему любезно и осмотрительно, обещая все, но с разумными оговорками. И лишь когда, отбросив увертки, он показал, что ищет от нее недостойного, то она отказалась открыто"}. Однако сделала она это так умно, так изящно и такими искусными словами, что скорее разожгла, чем угасила его желание. И наконец после многих встреч, долгих домогательств и многих обещаний, уверившись, что страсть короля к ней достаточно разгорелась, она отважилась уже смелее сказать ему, что думала, так как видно было, что сердце его привязано к ней достаточно прочно и от лишнего слова уже не охладет {В 1565 иначе: "А увидав, что его желание

разгорелось уже так, что легко не угаснет, она стала просить его оставить тщетные попытки и сослалась то на позор, то на угрызения совести".}. Тут она и заявила ему прямо, что хоть она слишком скромна, чтобы стать его женой, однако все же слишком хороша, чтобы стать его любовницей {85}. Король, очень удивленный ее твердостью, как человек, который не привык к таким решительным отказам, проникся таким почтением к ее воздержанию и целомудрию, что стал ценить ее добродетель выше всех владений и богатств. И тогда-то, побуждаемый страстью, он передумал и решил как можно скорее жениться на ней.

Приняв такое решение и дважды ее в этом заверив, он спросил совета и у друзей {В 1565: "чтобы не показалось, будто он больше повинуется своей страсти, нежели дружеским советам".}; однако в такой форме, что они легко поняли, насколько бесполезно ему возражать. Тем не менее герцогиня Йорк, его мать {86}, была этим так огорчена, что отговаривала его, сколько могла, утверждая, что жениться на иноземной принцессе для него и достойней, и безопасней, и выгодней, так как подобное родство очень укрепит его положение и даст хорошую возможность к расширению владений. Да и нельзя поступать иначе, потому что граф Уорвик уже далеко и вряд ли он будет доволен, если вся его поездка окажется не нужна, а его договоры осмеяны. Еще она говорила, что недостойно правителя жениться на собственной подданной, если нет на то важных причин – ни земельных владений, ни иных благ, которые могли бы из этого проистечь. Это все равна как если бы богатый человек женился на служанке только из-за похотливой и пошлой к ней привязанности: можно радоваться об удаче служанки, но не о рассудке хозяина. "Да и то, – говорила она, – в таком браке больше чести, чем в этом, потому что никакого купца с его служанкой не разделяет столько, сколько короля и эту вдову. И хотя она ни в чем не заслуживает упрека, однако (говорила королева) нет в ней и ничего столь блестящего, чтобы этого нельзя было найти во многих других невестах, которые более отвечали бы Вашему сану и к тому же были бы девицами {В 1565 добавлено: "воистину не бывать счастьем, когда соединяются неровни кто мыслит по-разному, тем никогда не сговориться. Дети же от неравных браков всегда дурные и увечные. Неужели Вы потерпите над Вашим столь процветающим королевством королей-ублюдков, королей-выродков? Неужели сыновья Ваши будут братьями какого-то Грея?"}. Ведь одно вдовство Елизаветы Грей, хотя бы она во всем другом и была бы достойна Вас, должно бы уже удерживать Вас от брака с нею, – ибо это недостойно, это весьма позорно, это крайне унижительно для священного величества государева сана, который так же близок к духовному по чистоте, как и по величию; и не должно пятнать его двоебрачием при первом же вступлении в брак".

Король, когда мать закончила свою речь, дал ей ответ полусерьезный и полушутливый, хорошо понимая, что он ей уже не подвластен. И хотя он был бы рад, если бы она с ним согласилась, однако окончательное решение он оставил за собой, независимо от ее согласия или несогласия. Но чтобы как-то удовлетворить ее, он сказал, что брак есть дело духовное и совершаться должен из почтения к божьей воле всегда, когда по милости господней людей соединяет взаимная любовь, как здесь, а не мирская выгода; впрочем, и по мирским выгодам этот брак представляется не бесполезным {В 1565 пространнее: "если даже кто-либо рассудит об этом браке проще, как те пошлые люди, для которых полезное выше святого, то и тогда он не сможет назвать такой брак неудачным".}. Ибо, думается ему, что любовь своего священного народа ему нужнее, чем любого другого народа на земле; а народ, наверное, выкажет ему гораздо больше сердечной приязни за то, что он не погнушался жениться на женщине из собственной земли. И даже если внешний союз окажется ему так нужен, как она думает, то он лучше найдет средство заключить его через какого-нибудь родственника и этим удовлетворить всех, нежели самому жениться на той, кого он никогда не сможет счастливо любить, чтобы ради надежды на расширение владений не потерять отрадный плод тех, которые он уже имеет, – ибо если человек женится против желания, то мало ему радости от всего остального. "Я не сомневаюсь, – сказал он ей, – что и вправду, как Вы говорите, можно найти и других, ничуть не хуже ее {В 1565 добавлено: "и даже лучше ее во многих отношениях".}. Что ж, я не осуждаю, пусть, кому они нравятся, те и женятся на них; точно так же, я думаю, и меня не осудят, что я женюсь на той, которая мне нравится. И кузен мой Уорвик, я уверен, достаточно меня любит, чтобы не сердиться на ту, кого я люблю, и достаточно разумен, чтобы понимать, что при выборе жены я скорее поверю своим глазам, чем чужим: я ведь не подопечный, которому назначает жену опекун! Право, я не хотел бы быть королем, если б это меня лишало свободы выбора при вступлении в брак. Что же касается надежды приумножить

наследные владения с помощью заморского родства, то право же, от этого нередко бывает больше хлопот, чем выгод. Титул наш и так дает нам права на столь многое, что нужна вся жизнь, чтобы их упрочить и поддержать. А коли она – вдова и имеет детей, то, клянусь богородицей, я хоть и холост, но тоже имею детей {87}, так что каждый из нас может быть уверен, что бесплодны мы не останемся. Поэтому, государыня, я умоляю Вас не гневаться: бог свидетель, что жена моя принесет Вам такого юного принца, которым Вы будете довольны. А что касается двоебрачия, то пусть меня этим попрекает епископ, коли я соберусь в духовное звание: насколько я понимаю, это запрещено священникам, но я никогда не слышал, чтобы это было запрещено и королям". Герцогиню такие слова ничуть не успокоили; и видя, что король в решении тверд и ей его не удержать, она до того дошла в своей ненависти к этому браку, что почла своим долгом перед господом разрушить этот союз, чтобы лучше уж король женился на некоей даме Елизавете Люси {В 1565 добавлено: "девице благородной крови и отменной красоты".}, которая незадолго перед тем от него забеременела. Поэтому мать короля выступила открыто против его брака {В 1565 добавлено: "когда день бракосочетания был назначен и оглашено было, чтобы всякий, кто знает препятствие к браку, не попустил осквернения таинства..."}, словно для облегчения своей совести заявив, что король обязан верностью даме Елизавете и "что он – ее муж перед богом {88}. И эти слова оказались делу такой помехой, что ни епископы не решались, ни король не хотел приступать к торжеству бракосочетания прежде, чем обвинение это не было бы отвергнуто, а истина точно и открыто не удостоверена. Поэтому пришлось послать за дамой Елизаветой Люси. И хотя королевская мать и многие другие побуждали ее добрыми обещаниями утверждать, что она была обещана королем, однако, присягнув торжественно говорить лишь истину, она заявила, что они никогда не были связаны обещаниями, хотя, конечно, сказала она, его милость говорил ей такие любовные слова, что она и вправду надеялась, что король женится на ней, и если бы не эти любезные слова, она никогда не позволила бы ему столь любезно оставить ее беременной. После такого торжественного показания стало ясно, что препятствий больше нет; и поэтому король с великим торжеством и пышностью вступил в брак с дамой Елизаветой Грей и венчал ее королевской короной. И хоть она была женой его врага и не раз молилась всем сердцем за его гибель, но бог был к ней милостивей и подарил ей его тело, а не кости.

Но когда об этом браке узнал граф Уорвик, он сильно обиделся, что его посольство оказалось выставлено на смех, и поэтому, вернувшись, он от великой злобы и досады собрал большую силу против короля и столь стремительно напал на него, что тот не мог сопротивляться и должен был покинуть королевство и бежать в Голландию за помощью. Там он пробыл два года {89}, оставив свою молодую жену в Вестминстере, в убежище, где у нее и родился тот принц Эдуард, о котором была речь {90}. А между тем граф Уорвик освободил из заключения и вновь возвел на трон короля Генриха VI, который прежде был низложен Эдуардом к чему тогда немало усилий приложил и сам граф Уорвик. Был он человек умный, воин доблестный, а имения, родство и народная любовь давали ему такую мощь, что он венчал королей и свергал королей по своему усмотрению и легко мог бы сам достигнуть власти, если бы не считал, что почетней делать королей, чем быть королем. Но ничто не продолжается вечно: в конце концов король Эдуард воротился и в праздник пасхи с namного меньшими силами разбил графа Уорвика на Барнетском поле. Граф Уорвик был убит со многими другими вельможами из его сторонников, а Эдуард вновь так прочно завладел короной, что мирно владел ею вплоть до своего смертного дня; и когда он ее оставил, то потерять ее было бы почти невозможно, когда бы не распри между его истинными друзьями и не предательство его ложных друзей.

я столь подробно пересказал эти брачные дела {В 1565 добавлено: "обойти их было бы неуместно".} для того, чтобы виднее было, на каком зыбком основании построил протектор свое обвинение, что дети короля Эдуарда незаконнорожденные. Но хоть такое измышление и было очень пошлым, оно пришлось по душе тем, кому важно было хоть что-то сказать: они были уверены, что никаких более веских доказательств от них не потребуется. Тогда-то, как я начал уже рассказывать, и решено было протектором и его советом, что названный доктор Шей в своей проповеди в соборе св. Павла должен объявить народу, что ни король Эдуард, ни герцог Кларенс не были зачаты в законе и не были истинными детьми герцога Йорка, но герцогиня, их мать {91}, понесла их незаконно в прелюбодеянии от других лиц, а также что подлинною женою короля Эдуарда была дама Елизавета Люси и поэтому сам государь и все его дети от королевы – незаконнорожденные.

В соответствии с этим замыслом доктор Шей в ближайшее воскресенье выступил с проповедью у креста перед собором св. Павла {92} при многолюдной толпе, всегда стекавшейся на его проповеди, и взял предметом такие слова: "Spuria vitulamina non agent radices altas", что значит: "Прелюбодейные поросли не дадут корней в глубину" (Премудрость Соломонова, 4, 3). Для начала он показал великую милость, которую бог таинственным образом дает и сообщает законному потомству по закону супружества, а далее провозгласил, что в наказание родителям те лишь дети обычно лишены этой милости и в жизни своей злополучны, которые родились во грехе, особенно же при прелюбодеянии. И хотя некоторые из них по мирскому неведению и из-за сокрытия истины от умов наследуют до поры до времени чужие земли, однако господь всегда печется, чтобы они недолго оставались в их роду: истина выходит на свет, законные наследники восстанавливаются. {В 1565 добавлено: "отпрыски-сверстники возвращаются на свою почву".}, а прелюбодейная поросль выдергивается, не успев пустить глубоких корней. Для доказательства и подтверждения этой мысли он изложил некоторые примеры из Ветхого завета и другие древние истории, а потом начал распространяться в похвалах покойному Ричарду, герцогу Йорку, называя его отцом лорда-протектора, и сообщил о правах его наследников на корону, которые были определены властью парламента после смерти короля Генриха VI. А единственным истинным его наследником и законнорожденным сыном, заявил он, является только лорд-протектор. Ибо, провозгласил он затем, король Эдуард не был никогда законным образом женат на королеве, а перед богом оставался мужем дамы Елизаветы Люси, и поэтому его дети незаконнорожденные. Да и сам король Эдуард, и герцог Кларенс никогда не считались среди тех, кто знал тайны дома, за бесспорных детей благородного герцога {В 1565 пространнее: "Поскольку Эдуард вопреки закону и обычаю сочетался с королевой в то время, когда еще была жива истинная и несомненная жена его госпожа Люси. Он был помолвлен с ней еще в ее девичестве, потом вступил с нею в брачную связь и даже имел от нее ребенка, однако своих обязательств перед нею он не выполнил, так как к нему тогда явилась прекрасная вдова и он пограл верность во имя похоти, так что ни один из их отпрысков не имеет права царствовать. Говорил об этом Шей с большою силою не только намеками и подозрениями, но даже лживо называя имена свидетелей. Ему ведомо, продолжал он, какой великой опасности он себя подвергает, но ведь он говорит с того места, откуда должна звучать только истина, которая дороже, нежели сама жизнь; и образец для него - Иоанн Креститель, презревший смерть, обличая незаконные браки королей. Да и удивительно ли, что Эдуард не был озабочен мыслию о том, законных ли он оставит сыновей или незаконных, если ни сам он, ни брат его Кларенс не были на самом деле достоверными сыновьями их отца..."}, так как лицом они больше напоминали не его, а некоторых других людей, и от душевных его доблестей (добавил он) король Эдуард тоже был далек. Зато лорд-протектор, сказал он, - вот благороднейший правитель; вот образец рыцарских доблестей: как царственным своим поведением, так и чертами лица представляет он подлинный облик благородного герцога, его отца. Это его образ, продолжал проповедник, это свойственное ему выражение лица, истинный отпечаток его черт, несомненное его подобие, воочию зримый облик названного славного герцога. Было условлено, что при этих словах протектор сам должен был явиться среди народа, слушавшего проповедь, чтобы людям показалось, будто эти слова, совпавшие с его появлением, сам дух святой вложил в уста проповедника, и чтобы под этим впечатлением народ закричал: "Король Ричард! Король Ричард!" - тогда можно было бы сказать потом, что сам бог избрал его, явивши чудо. Но замысел не удался - то ли из-за небрежности протектора, то ли из-за непомерного усердия проповедника. Дело в том, что протектор в своем пути нарочно мешкал, чтобы не опередить этих слов, а доктор, опасаясь, что тот прибудет скорее, чем его речь дойдет до нужных слов, чрезмерно с ними поторопился: он подошел к ним, и миновал их, и приступил к другим предметам раньше, чем появился протектор. И поэтому, завидев его появление, он разом бросил говорить, о чем говорил, и без всякого перехода, порядка и связи начал вновь повторять слова, что это "тот самый благороднейший правитель, образец всех рыцарских доблестей, который как царственным своим поведением, так и выражением и чертами лица являет подлинный облик герцога Йорка - его отца: это его образ, свойственное ему выражение лица, истинный отпечаток его черт, несомненное его подобие, воочию зримый облик славного герцога, чья память никогда не умрет, пока жив этот муж". При этих самых словах протектор в сопровождении герцога Бэкингема прошел меж народом к тому месту на верхнем ярусе, где обычно стояли духовные лица. Там он остановился, слушая проповедь. Но люди и не помышляли кричать: "Король Ричард!" - пораженные постыдною проповедью, они стояли, словно превратившись в камни.

После того как эта проповедь окончилась, проповедник укрылся дома и от

стыда не смел более оттуда показываться, скрываясь от света, как сова. А когда однажды он спросил у своего старого друга, что о нем говорят в народе (хоть и собственная совесть достаточно подсказывала ему, что ничего хорошего не говорят), а тот ответил ему, что из каждого уст о нем слышен только позор, это так поразило его сердце, что через несколько дней он угас и покинул этот мир {В 1565 добавлено: "Однако что было дерзко начато, то должно было дерзко и продолжиться"}.}

Затем, в следующий вторник после этой проповеди, в лондонский Гилдхолл {В 1565 добавлено: "место прекрасное и достаточно просторное, чтобы вместить большую толпу".} явился герцог Бэкингем {93} с толпой лордов и рыцарей, среди которых не все даже знали, с какой вестью они идут. И здесь, в восточном конце зала, откуда мэр правил суд, окруженные мэром и олдерменами, они собрали перед собою все общины города; именем протектора, под страхом большого наказания, всем было приказано замолчать, и тогда герцог встал (а был он не лишен учености и от природы имел редкостный дар слова) и ясно, громко обратился к народу с такой речью:

"Друзья! Преданное и сердечное расположение, которое мы испытываем к вам {В 1565 добавлено: "ведь вам известно, кто мы такие".}, побудило нас прийти сюда, чтобы сообщить вам о деле большом и важном, и не только важном, но и угодном богу и выгодном всему королевству, а в особенности выгодном не кому-нибудь другому в королевстве, а вам, гражданам этого благородного города. Так вот, мы пришли сюда, дабы принести вам то, в чем вы заведомо долго нуждались, чего страстно желали, за что готовы были отдать большие деньги, за чем пустились бы в самый дальний путь; мы же это приносим вам без усилий, страданий, затрат, риска и опасности для вас. Что же это такое? Это безопасность вашей жизни, спокойствие ваших жен и дочерей, сохранность вашего имущества: ведь в былые времена вы ни в чем этом не могли быть уверены. Кто из вас мог бы чувствовать себя истинным хозяином своего добра среди стольких силков и ловушек, сколько их было вокруг, среди стольких грабежей и поборов, среди стольких налогов и пошлин, которым никогда не было конца и в которых часто не было нужды? а если и была нужда, то скорее из-за мятежей и неразумных опустошений, чем для какого-нибудь необходимого или достойного расхода {В 1565 иначе: "хотя и королю не для чего было требовать денег, и народу не из чего платить".}. У людей богатых и почтенных, что ни день, отбиралось новое и новое добро, чтобы раздать его расточителям; а когда не хватало "пятнацатины" {94} и любых иных привычно звучащих налогов {95}, то под удобным именем беневоленции {96}, или доброхотных даяний, сборщики вымогали от каждого столько, сколько ни один человек доброхотно не мог бы им дать. И если этот побор назывался беневоленцией, то это значило, что каждый человек должен платить не столько, сколько он хочет дать, а столько, сколько король хочет взять. Тогда ничто не запрашивалось помалу, но всего требовали сверх меры {97}: штрафы превращались в поборы, поборы в выкупы, малое злоупотребление в преступление, преступление в измену.

Я думаю, никто здесь не нуждается в том, чтобы мы приводили поименные примеры. Разве вы забыли Бардета {98}, который за одно необдуманное слово {В 1565 добавлено: "за чашей с вином".} был жестоко обезглавлен, и законы королевства были нарушены в угоду королю? Сколько славы стяжал тогда Маркхем {99}, главный судья, который предпочел оставить свою должность, чем дать согласие на такой приговор, и сколько позора легло на всех, кем из страха или из лести приговор этот был вынесен! {В 1565 добавлено: "Благодаря лживому толкованию законов они погубили невинного человека, который положился на их верность долгу и совести".} А кук {100}, уважаемый ваш сосед, олдермен и мэр этого благородного города {В 1565 добавлено: "Немногие города могут гордиться такими людьми: должным образом он получал от вас все места и должности и на каждом прекрасно управлял".}? кто из вас столь невежествен, чтобы о нем не знать, или столь забывчив, чтобы о нем не помнить, или столь бессердечен, чтобы не жалеть о потерях этого достойного человека? О потерях? нет, о совершенном его разорении {В 1565 добавлено: "из такого огромного богатства он был сброшен не просто в бедность, но прямо-таки в нищету".} и о незаслуженной гибели, и все это лишь оттого, что он любил тех, кого не любил король. Я думаю, что нет надобности перечислять всех остальных по именам: уверен, что многие здесь присутствующие помнят, как они сами или их ближайшие друзья видели немалые опасности и своему добру, и себе самим из-за обвинений или вовсе лживых, или ничтожных, но прикрытых грозными словами!

Не было такого страшного обвинения, для которого не находилось бы предлога.

Ведь король наш, не дождавшись срока своего престолонаследия, добился короны мечом; и поэтому, чтобы обвинить богатого человека в измене, достаточно было его родства, дружбы, близости или простого знакомства с кем-нибудь из врагов короля, а во врагах короля бывало не меньше половины королевства. Таким образом, никогда ваше добро не находилось в безопасности, а самим вам все время грозили обычные превратности войны. Война всегда бывает причиной многих злополучий, но злополучнее всего она тогда, когда народ в раздоре с самим собой; и нигде на свете не была она так пагубна и опустошительна, как у нас; и никогда у нас не была она столь долгой, со столь частыми битвами, такими ожесточенными и смертоносными, как это было в дни покойного государя, да простит ему это бог. При нем и ради него, когда он добывал венец, удерживал его, терял его и вновь отбивал его, пролилось больше английской крови, чем при двукратном завоевании Франции. Столько древней дворянской крови стоили нам эти междоусобицы, что осталась едва ли половина ее, к большому ущербу этой благородной страны; а что уж говорить обо всех богатых городах, разоренных и разграбленных по пути на битву или с битвы! Но и мир потом был не спокойнее войны: никогда не было такого времени, чтобы человек богатый был спокоен за свои деньги, а человек знатный за свои земли, а кто бы то ни было за собственную безопасность. Воистину, кому король мог доверять, не доверяя родному брату? кого он мог жалеть, убив родного брата? и кто мог любить его, если не мог родной его брат? Мы пощадим его честь и не станем говорить, каким людям он больше всего благоволил; однако вы все знаете хорошо: чем больше он любил человека, тем меньше тот считался с законом, и много больше подавалось судебных прошений жене Шора, пошлой и презренной развратнице, всем лордам Англии, исключая тех, которые у нее же искали помощи. А ведь эта простая женщина пользовалась и уважением, и доброй славой, пока король в своей распутной похоти и греховной страсти не отнял ее у мужа, честного и состоятельного человека из вашей же среды. По чести сказать, мне об этом очень бы не хотелось говорить, но бесполезно держать в секрете то, о чем знает каждый: алчная похоть короля была ненасытной и несносной для всего королевства, так как не было такой женщины, молодой или старой, богатой или бедной, которая бы ему приметилась и понравилась чем угодно – видом, лицом, речью, поступью или осанкою, чтобы он, не боясь ни бога, ни бесчестия, ни мирской молвы, не устремился бы к ней в своем вожделении, не овладел бы ею и не принес бы этим погибели многим добрым женщинам и большого горя их мужьям и другим друзьям – людям честным и так высоко чтущим чистоту дома, целомудрие жен и стыд детей, что им легче было бы всего лишиться, нежели претерпеть такое поношение.

Не было в королевстве места, не затронутого этими и другими непереносимыми обидами; но более всех страдали вы – граждане этого благородного города, как потому, что у вас больше всего было добра, ради которого вершатся такие несправедливости, так и потому, что вы всегда были у него под рукой, ибо время свое он обычно проводил здесь или поблизости. А между тем он имел особую причину именно к вам относиться лучше и любезнее, нежели к любым другим своим подданным, – и не только потому, что этот знатный город, столица государя и славнейший город его государства, умножает честь и славу правителя среди всех других народов, но также и потому, что, несмотря на немалые траты и великие тревоги и опасности, вы всегда во всех войнах были на его стороне из-за душевной вашей преданности дому Йорков {101}. Отплатить вам достойно он не смог; но есть в доме Йорков человек, который с божьей помощью сумеет это сделать лучше. Объявить вам об этом вот единственная цель нашего к вам прихода {В 1565 добавлено: "Выслушайте же меня до конца так же внимательно, как и до сих пор".}.

Думается мне, что нет надобности повторять вам то, что вы уже слышали от того, кто мог об этом лучше сказать и кому вы должны были больше поверить. У меня есть основания так полагать: ведь я не настолько горд, чтобы надеяться весом моих слов сравняться с проповедником слова божьего, человеком настолько ученым и мудрым, что никто лучше его не умеет говорить, и человеком настолько честным и добродетельным, что он не скажет, чего не надобно, да еще с той кафедры, откуда ни один честный человек не осмелится солгать. Так вот, все вы помните, как этот почтенный проповедник в минувшее воскресенье у Павлова креста убедительно возвестил вам, какие права и притязания на корону и королевство имеет превосходнейший принц Ричард Глостер {В 1565 добавлено: "Муж цветущий всеми добродетелями".}, ныне протектор нашего государства. Достойнейший этот проповедник обоснованно показал вам, что дети Эдуарда IV никогда и не были законными, поскольку при жизни дамы Елизаветы Люси, истинной супруги короля, никогда он не был по закону женат на королеве, их матери: и не поставь король свое сладострастие

превыше чести, никогда бы ее кровь не была достойна сочетаться с королевской; а смешавшись с ней, она лишила королевство немалой доли знатнейшей его крови, из этого ясно, что не хорош был брак, от которого взросло столько бед. И вот из-за незаконности этого брака, а также по другим причинам, о которых названный почтенный доктор сказал лишь намеком без подробностей и о которых я тоже не буду говорить и никто не посмеет сказать, что мог бы, дабы не навлечь неудовольствия моего благородного лорда-протектора, от природы питающего сыновнее уважение к герцогине, своей матери {В 1565 добавлено: "вследствие чего он даже ради общественного блага не позволит дурно отзываться о ней".}, - по этим-то упомянутым мною причинам, т. е. из-за отсутствия другого потомства, законно происходящего от покойного благородного принца Ричарда, герцога Йорка, чьей королевской крови корона Англии и Франции была вверена высокою властью парламента, ныне все его права и звания по законному порядку наследования, принятому в общем праве этой страны, передаются и переходят к превосходнейшему принцу лорду-протектору как единственному законнорожденному сыну упомянутого благородного герцога Йорка. Старательно это рассмотрев и обдумав те рыцарские доблести и многообразные добродетели, которых так много в его благородной особе, дворяне и общины этого королевства, особенно же северных его областей, не желая, чтобы власть над страной принадлежала нечистой крови и чтобы злоупотребления прежних лет продолжались далее, согласились и единодушно решили обратиться со смиренным прошением к могущественнейшему принцу, лорду-протектору: пусть его милость соизволит в ответ на нашу смиренную просьбу принять на себя власть и блюстительство над этим королевством ради процветания его и расширения согласно истинному своему праву и законному титулу. Однако же я знаю, что принять этот сан ему не по сердцу, ибо в мудрости своей он ясно предвидит все тяготы и заботы как умственные, так и телесные, которые выпадают на долю того, кто трудится на этом месте так, как будет трудиться он, если пожелает занять его. Говорю об этом смело, ибо королевское место, - я предостерегаю вас! - это не детская должность, и это понимал премудрый, когда он сказал: "veh regno cuius rex puer est" - "Горе тебе, земля, когда царь твой отрок" (Экклес., 10, 16). Поэтому тем более должны мы благодарить бога за то, что столь благородный муж, столь законно носящий свое звание, находится в столь зрелом возрасте и сочетает великую мудрость с великим опытом {В 1565 иначе: "соединяет со своей дивной мудростью обширный опыт и великую славу своих доблестей, явленных в отечестве и на чужбине".}. И однако при всем этом, повторяю вам, он вовсе не хочет принять этот сан, и к прошению нашему он милостиво склонится лишь тогда, когда вы, почтеннейшие граждане столичного города в королевстве, соединитесь с нами, дворянами, в указанной нашей просьбе. Мы не сомневаемся, что ради вашего собственного блага вы так и сделаете; и все же я и со своей стороны от души вас об этом прошу. Этим вы и всему королевству сделаете большое благо, избрав столь хорошего короля, и себе получите особенную выгоду: к вам его высочество будет всегда тем благосклоннее, чем он больше увидит в вас готовности и благожелательности при его избрании. Поэтому, дорогие друзья, мы и просим вас открыто нам сказать, что вы об этом думаете".

Когда герцог окончил речь, он взглянул на народ, ожидая, что на такое предложение все закричат: "Король Ричард! Король Ричард!", как обещал это мэр; но все были безмолвны, как немые, и не отвечали ни единым словом. Это герцога до крайности смутило; и он, подозвав к себе мэра и остальных, кто был в сговоре, тихо спросил их, что означает подобное молчание?

"Сэр, - ответил мэр {102}, - быть может, они нехорошо вас поняли? Если нужно, мы постараемся это исправить!" И тут же он повторил всю эту речь чуть погромче, в другом порядке и другими словами; сделал он это так хорошо и красиво и притом так ясно и просто, таким выразительным голосом, с такими лицом и жестами, что каждый, кто его слышал, дивился и думал, что никогда еще в своей жизни не слыхивал он столь дурных речей в столь хороших словах. Но от удивления, от страха или оттого, что каждый ждал, пока другой начнет, только никто во всей толпе не сказал ни слова: все стояли не шевелясь, было тихо, как в полночь, и совсем не слышно было того ропота, когда люди сговариваются, что им лучше делать.

Увидавши это, мэр {В 1565 включено пояснение: "сам немного испугавшись".} вместе с другими участниками сговора подошел к герцогу и сказал, что люди здесь не привыкли, чтобы с ними говорил кто-то, кроме рекордера, ибо рекордер - это уста города; может быть, рекордеру они дадут ответ {В 1565 пространнее: "Возможно, их молчание происходит оттого, что они не желают ни в чем отходить от своих обычаев. А рекордером у лондонцев называется

помощник мэра, сведущий в законах и следящий, чтобы из-за незнания законов не произошло ошибки в судебных приговорах".}. В ответ на это выступил рекордер по имени Фитцуильям {103}, почтенный человек и честный, который так недавно занял эту должность, что ни разу еще не выступал перед народом прежде и не желал бы начинать с такого опасного дела; тем не менее, подчиняясь приказу мэра {В 1565 добавлено: "и опасаясь, что худо ему будет, если он откажется".}, он еще раз изложил общинам то, что герцог дважды повторил им сам. А речь свою он так построил, что обо всем сказал словами герцога, от себя не прибавив ничего. Но и от этого ничто не изменилось: люди стояли все, как один, будто пораженные громом {В 1565 добавлено: "и молчание было, как ночью в глубоком сне".}.

Видя это, герцог {В 1565 добавлено: "огорченный, что речь его принята была столь враждебно".} наклонился к мэру и сказал: "Это упорное молчание удивительно!" А затем он опять повернулся к народу с такими словами:

"Дорогие друзья! Мы пришли просить вас о помощи, в которой, пожалуй, не столь уж и нуждаемся, здесь довольно было бы и решения лордов королевства с общинами его областей. Однако мы питаем к вам такую любовь и так вас ценим, что нам не хотелось бы делать без вас. такое дело, участие в котором принесет вам благо и честь, чего, кажется, вы либо недооценили, либо не поняли {В 1565 добавлено: "коли не удостоили даже ответа".}. Поэтому мы просим вас ответить нам, да или нет? хотите ли вы заодно со всеми лордами королевства, чтобы этот благородный принц, ныне протектор, был вашим королем или нет? {В 1565 добавлено: "Услыхав любой ответ, мы тотчас уйдем и более не будем этим вам докучать".}

При этих словах народ {В 1565 добавлено: "немного заволновавшись".} начал потихоньку шептаться, так что шум голосов был ни громким, ни внятным, а похож на гудение пчел. Вот тогда-то в нижнем конце зала явились из засады слуги герцога, слуги Нешфилда {104} и другие люди протектора вместе с подмастерьями и молодыми людьми, которые набились в зал, привлеченные деньгами, и вдруг начали из-за спины у всех кричать во всю глотку: "Король Ричард! Король Ричард!" – и бросать вверх шапки в знак ликования. А те люди, что стояли впереди, опустили в недоумении головы, но сказать ничего не решились {В 1565: "К крикунам присоединились какие-то подмастерья, хоть им и дела не было до Ричарда, как водится в толпе, а затем мальчишки, охочие до всякой новинки. И хоть герцогу досадно было, что ни одного достойного гражданина с ними нет..."}.

Когда герцог и мэр увидели происходящее, они умело этим воспользовались. Они воскликнули, что такой добрый крик приятно и слышать, когда все единогласны и никто не говорит поперек. "Поэтому, милые друзья, произнес герцог, – нам понятно ваше единодушное желание иметь этого благородного мужа вашим королем, и мы сделаем об этом его милости самый убедительный доклад, который, несомненно, послужит общему вашему благу и прибыли. Мы просим вас завтра поутру явиться к нам, и мы вместе пойдем к его благородной милости, чтобы сказанным образом изложить ему нашу смиренную просьбу".

Затем лорды удалились, собрание было распущено, и люди разошлись. Большинство их было мрачно, иные невесело притворялись довольными, а некоторые из тех, кто пришел туда с герцогом, не в силах были скрыть досаду и шли домой, отвернув лицо в сторону и в слезах изливая душевную скорбь.

На следующее утро {105} мэр со всеми олдерменами и старшими членами городской общины, одетые в лучшие одежды, собрались вместе и явились в Бэйнард Касл {106}, где жил протектор. Туда же по уговору прибыл герцог Бэкингам и с ним другие бароны, много рыцарей и прочих дворян. И тогда герцог послал к лорду-протектору сказать, что большая и почтенная делегация ждет его с важным делом к его милости. Когда же протектор ответил, что он не решается к ним выйти, пока не узнает, чего хочет посольство, ибо он смущен и немного встревожен внезапным появлением стольких людей к нему без всякого уведомления или предупреждения, с добром или бедой они пришли, – тогда герцог указал мэру и остальным, что они сами могут видеть, как мало протектор думает об их смысле; и затем к протектору вновь был послан вестник с заверениями в любви и с нижайшей просьбой удостоить их приема, чтобы они могли изложить ему свое дело, которое они даже намеком не могут раскрыть никому другому. Наконец герцог вышел из покоев, но не к ним, а стоял над ними на галерее, где они могли только видеть его и говорить издали, словно он не решался подойти поближе, пока он не узнает, что они

задумали.

Тут герцог Бэкингем {В 1565 добавлено: "возвышаясь среди народа на лошади".} прежде всего от имени всех смиреннейше попросил, чтобы его милость простила их и без гнева дозволила изложить, зачем они пришли; а без такого прощения они не осмелятся беспокоить его своим делом. Хотя они и полагают, что дело это сулит многую честь его милости и многое благо всему королевству, однако они не уверены, как отнесется к этому его милость, и очень не хотели бы его обидеть.

Тогда протектор, по природной своей кротости и по великому желанию узнать, что они замыслили, дал герцогу позволение изложить, что он хочет, не без основания надеясь, что за все то доброе расположение, которое он питает к ним ко всем, вряд ли кто из них мог замыслить против него что-нибудь огорчительное.

Когда герцог получил такое разрешение и поощрение говорить, тогда он отважно раскрыл перед ним их намерение и замысел со всеми его побудительными причинами, о которых вы уже слышали {В 1565 иначе: "Наконец обратился к нему с мольбой явить свою милость, не оставить заботою державу, так долго уже терзаемую столькими непереносимыми бедствиями; взглянуть со свойственной ему благосклонностью на лордов и общины, припадающие к стопам его; принять на плечи свои заботу об отечестве, чающем опоры в нем едином; возвысить вновь государство, всеми разоренное и попранное; возложить свою длань на скипетр, как на руль корабля, давно уже блуждающего без опытного кормчего, а свою почтенную голову обременить тяжестью короны. Да не устроят его бури власти, да не соблазнит его нескромная скромность, да не пренебрежет он ради собственного покоя всеобщим спокойствием и не откажется от королевства, которое принадлежит ему по людским законам и божеским предначертаниям!"; и в заключение обратился к его милости с мольбою – не оставить своего обычного рвения к благу королевства, воззреть сострадательным оком на давние его бедствия и упадок и приложить свои милостивые руки к его поправлению и возрождению, приняв на себя венец и власть над королевством, по праву его и званию законно принадлежащим ему, – к вящей славе господя, к вящему благу всей земли, а себе самому – к наивысшему почету и наименьшим тяготам, ибо нигде никогда ни один государь не царствовал над народом, столь радостно ему покорным, как покорен ему этот народ.

Услыхав такое предложение, протектор взглянул отчужденным взглядом и ответил так. Да, ему небезызвестно, что говорят они правду; однако он так неподдельно любит короля Эдуарда и его детей, что ему гораздо дороже добрая слава в окрестных государствах, чем корона этого государства, о которой он никогда и не мечтал; и поэтому он не видит в своем сердце ничего, что склонило бы его к их просьбе. Ведь в чужих народах, где не так хорошо известна истина, будут, наверное, думать, что это он сам своим честолюбием и коварством низложил принца и присвоил себе корону; а таким позором он бы не хотел запятнать свою честь ни за какой венец. С ним он приобретет много больше трудов и печалей, чем отрад, – а кто ждет от короны иного, тот и вовсе недостойн ее носить. Тем не менее он не только прощает их просьбу, но даже благодарит их за любовь и сердечное расположение; однако он умоляет их теперь ради него пойти и высказать эти чувства принцу. А с него довольно жить под властью принца, служа ему трудами и советами, пока тому угодно их принимать; и он сдает все, что может, чтобы привести королевство в добрый порядок. Благодарение богу, хорошее начало этому уже положено, хоть протектором он стал совсем недавно; по крайней мере, злоба тех, кто прежде пытался и впредь намеревался ему противодействовать, теперь уже укрощена, частично разумными его мерами, а частично, пожалуй, скорее уж особой божьей милостью, чем человеческими заботами.

Получив такой ответ, герцог по разрешению протектора переговорил с мэром, рекордером и с дворянами, что были при нем, а затем, заранее испросив и получив прощение, он громко возвестил протектору, что окончательное решение, твердо принятое всем королевством, состоит в том, что потомство короля Эдуарда не должно более властвовать над ним. И так как зашли они уже слишком далеко, чтобы безопасно отступить, и так как избранный ими путь они все равно считали бы самым благодетельным для всех, даже не вступив на него, то, если его милости угодно принять корону, они будут смиренно умолять его об этом, если же он даст решительный отказ (который им бы очень не хотелось услышать), тогда они поневоле должны искать и сумеют найти какого-нибудь другого вельможу, который им не откажет.

Эти слова сильно взволновали протектора, хотя только что всякий мог видеть, что от него никак нельзя было ожидать согласия. Но так как он понял, что иного способа нет – либо он примет корону, либо и он, и его племянник ее потеряют, – то он обратился к лордам и общинам вот какие слова:

"Поскольку мы поняли, к великому нашему огорчению, что все наше королевство так решило, что оно никоим образом не потерпит над собою короля из потомства Эдуарда, а над нашими людьми никто на свете не сможет управлять против их воли; и поскольку мы также поняли, что нет ни одного человека, к кому корона могла бы перейти законнее, чем к нам, истинному наследнику, законнорожденному от нашего дражайшего отца Ричарда, покойного герцога Йорка; и поскольку к этому праву сейчас присоединился и ваш выбор, лорды и общины королевства, который мы считаем самым важным из всех на свете прав {В 1565 добавлено: "также поскольку я вижу единодушное согласие ваших мнений обо мне и не хочу показаться бессильным к управлению государством или невнимательным к вашему обо мне доброму мнению".}, поэтому мы милостиво склоняемся на вашу просьбу и убеждение и в соответствии с этим принимаем ныне на себя королевский сан, власть и управление над двумя славными королевствами, Англией и Францией, для того, чтобы одним отныне и впредь наследно править, властвовать и защищать, другое же божьей милостью и с вашей доброй помощью завоевать и подчинить вновь, чтобы оно обреталось всегда в должной покорности нашей английской короне, – и ради этого никогда мы не попросим у господ продлить нашу жизнь дольше, чем надобно, чтобы этого достичь" {В 1565 пространный: "Я полагаю, что только управление обеими державами должно принадлежать мне, а законные доходы и владения в них – вам, т. е. всему обществу; и если наступит день, когда я переменюсь в этой мысли, то пусть небесные силы в тот день отнимут у меня не только это ваше государство, но и самую мою жизнь, которой я стану недостоин".}.

При этих словах поднялся большой шум и раздались крики: "Король Ричард! Король Ричард!" И тогда лорды поднялись вверх к королю (ибо так его стали называть с этого времени), а народ разошелся, толкуя о случившемся по-разному, как кому подсказывало воображение.

Больше всего было толков и недоумений о том, как это дело было сделано: обе стороны вели себя так странно, словно об этом между ними не было прежде никаких переговоров, хотя очевидно было, что никто из слушателей не мог быть так глуп, чтобы не понять, что все дело сговорено между ними заранее. Впрочем, некоторые и это извиняли, утверждая, что все должно делаться по порядку и людям надлежит из приличия некоторое время притворяться, будто они не знают того, что знают. Так, при посвящении в сан епископа всякий понимает: если только он уплатил за папские буллы {В 1565 добавлено: "и ничего не заплатил королю..."}, то он уже решился стать епископом; и тем не менее он дважды должен быть спрошен, желает ли он стать епископом, дважды должен ответить "нет" и лишь на третий раз согласиться, словно по принуждению. Так и в балаганном представлении все отлично знают, что тот, кто играет султана, на самом деле всего лишь сапожник; но если бы кто-нибудь возымел глупость показать не вовремя, что ему это известно, и окликнуть актера в его султанском величии собственным его именем, то как бы не пришлось султанскому палачу хватить его по голове, – и поделом: не порти игру. Вот и эти дела (говорил народ) – не что иное, как королевские игры, только играют они не на подмостках, а по большей части на эшафотах. Простые люди в них лишь зрители; и кто поумней, тот не будет в них вмешиваться. А кто влезает на подмостки и вмешивается в игру, не зная роли, те только портят представление и себе же делают хуже.

На следующий день {107} протектор с огромной свитой направился в вестминстерский дворец {В 1565 добавлено: "который и больше и величественней, чем лондонский, и в котором разбираются судебные дела всякого рода со всех концов королевства".} и там явился в Суд королевской скамьи {В 1565 добавлено: "это место так называется потому, что решения этого суда имеют такую же силу, как те, что исходят из собственных уст короля".}, объявив присутствующим, что ему угодно принять корону именно здесь, где король сидит и служит закону, ибо он полагает, что служить законам – главнейший долг короля. А затем он обратился с речью, заискивая изо всех сил и перед знатью, и перед торговцами, и перед ремесленниками, и перед всяким сбродом, более же всего перед законоведами британского королевства. В заключение же, чтобы никому не внушать страха и ненависти и чтобы снискать расположение коварным своим милосердием, он, описав весь вред раздоров и всю пользу согласия и единства, во всеуслышанье заявил, что

отныне он изгнал из памяти всякую прежнюю вражду и при всех прощает все, что было сделано против него. И дабы подтвердить такие слова, он повелел привести к себе некоего фогга {108}, которого он давно уже смертельно ненавидел; и когда того доставили к нему из церковного убежища (куда он бежал из-за страха перед королем), то он на глазах всего народа подал ему руку. Народу это понравилось и вызвало общую хвалу, но умные люди сочли это пустой потехой. На возвратном же своем пути он не пропускал без доброго слова ни единого встречного: ибо кто знает за собою вину, тот всегда склонен к подобному угодливому заискиванию.

Когда после этих шутовских выборов он вступил во власть, было 26 июня, а затем 6 июля он был коронован. И это торжество оказалось обеспеченным по большей части теми самыми приготовлениями, которые предназначались для коронования его племянника.

Так совершилось это страшное преступление. И так как не бывает добра от того, что рождено во зле, то все время, пока он был королем, убийства и кровопролития не прекращались до тех пор, пока его собственная гибель не положила всему этому предел. Но если кончилось его время самой лучшей и самой справедливой смертью – его собственной {109}, – то началось оно смертью самой горестной и гнусной – я имею в виду прискорбное убийство его невинных племянников, молодого короля и его маленького брата {110}. Смерть и окончательная погибель их, однако, оставались под сомнением так долго, что некоторые до сих пор пребывают в неуверенности, были ли они убиты в те дни или нет. И это не только потому, что Перкин Варбек {111}, пользуясь коварством многих людей и глупостью еще более многих, так долго обманывал мир, и вельможами и простонародьем принимаемый за младшего из этих двух принцев, – это еще и потому, что в те дни все дела делались тайно, одно говорилось, а другое подразумевалось, так что не бывало ничего ясного и открыто доказанного, а вместо этого по привычке к скрытности и тайне люди всегда ко всему относились с внутренним подозрением: так искусные подделки вызывают недоверие к настоящим драгоценностям. Однако по поводу этого мнения и всех доводов в пользу него и против него мы сможем в дальнейшем рассказать подробнее, если нам удастся описать историю благородного покойного государя, славной памяти короля Генриха VII, или, может быть, в сжатом очерке изложить отдельно судьбу названного Перкина {112}. А здесь, по недостатку времени, я опишу лишь ужасный конец этих младенцев, и не по всем тем различным рассказам, которые мне приходилось слышать, а только по такому, который я слышал от таких людей и в таких обстоятельствах, что мне трудно считать его неистинным.

Король Ричард после своей коронации, направив свой путь в Глостер {113}, чтобы посетить в своем новом сане город, имя которого было в прежнем его титуле, решил по дороге исполнить свой давний замысел. Так как он понимал, что пока его племянники живы, люди не признают за ним права на королевскую власть, то он надумал без промедления избавиться от принцев, словно убийство родственников могло поправить его положение и превратить его в приемлемого для всех короля. Поэтому он и послал некоего Джона Грина {114}, особо доверенного своего человека, к констеблю Тауэра сэру Роберту Брэкенбери {115} с письменным и устным распоряжением, чтобы этот сэр Роберт так или иначе предал смерти обоих детей. И этот Джон Грин, коленопреклонясь перед образом богоматери в Тауэре, передал Брэкенбери такое поручение; но тот прямо ему ответил, что скорее сам умрет, чем предаст их смерти. С этим ответом и воротился Джон Грин к королю в Уорвик {116}, когда тот еще находился в дороге.

Услышав это, король впал в такое раздражение и раздумье, что той же ночью сказал своему доверенному пажу {117}: "Ах, есть ли человек, которому можно довериться? Те, кого я сам возвысил, те, от кого я мог ждать самой преданной службы, даже они оставляют меня и ничего не хотят делать по моему приказу..." – "Сэр, – ответил паж, – здесь в фольговой палате есть человек, который, я смею надеяться, может угодить вашей милости: трудно найти такое, от чего бы он отказался". Он имел в виду сэра Джемса Тирелла {118}; это был человек выдающийся и по своим природным дарованиям мог бы служить более достойному принцу, если бы умел служить богу и милостью божией приобрести столь же много честности и доброй воли, сколько было у него силы и ума. Сердце у него было гордое, и он страстно стремился пробиться наверх, но не мог возвыситься так быстро, как надеялся, ибо ему мешали и препятствовали сэр Ричард Рэтклиф и сэр Уильям Кэтсби {119}, не желавшие ни с кем делить королевскую милость, а тем более с ним, который по гордости своей тоже ни с кем не захотел бы быть равным; а поэтому они тайными средствами держали его

в стороне от всех секретных поручений. Все это паж замечал и знал. Поэтому когда приключился такой случай, по некоторой особой дружбе своей с Тиреллом он решил, что пора выдвинуть его вперед и оказал ему такую услугу, что все его враги, кроме разве самого дьявола, не смогли бы сделать ему хуже.

После слов пажа Ричард встал (во время беседы он сидел на стульчаке подходящее место для такого совета!) и вышел в фольговую палату, где он нашел в постели сэра Джемса и сэра Томаса Тиреллов {120}, схожих лицом и братьев по крови, но очень разных по своему положению. Король сказал им запросто: "Что это вы, господа, так рано в постели?" – и позвал сэра Джемса к себе. Тут он поведал ему тайно о своем преступном намерении, и тому оно показалось ничуть не странным. Убедившись в этом, король поутру послал его к Брэкенбери с письмом, в котором предписывал передать сэру Джемсу на одну ночь все ключи от Тауэра, чтобы он мог здесь исполнить королевскую волю в таком деле, о котором ему дано распоряжение. И когда письмо было вручено и ключи получены, сэр Джемс избрал для убийства наступающую ночь, наметив план и подготовив все средства.

Принц, едва он узнал, что протектор отказался от протекторского звания и зовет себя королем, тотчас понял из этого, что царствовать ему не придется и что корона останется за дядей. При этой вести он горько загрустил и, вздыхая, сказал: "Увы! если бы мой дядя оставил мне хотя бы жизнь, если уж не королевство!" Тот, кто принес ему эту весть, постарался его утешить добрыми словами и ободрить, как можно; однако и принц и его брат тотчас были заперты на замок и все друзья отстранены от них, и только один, по имени Черный Виль, или Уильям Душегуб {121}, остался им прислуживать и следить за их безопасностью. С этого времени принц никогда не завязывал на себе шнуровки, перестал следить за собой и вместе с малым ребенком, своим братом, влачил тревожное и горькое существование в сомнении и скорби, пока предательское убийство не освободило их обоих от страданий.

Итак, сэр Джемс Тирелл решил умертвить их в постелях. Для исполнения этого он назначил Майлса Фореста {122}, одного из их четырех телохранителей, парня, запятнавшего себя когда-то убийством; к нему он присоединил Джона Дайтона {123}, своего собственного стремянного, головореза огромного роста, широкоплечего и сильного. Все остальные были от принцев отстранены. И вот около полуночи, когда невинные дети спали в постелях, эти Майлс Форест и Джон Дайтон вошли в их спальню, внезапно набросили на них одежду и так закрутили и запутали их, зажав им рты периной и подушками, что в недолгий срок задушили их и прикончили. Дыхание их ослабело, и они отдали богу свои невинные души на радость небесам, оставив преступникам на ложе свои мертвые тела. И когда злодеи поняли, сначала по предсмертным их судорогам, а потом по долгой недвижимости, что дети уже совершенно мертвы, тогда они положили их мертвые тела на кровать и пригласили сэра Джемса посмотреть на них. Тот, взглянув на них, приказал убийцам похоронить их в земле под лестницей на должной глубине, навалив сверху груды камней. А затем сэр Джемс поскакал со всей поспешностью к королю Ричарду и рассказал ему обо всех обстоятельствах убийства.

Король за это изъявил ему большую благодарность; некоторые даже говорят, что он тотчас был произведен в рыцари {124}. Но, говорят, он не позволил их зарыть столь подлым образом в углу, заявив, что он желает похоронить их в лучшем месте, ибо все же они дети короля. Вот какова была благородная душа этого монарха! Поэтому будто бы священнику сэра Роберта Брэкенбери приказано было вырыть тела и тайно похоронить их в таком месте, какое он один бы только знал, чтобы в случае его смерти никогда и никто не сумел бы его открыть {125}. Истинно и хорошо известно, что когда Джемс Тирелл находился в Тауэре по обвинению в измене славнейшему своему государю королю Генриху VII, оба – Дайтон и он – были допрошены и признались на исповеди, что совершили убийство именно таким способом, как нами описано, но куда перенесены были тела, они не могли ничего сказать. Вот каким образом (по свидетельству тех, кто много знал и мало имел причин лгать) двое благородных принцев, эти невинные дети, рожденные от истинно королевской крови, взлелеянные в большом богатстве, предназначенные для долгой жизни, чтобы царствовать и править королевством, были схвачены вероломным тираном, лишены сана, быстро заточены в темницу, тайно замучены и убиты, а тела их были брошены бог знает куда злобным властолюбием их бессердечного дяди и его безжалостных палачей.

Если обо всем этом подумать с разных сторон, то, право же, бог никогда не являл миру более примечательного примера тому, как зыбко мирское наше

благо, тому, как надменная дерзость высокомерного сердца порождает преступления, а также тому, как безжалостная злоба приводит человека к худому концу. Начнем со слуг: Майлс Форест сгнил заживо в убежище св. Мартина; Дайтон доселе бредет по жизни, поделом опасаясь, что он будет повешен раньше, чем умрет; а сэр Джемс Тирелл умер на Тауэр-Хилл, обезглавленный за измену {126}. Сам же король Ричард, как вы узнаете далее, погиб на поле брани, израненный и изрубленный руками своих врагов; его мертвое тело было взгромождено на круп лошади, его волосы вырваны, и так его волокли, как дворового пса. Страдания эти он принял меньше, чем через три года после тех страданий, которые он причинил {127}; и все эти три года он прожил с великой тревогой и заботами о себе, с безмерным ужасом, страхом и скорбью в душе. Я слышал правдоподобный рассказ от человека, который пользовался доверием его домашних слуг, о том, что после этого бесчеловечного деяния ум его ни на миг не бывал спокоен и он никогда не чувствовал себя в безопасности. Когда он выходил из дома, его глаза тревожно бегали вокруг, его тело было втайне прикрыто доспехами, рука всегда лежала на рукояти кинжала, выглядел он и держался так, словно всегда готов был нанести удар. По ночам он плохо отдыхал, долго лежал без сна, погруженный в размышления; тяжело утомленный заботами и бессонницей, он скорее дремал, чем спал, и его успокоили ужасные сны. Иногда он внезапно вскакивал, бросался вон из постели и бегал по комнате, ибо его не знавшее покоя сердце без конца металось и содрогалось от угнетающих впечатлений и грозных воспоминаний о его преступном деянии.

Не видел он покоя и вокруг себя. Не прошло еще долгого времени, как уже против него возник заговор или, точнее, целый союз между герцогом Бэкингемом и многими дворянами {128}. Отчего у короля и герцога возник раздор, о том различные люди рассказывают по-разному. Я достоверно знаю что еще когда Глостер после смерти короля Эдуарда прибыл в Йорк {129} и здесь справлял торжественную заупокойную службу о короле, то герцог Бэкингем послал туда наисекретнейшим образом некоего Персела, своего верного слугу {130}, который пришел к Джону Уорду {131}, столь же доверенному слуге герцога Глостера, и выразил желание как можно более тайно и укромно предстать перед его хозяином и поговорить с ним. Извещенный о такой просьбе, герцог Глостер приказал, чтобы в глухую ночную пору, когда весь народ разойдется, тот был доставлен к нему в тайные покои. Здесь Персел по наказу своего хозяина сообщил ему, что он тайно послан с тем, чтобы сообщить, что при нынешней перемене положения его хозяин выступит на той стороне, где будет угодно герцогу, и если нужно, придет к нему с тысячей добрых молодцов. Посол был отправлен назад с благодарностью и некоторыми тайными сообщениями о намерениях протектора; а через несколько дней, получив новые полномочия от своего герцога, он вновь встретился с протектором в Ноттингеме, куда тот прибыл из Йорка по дороге в Лондон со многими дворянами северных графств верхом на 600 конях. Тотчас после этого свидания и разговора гонец поспешно удалился; а затем герцог сам со свитой на 300 конях встретился в Нортгемптоне с протектором и с этого времени не покидал его, оставаясь соучастником во всех его замыслах, и только после коронации они расстались в Глостере, казалось бы, как добрые друзья. Но когда затем герцог прибыл домой, он вдруг так легко отвернулся от короля и так решительно стал строить против него заговор, что можно было только подивиться, откуда такая перемена.

И в самом деле, о причине их разногласий разные люди говорят по-разному. Некоторые, как я слышал, рассказывают, будто герцог незадолго до коронации попросил у протектора среди других даров владения герифордских герцогов, которые, он считал, принадлежат ему по наследству {132}. Но так как титул, которого он требовал по наследству, был чем-то связан с правом на корону по линии низложенного короля Генриха, протектор воспылал таким негодованием, что ответил на просьбу герцога отказом в самых гневных и угрожающих словах. Это ранило сердце герцога такой ненавистью и неприязнью, что он никогда с тех пор не мог смотреть прямо в глаза королю Ричарду, но всегда страшился за свою жизнь, – до того страшился, что, когда протектор ехал через Лондон на коронацию, он объявил себя больным, чтобы только не ехать рядом с ним. Тот увидел в этом злой умысел и послал ему приказ тотчас встать и приехать, пока его не привели силою; и герцог поехал, но не по доброй воле, а под утро покинул торжество, сказавшись больным, но, по мнению короля Ричарда, – лишь по злобе и ненависти к нему. После этого, говорят, оба они жили в такой взаимной злобе и ненависти, что герцог даже опасался, как бы его не прикончили в Глостере; но ему удалось оттуда благополучно удалиться. Однако некоторые люди, хорошо знавшие все тайные дела того времени, решительно отвергают такой рассказ; а если вспомнить, как умели эти двое притворяться,

и как нужен был герцог протектору при его неокрепшей власти, и как рисковал бы герцог, навлекши на себя подозрение тирана, то понятно, что умные люди не верят, чтобы протектор дал герцогу повод обижаться или герцог протектору повод не доверять. И уж вовсе они не сомневаются, что будь у короля Ричарда какие-нибудь подозрения, он никогда не позволил бы герцогу ускользнуть из его рук.

Истина же в том, что герцог был очень самолюбивый человек и ему тяжело было видеть чужой успех: так, некоторые сами мне говорили, будто видели, что когда корона была в первый раз возложена на чело протектора, то герцог не мог вынести этого вида и отвел взгляд в другую сторону. Говорят также, что он вел себя беспокойно и король Ричард это знал, но ему было только приятно; поэтому ни одна просьба герцога не была неучтиво отвергнута, но он с большими подарками и высокими почестями, с видимым доверием и дружбою покинул Глостер. Но вскоре после этого, воротясь в Брекнок {133}, где под его охраной по приказу короля Ричарда находился доктор Мортон, епископ Эли {134}, который, как вы уже знаете, был взят под стражу на совете в Тауэре, герцог завел с ним дружбу; и вот тогда-то мудрость епископа воспользовалась гордынею герцога, чтобы себя спасти, а его погубить.

Епископ был человек большого природного ума, великой учености, достойного поведения, умевший снискивать милость самыми разумными средствами. Он был предан сторонникам короля Генриха, когда они были в силе, но не оставил и не забыл их и в беде; когда король оказался в заточении у короля Эдуарда, то епископ покинул королевство вместе с королевой и принцем и вернулся домой лишь затем, чтобы сражаться за них. После того как сражение было проиграно и партия Генриха разгромлена {135}, другая сторона не только согласилась принять его за твердую веру и ум, но даже звала его к себе и держала его с той поры в полном доверии и особом расположении. Он нимало не обманывал ее. Будучи, как вы уже слышали, после смерти короля Эдуарда арестован тираном за свою верность королю, он сумел нанести удар герцогу и стал объединять всех дворян ради помощи королю Генриху, тотчас предложив заключить брак между ним и дочерью короля Эдуарда; этим он доказал свою верность и добрую службу сразу обоим суверенам и облагодетельствовал все королевство, слив воедино две крови, чьи противоречивые права долгое время нарушали покой страны. Он покинул государство и отправился в Рим, решив не вмешиваться более в мирские дела, и пробыл там до той поры, пока благородный государь Генрих VII не пригласил его обратно, сделав архиепископом Кентербери и канцлером Англии, к чему папа присоединил еще и кардинальский сан. Так прожил он много дней в почете, о котором можно только мечтать, и окончил свою жизнь столь достойно, что по милости божией такая смерть преобразила и всю его жизнь. Вот каким образом, говоря я, вследствие долгих и часто превратных испытаний, как в удаче, так и в беде, этот муж приобрел великую опытность, истинную мать и госпожу людской мудрости, а с нею и глубокое понимание путей мирской политики.

Хорошо это понимая, герцог тогда рад был с ним сойтись, говорил ему ластивые слова, расточал многие хвалы; и в этих разговорах епископ заметил, как то и дело гордыня герцога прорывалась вспышками зависти к успеху короля, и почувствовал, что при умелом обращении он легко пойдет по этому пути. И он стал искусными способами подталкивать его вперед, пользуясь всяким случаем для его привлечения; а так как он был у герцога в плену, тому казалось, что это он, пленник, следует за ним, а не он за пленником. Так, когда герцог начал было хвалить и славословить короля, рассуждая, как хорошо станет государству от его правления, Мортон прервал его словами: "милорд! В моем положении глупо было бы лгать: если бы я и под клятвою вам солгал, ваша светлость вряд ли мне поверила. Конечно, если бы все обернулось так, как я хотел, то корону имел бы сын короля Генриха {136}, а никак не король Эдуард. Но так как бог ему судил ее лишиться, а королю Эдуарду воцариться, я никогда не был столь безумен, чтобы с мертвецом сражаться против живого. Поэтому я стал королю Эдуарду верным капелланом и был бы рад, когда бы его сын наследовал ему. Однако тайная воля божия предусмотрела иначе, и я не стану прать против рожна, стараясь укрепить, что бог разрушил. А что касается бывшего протектора, а ныне короля...", – и с этим он умолк, сказав, что он и так слишком много вмешивался в мирские дела, ныне же, кроме книг и четок, ничего ему не нужно.

Герцогу очень захотелось услышать то, что он хотел сказать, – так внезапно прервал епископ свою речь как раз на имени короля, – и он стал просить епископа как можно более дружески, чтобы он сказал все, что думает нехорошего: он, герцог, обещает, что вреда от этого не будет, а, может

быть, будет даже больше пользы, чем кажется, и что он сам намерен воспользоваться его нелюбезным тайным советом, – только для того он и добился у короля разрешения держать его под стражей у себя дома, чтобы он не попался в руки тем, от кого он не мог бы ждать такого благожелательства.

Епископ смиренным образом поблагодарил его и сказал: "Поверьте, милорд, я не люблю много говорить о государях – слишком уж это небезопасно: ведь даже если речь безупречна, поймут ее не так, как хотел бы говорящий, а так, как заблагорассудится правителю. Я всегда вспоминаю здесь одну басню Эзопа. Лев объявил, что под страхом смерти ни один рогатый зверь не должен более находиться в лесу; и вот один из зверей с мясным наростом на лбу тоже кинулся бежать со всех ног. Лисица увидела, как он несется, и окликнула: куда это он так торопится? Тот ответил: "Вот уж я не думал, не гадал, что придется мне бежать из-за указа о рогатых животных!" – "Вот дурак! – сказала лисица, – ты ведь спокойно можешь оставаться здесь, лев не о тебе говорил: у тебя ведь голова не рогатая". – "Уж я-то это знаю, – ответил тот, – но коли он вдруг скажет, будто и это рог, то что со мною будет?"

Герцог рассмеялся на такой рассказ и сказал: "Милорд, я вам ручаюсь: ни лев, ни кабан не узнают о том, что здесь будет сказано, так как это никогда не достигнет их ушей".

"Если это так, сэр, – ответил епископ, – то все, о чем я намерен говорить, как я об этом мыслю перед господом, может заслуживать только благодарности. Но если перетолковать это иначе (чего я и опасюсь), то мне от этого будет мало добра, а вам еще меньше".

Тогда герцог стал еще настойчивее допытываться, что это такое. И епископ наконец сказал: "Что касается бывшего протектора, а ныне полновластного короля, то я не намерен сейчас оспаривать его титул. Но для блага этого королевства, которым ныне правит его милость и малым членом которого являюсь я сам, я хотел бы пожелать, чтобы к тем добрым качествам, которых у него и так уж немало и которые вряд ли нуждаются в моей похвале, угодно было господу прибавить для полноты и некоторые иные превосходные добродетели, какие надобны для управления королевством и какими господь не обездолил особу вашей милости".

[Здесь труд Томаса Мора обрывается].

КОММЕНТАРИИ

1 Возраст Эдуарда IV указан Мором неточно: он родился в Руане 28 апреля 1442 г. Следовательно, к моменту смерти ему еще не исполнился сорок один год.

2 Инсценировка избрания Эдуарда IV королем толпой лондонских горожан произошла на "большом поле" у Клеркенвелл 1 марта (ww, p. 777). 3 марта совет знати, собравшийся в Байнард Касл, принял решение избрать Эдуарда королем (ChWR, p. 7-8; ww, p. 777). 4 марта состоялась торжественная процессия в Вестминстер, где Эдуарду вручили корону и скипетр (ww, p. 777). Итак, "Эдуард начал править королевством на четвертый день марта" (Stow. Summary, fol. 283).

3 Историки установили точную дату рождения первого сына Эдуарда IV – 2 ноября 1470 г. Второй сын родился (предположительно) 17 июня 1473 г. Разница в возрасте детей, таким образом, больше двух с половиной лет (RIII, p. 158). Елизавета родилась 11 февраля 1466 г., вступила в брак с Генрихом VII 18 февраля 1486 г., была коронована через год и десять месяцев – 25 ноября 1487 г. Она умерла в 1503 г.

Томас Говард (1473--1524) – сын того Джона Говарда, о котором Т. Мор упоминает в связи с переговорами о выдаче принца Эдуарда в Вестминстере между делегацией лордов и вдовствующей королевой Елизаветой. О его семье см. прим. 48.

6 Похороны Эдуарда IV состоялись 19 апреля 1483 г.

7 Вот что пишет об Эдуарде IV Доменико Манчини: "Эдуард был по природе благороден и приветлив, но когда ему случалось разгневаться, он казался окружающим ужасным. Он был доступен как друзьям, так и другим людям, даже

наименее благородным... Он охотно встречался с теми, кто желал его видеть, и использовал любую возможность привлечь внимание к своей величественной фигуре уличных зевак. Он был настолько равнодушен к придворному этикету, что когда он видел вновь пришедшего, смущенного его внешностью и королевским величием, он, положив руку ему на плечо, случалось, ободрял его. Истцов и тех, кто жаловался на несправедливость, он охотно выслушивал. Не будучи жадным, он все же так жаждал денег, что в погоне за ними приобрел репутацию скупца... В еде и питье он отличался полной невоздержанностью: у него была привычка, как я узнал, принимать рвотное ради удовольствия еще раз наполнить желудок... Он волочился без разбора за замужними и незамужними, за дворянками и особами низкого происхождения, однако добивался их не силой. Он подчинял их деньгами и обещаниями, но когда они были завоеваны, он прогонял их" (р. 78, 80, 82).

8 По договору в Пикини, подписанному 29 августа 1475 г., Эдуард IV должен был получать от Людовика XI ежегодно 50000 крон золотом (10000 фунтов стерлингов) в виде "откупных" за отказ от прав на французскую корону. В 1482 г. Людовик XI, слолив мощь своих бургундских вассалов, отказался выполнять договор. Поэтому правительство Эдуарда IV оказалось вынужденным вновь прибегнуть к сбору обычных субсидий.

9 Бервик был сдан приверженцами Генриха VI шотландцам в 1461 г. В августе 1482 г. войско, возглавляемое Ричардом Глостером, сумело овладеть крепостью.

10 Ричард Йорк родился в 1411 г., за четыре года до казни его отца, носившего то же имя и почетный титул графа Кембриджа. Казнь последовала после провала так называемого саутгемптонского заговора, призванного свергнуть ланкастерскую ветвь династии Плантагенетов в пользу других наследников многодетного Эдуарда III (1327-1377). По праву своего деда, Эдмунда Ленгли (1341-1402), пятого сына Эдуарда III, "второй" Ричард, унаследовавший от убитого при Азенкуре бездетного дяди Эдмунда титул герцога Йорка, становился наследником престола в том случае, если бы вымерли потомки Джона Ланкастера (четвертого сына Эдуарда III). По линии своей матери Анны Мортимер он был связан с третьим сыном Эдуарда III – Лионелем, носившим титул герцога Кларенса (1336-1368). Бабушкой Анны была дочь и единственная наследница герцога Кларенса – Филиппа, выданная замуж за Эдмунда Мортимера, третьего графа Марча.

Все потомки Эдмунда Мортимера и Филиппа погибли в начале XV в. большинство благодаря действиям сторонников ланкастерского дома. Следовательно, по материнской линии Ричард Йорк имел преимущественное право наследования перед своим соперником, правнуком Джона Ланкастера – Генрихом VI.

Потомки первых двух сыновей Эдуарда III уже не принимали в XV столетии участия в споре за корону, так как единственный отпрыск первенца Эдуарда III – Эдуарда Черного принца (1330-1376) – Ричард II (1366-1400) был свергнут с трона и убит приверженцами его племянника Генриха IV Ланкастера. Что касается Уильяма, второго сына Эдуарда III, то тот умер еще ребенком.

Борьба Ричарда Йорка и Генриха VI, начавшаяся уже в 40-х годах XV в., достигла своего апогея в 1460 г. Выиграв ряд сражений летом этого года, в их числе генеральное при Нортгемптоне (ww, р. 773; Gregory, р. 207), закончившееся пленением Генриха VI, Йорккы заставили парламент в октябре 1460 г. принять постановление (RP, v. V, р. 380) о передаче короны наследникам Ричарда Йорка (Whethamsted, р. 108; Gregory, р. 208; ww, р. 774). В ответ последовал мятеж дворян английского севера, поддерживавших Маргариту, супругу Генриха VI, и их сына Эдуарда (1453-1471) (Gregory, р. 210; ww, р. 774). Попытка Ричарда Йорка усмирить бунтовщиков закончилась неудачно. Он был убит в бою под Уэйкфилдом (Йоркшир) 30 декабря 1460 г. (Gregory, р. 210; ww, р. 775).

11 Георг, герцог кларенс (21 октября 1449 г.-18 февраля 1478 г.), был поддержан графом Уорвиком (см. прим. 80) и его многочисленными сторонниками как претендент на английскую корону весной 1469 г., после того как он сочетался браком с дочерью Уорвика Изабеллой (Warkworth, р. 4 ff.).

Отстранение Эдуарда от престола мыслилось под двумя предлогами: во-первых, он не сын своего отца – герцога Йорка, а во-вторых, он женился на вдове Елизавете Грей (см. прим. 82) в нарушение существующего обычая (Mancini, р. 74). "Даже его мать впала в такой гнев (по поводу брака с Елизаветой), что

Мор Томас История Ричарда 3 filosoff.org
выразила готовность подтвердить общественное мнение и заявила, что Эдуард не является сыном ее мужа – герцога Йорка, а был зачат в результате нарушения супружеской верности и поэтому недостоин чести править королевством" (Ibid.). Судя по этой фразе Манчини, мать Эдуарда и Георга Сесиль, урожденная Невиль, одноутробная сестра Уорвика, также была на стороне заговорщиков.

Весной 1470 г., после провала организованного Кларенсом и Уорвиком линкольнширского путча (см. подробнее "An English Chronicle of the Rebellion in Lincolnshire. 1470". London, ed. J. G. Nickols. The Camden Miscellany, 1847), они бежали во Францию, где договорились с Маргаритой Анжуйской, супругой томившегося тогда в Тауэре Генриха VI, о совместной борьбе против Эдуарда. Их объединенные усилия привели осенью 1470г. к временной потере Эдуардом IV короны (Fabyan, p. 658; Warkworth, p. 9).

В 1471 г. Кларенс перешел на сторону брата и помог ему в разгроме соперников. В награду он получил как наследство Изабеллы половину громадного состояния ее отца, погибшего в битве при Барнете (см. прим. 80) (RP, VI, p. 124127). Другая половина земель Уорвика досталась Ричарду Глостеру, женившемуся на второй дочери покойного графа Анне. Таким разделом Кларенс остался недоволен, и с этого времени он вновь берет на себя роль лидера придворной оппозиции, группируя недовольные элементы.

Трения между Кларенсом и Эдуардом увеличились еще больше в связи с вопросом о браке наследницы погибшего при Нанси бургундского герцога Карла Смелого. Претендентом на ее руку выступил Кларенс, у которого только что умерла жена. Однако король добился расторжения намечавшегося брачного контракта, предложив в качестве жениха Энтони Вудвиля, графа Риверса, послушного ему брата своей супруги. Увидев в этом происки королевы Елизаветы (см. прим. 82), Кларенс поспешил ей отомстить. Без санкции судебных органов он схватил служанку королевы Энкететту Твинихо и казнил ее, назвав виновницей преждевременной кончины своей жены Изабеллы (RP, v. VI, p. 174).

Тотчас же последовали ответные действия королевского двора. Приближенные Кларенса Стэси и Бардет были казнены по решению суда за чародейство против Эдуарда IV. А вскоре и их хозяин оказался за толстыми стенами Тауэра. В январе 1478 г. нижняя палата парламента единогласно приняла обвинительный билль. Георг Кларенс обвинялся в посягательстве на корону и в непослушании королевской воле. Палата лордов утвердила билль и признала Кларенса виновным в государственной измене. 17 февраля в парламенте было объявлено, что Георг случайно утонул в бочке с вином (ChWR, p. 250-256; RP, v. VI, p. 195).

12 Имеется в виду Елизавета, урожденная , Вудвиль, вдова рыцаря Грея (см. прим. 82). Манчини так описывает ее действия: "...королева припомнила оскорбления ее семьи и клевету, которой шельмовали ее, а именно, что согласно установленному обычаю она не является законной супругой короля. Отсюда она пришла к выводу, что ее потомство от короля никогда не вступит на трон, пока не будет устранен герцог Кларенс" (p. 76).

13 Портрет Ричарда Глостера, нарисованный Т. Мором, в основном совпадает с тем, как изображают его другие современники и хронисты. У Полидора Вергилия, например, мы читаем: "Он был маленького роста, уродливый телом, одно плечо выше другого, с таким кротким и чувствительным выражением лица, что, казалось, ему не свойственны и совершенно чужды хитрость и обман. В то время, как он думал о каком-нибудь деле, он постоянно кусал свою нижнюю губу... Также имел он привычку то и дело наполовину выдергивать из ножен своей правой рукой кинжал, который повсюду носил с собой, а потом засовывать его в ножны снова. Воистину, он имел острый ум, предусмотрительный и тонкий, склонный к притворству и лицемерию; его отвага была такой неистовой и лютой, что не покинула его до самой смерти" (Three Books, p. 226-227).

Д. Манчини также отмечает его скрытность, умение притворяться. В последние годы, пишет этот очевидец, "он не выезжал за пределы своих собственных владений; всячески подчеркивал свое расположение к народу. Добрая молва о его жизни распространилась среди иностранцев. Он прославился в военных делах в такой степени, что когда бы ни приходилось предпринимать какое-либо трудное и опасное дело, оно поручалось ему. Так Ричард завоевал уважение народа, а зависти королевы избежал благодаря тому, что от нее его отделяло большое расстояние" (p. 76-78).

П. Вергилий и Л. Манчини ничего не пишут о том, что у Ричарда был горб. Не сообщает о горбе и силезский рыцарь Николай фон Поппелау, посетивший Великобританию весной 1484 г, (Mancini, p. 163-164; Rous, p. 216). Нельзя заметить горба и на известных портретах Ричарда Глостера.

14 Жизнь Генриха VI оборвалась в Тауэре 21 мая 1471 г. между 11-12 часами ночи. Уоркуорт (p. 21), Фабиан (p. 63), Росс (p. 125), Андрэ (Memorials, p. 23), анонимный хронист (Vitellius, fol. 133), Вергилий (Three Books, p. 155-156) единодушно свидетельствуют, что его убийцей был Ричард Глостер.

15 Манчини изображает дело иначе: "... Ричард, герцог Глостер, был так удручен печальной вестью о своем брате, что не мог на этот раз искусно притворяться; а однажды подслушали, как он сказал, что настанет день, когда он отомстит за смерть своего брата" (p. 76). Историческая наука не располагает сведениями, которые позволили бы правильно оценить эти взаимно исключающие друг друга версии. Однако Кора Скофилд в своей фундаментальной биографии Эдуарда IV обратила внимание на то, что за три дня до гибели Кларенса юный сын Ричарда Глостера Эдуард получил титул графа Солсбери. Земли графства Солсбери принадлежали тогда, по праву покойной жены, Георгу Кларенсу и должны были быть переданы их сыну Эдуарду. Не прошло и трех суток после "утопления" Георга, как король пожаловал Глостеру находившийся ранее в руках умершего брата немаловажный пост "великого чемберлена" (High Chamberlaine) Англии (не путать с должностью лорда-чемберлена королевского двора, принадлежавшей тогда Гастингсу). (Scofield, v. II, p. 209-210). Как объяснить эти пожалования? Являются ли они платой за "услугу" или вознаграждением за молчание?

16 Как установил Р. С. Сильвестер, имя Мистлбрука - Уильям. При Эдуарде IV, Ричарде III и Генрихе VII он занимал различные должности в ведомстве, управлявшем коронными землями и владениями ланкастерского герцогства. Поттиер, предположительно Ричард, служил в администрации ланкастерского герцогства RIII, p. 170).

17 Эту улицу, как указывают комментаторы, только четыре квартала отделяли от Милк-Стрит, где жила семья Т. Мора.

18 Характер болезни Эдуарда IV источники определяют отнюдь не одинаково. Холл полагает, что малярия, приобретенная королем во время похода во Францию 1475 г., подорвала его крепкое здоровье (Hall, p. 338). Холиншед утверждает, что равно возможны две причины: "меланхолия и злоба", вызванные действиями Людовика XI, и "чрезмерные излишества". По мнению Манчини, два обстоятельства вызвали смерть короля Эдуарда IV: "меланхолия" из-за разрыва между ним и "фламандцами", подписавшими мир с Людовиком XI, и простуда во время рыбной ловли (p. 70-72). Мир с Людовиком его бургундские вассалы подписали в Аррасе 23 декабря 1483 г. Это позволило Людовику порвать договор в Пикиньи (см. прим. 8). Если вспомнить строки, написанные Т. Мором по поводу расстройств здоровья Эдуарда IV вследствие невосдержанности в еде и беспорядочной половой жизни, то напрашивается предположение о каком-то смертельном сердечном или желудочном заболевании. Подробнее об этом изложено в комментарии Армстронга к изданному им отчету Манчини (Mancini, P. 131),

19 О свидании соперников возле постели умирающего короля и его речи пишет не только Мор. Сведения об этом можно найти у Манчини (p. 84) и у продолжателя кройлендского летописца (CC, p. 564).

20 Маркиз Дорсет - почетный титул, полученный Томасом Греем (1456-1501), первым сыном Елизаветы Вудвиль, рожденным ею в первом браке (прим. 82).

21 лорд Уильям Гастингс (1431 г.-13 июня 1483 г.) - ближайший друг и сподвижник Эдуарда IV. Занял пост лорда-чемберлена в 1461 г., в 1471 г. ему был пожалован другой ответственный пост в королевской администрации губернатора Кале, крепости, в которой находился сильнейший в Англии гарнизон наемных солдат. Д. Манчини, как и Т. Мор, видит в Гастингсе не только государственного советника Эдуарда IV, но и соучастника его "развлечений" (p. 84).

22 лорд Риверс - титул Энтони Вудвиля (1442-1482). Он потомок Ричарда Вудвиля (убит в 1469 г.), первого графа Риверса и герцогини Бэдфорд. Известен как переводчик произведений античных писателей на английский язык.

Был близок к гуманистам, покровительствовал Кэкстону, создавшему первую типографию в Лондоне (см. прим. 82). Манчини пишет, что "лорд Риверс всегда считался добрым, серьезным и справедливым человеком, тем, кто испытал все превратности жизни. Как хорошо ни шли бы его дела, он никогда никого не обидел, но многих благодетельствовал" (р. 82).

23 Эдуард, сын короля Эдуарда IV, получил титул принца Уэльсского 26 июня 1471 г. (RP, v. VI, p. 9). 3 июля этого же года лорды принесли ему клятву верности как наследнику престола (BP, v. VI, p. 23). В ноябре 1473 г. его двор был переведен из Лондона в Ладлоу. Наследник престола, если верить Манчини, получил широкое образование, знания его намного превышали обычные в его возрасте. Он имел "особенно глубокие познания в литературе, которые позволяли ему вести беседу с изяществом" (р. 193).

24 Об Энтони Вудвиле см. прим. 22. Манчини инициатором заговора считает Гастингса, который в своих письмах советовал "герцогу поспешить к столице и отомстить за оскорбления, нанесенные ему врагами. Он может легко совершить эту месть, если, прежде чем он прибудет в город, он возьмет под свою опеку молодого короля Эдуарда..." (р. 86-88).

25 Герцога Бэкингема звали не Эдуард, а Генрих (1454-1483). Он внук Гемфри Стаффорда (1402-1460), одного из ближайших сподвижников Маргариты Анжуйской, первого герцога Бэкингема (титул был получен в 1444 г. в связи с торжеством по поводу бракосочетания Генриха VI и Маргариты Анжуйской). Погиб в сражении при Нортгемптоне. Его отец, граф Стаффорд Гемфри, был убит 21 мая 1455 г. в битве при Сент-Олбенсе, сражаясь за ланкастерскую династию. Генрих с 1461 г. находился под опекой Эдуарда IV, был им женат на сестре королевы Екатерине (1466). Он участвовал в судебном процессе над Кларенсом. Манчини так характеризует мотивы, побудившие Генриха Стаффорда примкнуть к заговору Ричарда: "Бэкингом, поскольку он принадлежал к самой высокой знати, был склонен симпатизировать другому аристократу, особенно потому, что у него имелись свои причины ненавидеть родню королевы, так как, когда он был моложе, его заставили жениться на ее сестре, которую он считал недостойной брака с ним из-за ее низкого происхождения" (р. 90).

26 О Гастингсе см. прим. 21.

27 Продолжатель кройлендского хрониста (СС, р. 564-566), Манчини (р. 86) и некоторые другие летописцы отмечают упорные дебаты в Совете, заседавшем в Лондоне, между сторонниками Гастингса и родственниками королевы по поводу численности эскорта принца Уэльсского во время его путешествия из Ладлоу в Лондон. Итогом споров явился компромисс. Королева написала в Уэльс, чтобы свита принца не превышала двух тысяч человек.

28 Стони Стаффорд лежит в 50 милях (меньше 80 км) от Лондона.

29 Встреча с Риверсом была 29 апреля. Арестовали же его 30 апреля утром (СС, р. 565).

30 Ричард Грей - второй сын Елизаветы Вудвиль от первого брака. Родился около 1460 г.

31 Эдуард Вудвиль ушел со своими судами в море либо 30 апреля, либо 1 мая (Mancini, p. 144-146). Р. С. Сильвестер совершенно справедливо замечает, что трудно представить себе, откуда об этом стало известно герцогу Глостеру 30 апреля (RIII, p. 182). Как сообщает Росс, Томас Грей, маркиз Дорсет, и Эдуард Грей, его дядя со стороны отца, бежали за море (Rous, p. 213). Согласно Манчини, маркиз Дорсет, Томас Грей и рыцарь Эдуард Вудвиль, четвертый сын Ричарда Вудвиля, первого графа Риверса, младший брат Энтони Вудвиля, разделили с королевой сокровища Тауэра между собой (р. 146).

32 Томас Воген, "рыцарь в старческом возрасте" (СС, р. 564-565), - один из видных военачальников, участвовал в 18 сражениях на стороне Эдуарда IV, стал канцлером уэльсского принца в 1473 г., в 1475 г. удостоен рыцарского звания.

33 О Помфрете см. прим. 64. Местами их заточения, как доказал Армстронг, стали для Эдуарда Вудвиля - Шериф-Хэттон, для Ричарда Грея Миддлхем (Mancini p. 142-152).

34 Известие об аресте членов совета принца Уэльсского достигло Лондона на

Мор Томас История Ричарда 3 filosoff.org
следующую ночь – с 30 апреля по 1 мая (СС, р. 565).

36 Архиепископом Йоркским был Томас Роттерхем. Он сын йоркширского рыцаря, выдвинулся благодаря поддержке королевы. В 1468 г. становится епископом Рочестера, затем получает линкольнскую епархию. Архиепископ с 1480 г.

36 Горнси – это Горнси-парк, теперь Гэррингей-парк, северо-западная часть Лондона.

37 В город принц Уэльсский вошел, сопровождаемый свитой из 500 человек (Mancini, p. 101). Кройлендский летописец указывает, что к столице Глостер привел 600 своих дружинников, а Бэкингом – 300 (СС, р. 565). 4 мая назвал днем прибытия в столицу кортежа не только Мор, но и Фабиан (р. 668), и автор "Большой хроники Лондона" (GrCh, p. 220), и продолжатель кройлендского хрониста (СС, р. 568). Из лондонской летописи мы узнаем, что на Эдуарде V была одежда из черного бархата, на Глостере – из грубого черного сукна. В черных нарядах двигалась к Лондону и их свита. Народ по этому поводу пророчествовал: "Когда придет черный флот норвежцев, стройте ваши дома из надежно скрепленного камня" (GrCh, p. 220).

38 Принц Уэльсский был помещен в епископский дворец, расположенный на северо-западной стороне площади перед собором св. Павла (СС, р. 565).

39 Вопрос, был ли Ричард Глостер назван протектором в завещании или устно на смертном ложе Эдуардом IV, до сих пор остается спорным. Историкам известен только ранний вариант королевского завещания, составленный в 1475 г. Манчини, Вергилий, Андрэ утверждают, что предсмертная воля Эдуарда IV облекала Ричарда властью протектора. Продолжатель хроники монастыря в Кройленде соглашается с Мором, что Глостер был назначен протектором майским советом знати (СС, р. 565-566).

40 Большая печать была отобрана у Йоркского архиепископа 2 мая (Mancini, p. 102). Джон Рассел (умер 30 декабря 1494 г.) получил печать только 27 июня 1483 г. до этого ее хранителем являлся архиепископ Кентерберри. Рассел стал епископом Линкольна в 1480 г., когда Рэттерхем был переведен из Линкольна на место архиепископа в Йорк. Манчини, как и Мор, положительно оценивает способности Рассела (р. 102).

41 Вероятно, совет протектора не раз дебатировал вопрос о том, как заставить Елизавету освободить младшего сына из вестминстерского убежища. Дж. Армстронг опубликовал отрывок из протокола, найденного им в архиве лондонского Гилдхолла, в котором речь идет о переговорах с вдовствующей королевой. Протокол имел дату 24 мая 1483 г.

42 Архиепископом Кентерберри являлся тогда Томас Буршье (1404-1486), младший отпрыск одной из аристократических семей Англии. Он сделал блестящую карьеру: в 1435 г. стал епископом Эли, в 1454 г. – архиепископом Кентерберри, в 1465 г. – благодаря хлопотам Эдуарда IV – получил кардинальскую мантию.

43 Как указывалось выше, архиепископ Кентерберри, а не Йорка, возглавлял делегацию в Вестминстерское аббатство. Здесь Т. Мор (или его издатели) допустили элементарную опisku.

44 Легенда возникла в VII в, Св. Петра и его ангельскую свиту якобы видел рыбак Эдрик.

45 Убежищем внутри городских стен Лондона являлась церковь св. Мартина.

46 Когда произошло это событие? У Мора нет точной даты, но порядок изложения фактов подтверждает, что это случилось раньше расправы с Гастингсом, т. е. до 13 июня. По мнению продолжателя кройлендского аббата, свидание с королевой в Вестминстере произошло позднее – в следующий после 13 июня понедельник. Одно из опубликованных писем коллекции дворянской семьи Стопоров принадлежит перу Симона Столуорта, слуге епископа Рассела, и имеет дату 21 июня. В нем также говорится, что взятие Ричарда произошло в ближайший понедельник к 21 июня (Stonor Letters, p. 161). Этим числом являлось 16 июня. Р. С. Сильвестер обратил внимание на запись, сохранившуюся среди бумаг Джона Говарда, герцога Норфолька, об уплате 6 шиллингов за 8 лодок, доставивших его и сопровождавшую его свиту из Лондона в Вестминстер и обратно. Платеж произведен 16 июня (RIII, p. 202-203).

Мор Томас История Ричарда 3 filosoff.org
Манчини помещает это событие до убийства лорда-чемберлена (р. 108-110). Все позднейшие летописцы принимают точку зрения Т. Мора, хотя, судя по приведенным документальным данным, без должных к тому оснований.

47 В "Большой хронике Лондона" говорится, что Ричард вместе с архиепископом вошел в покои королевы и "здесь вел себя так приветливо по отношению к королеве, давая различные притворно-любезные обещания, что ни у нее, ни тем более у архиепископа не закрались какие-либо подозрения в предательстве" (GrCh, p. 230-231).

48 Этим другим лордом, если верить позднейшим хронистам, являлся Томас Говард. Полидор Вергилий сообщает, что отец Томаса - Джон Говард, герцог Норфолк, также находился в Вестминстере ("Three Books", p. 543). Томас Говард имел большой вес при дворе молодого Генриха VIII, поэтому назвать его имя Мор опасался (RIII, Introduction, p. LXIX). О Говардах см. прим. 5.

49 Согласно средневековому праву Англии, дворянский сын в 15 лет мог получить феодальное держание, за которое он обязан был нести военную службу - рыцарскую службу. До этого события дворянин считался несовершеннолетним и находился под опекой родственников или назначенных королем лиц (F. Pollock and F. W. Maitland. The History of English Law, v. I. Cambridge, 1923, p. 318).

50 От этого места до конца абзаца текст "не был написан господином Мором в его истории, писанной по-английски, и переведен здесь из его истории, писанной по-латыни" (прим. Рэстела). Русский перевод сделан прямо с латинского текста.

51 События, о которых рассказывает Елизавета, происходили в 1470-1471 гг. 7 сентября вооруженные отряды баронского дома Невилей, Георга Кларенса и французские наемники Маргариты Анжуйской высадились в Плимуте и Дортмуте. Основные их силы двинулись на Лондон. Эдуард IV, подавляя бунт одного из сторонников графа Уорвика - лорда Фитцгу, находился далеко на севере подле шотландской границы. Его советники, оставшиеся в Лондоне, и городской совет не сумели защитить столицу. Их действия оказались парализованными хотя и лишенным ясной цели и четкой организации, но массовым мятежом, который искусно спровоцировали агенты Уорвика. Толпы бунтовщиков состояли из представителей городских низов; к ним присоединилось немалое число бедняков из Кента. "Большие отряды кентцев" овладели Саусворком, разгромили находившуюся здесь тюрьму Маршалси. И внутри Лондона, и в предместьях горели дома богачей, пивные, трактиры. Особенно неистово преследовались жившие в Лондоне и его окрестностях фламандцы. Своей кульминации эти события достигли 1 октября. В тот же день королева с семьей бежала в Вестминстер. 3 октября отряды Уорвика заняли Лондон и помогли ополчению столичных горожан обуздать мятеж, а Эдуард, Ричард Глостер и лорд Гастингс с небольшой свитой бежали в Зеландию искать помощи у бургундского герцога Карла Смелого (Warkworth. p. 11-12; Fabyan, p. 658; Vitellius, fol., p. 182-184; ThFCh, p. 183). Уместно заметить, что супругой правителя Бургундии являлась сестра Эдуарда IV Маргарита (WW, p. 787; Gregory, p. 236).

Эдуард IV вернулся в Англию 14 марта 1470 г. 11 апреля благодаря успешным военным операциям и переходу на его сторону Георга Кларенса столица вновь оказалась в руках первого короля Йоркской династии. Еще через три дня, 14 апреля, в сражении при Баряете Эдуард IV разбил армию Уорвика. 3 мая армия ланкастерцев терпит поражение на западе Англии, у Тьюксберн. В этих боях погибли граф Уорвик, большинство членов его семьи, единственный сын Генриха VI Эдуард; Маргарита Анжуйская попала в плен. Судьба короны была определена на 12 лет (ChWR, p. 56-60; Warkworth, p. 15-16). О судьбе самого Генриха VI см. прим. 14.

52 Манчини, описывая эту сцену, сообщает, что протектор "с согласия совета" окружил убежище войсками. Поэтому, "когда королева увидела, что она осаждена и все приготовлено для насилия, она выдала сына, поверив словам архиепископа Кентербери, что ребенок будет возвращен после коронации..." (р. 108). Указание на такое обещание не содержит ни один другой источник. В кройлендской хронике, также подчеркивается, что герцоги прибыли в Вестминстер на судах с большим количеством вооруженных людей (CC, p. 566).

53 Симон Столуорт также сообщает, что протектор принял мальчика на пороге Звездной палаты (Stonor Letters, v. II, p. 161).

54 Знакомясь с фрагментом "История Ричарда III", сохранившимся в MS. Hatley 433, П. Кэндел установил (р. 544), что Эдуарда перевели из епископского дворца в Тауэр значительно раньше – 9 мая. Продолжатель кройлендского хрониста также говорит, что второй сын Елизаветы "был доставлен господином кардиналом в указанный Тауэр Лондона" (СС, р. 566). В "Большой хронике Лондона" факт перевода принца Эдуарда в Тауэр предшествует переговорам в Вестминстере (GrCh, р. 230). Монастырский хронист рассказывает о совете, состоявшемся через несколько дней после прибытия принца Уэльсского в Лондон. На совете было принято предложение герцога Бэкингема о переводе ребенка из тесного епископского дворца в "более просторное место" лондонский Тауэр (СС, р. 566). Столуорт сообщает, что юный Ричард из Вестминстера был отправлен кардиналом в Тауэр (Stonor Letters, v. II, р. 161). Но Фабиан (р. 688) и Полидор Вергилий (Three Books, р. 178) поддерживают версию Т. Мора, что оба ребенка после их встречи в епископском дворце были эскортированы в Тауэр.

55 От этих слов до слов "со многими другими дворянами" (стр. 59) английский текст переведен Рэстелом с латинского. Русский перевод сделан непосредственно с латинского.

56 Сыну протектора Эдуарду было тогда десять лет. Он умер 9 апреля 1484 г. Других детей от Анны Невиль Ричард Глостер не имел, хотя известны, по крайней мере, два сына и одна дочь от любовниц. У герцога Бэкингема было три сына и две дочери.

57 Этот спор имел к тому времени столетнюю историю. Один из богатейших феодалов XIV в., граф Герифорда, Эссекса и Нортгемптона Гемфри Боген не имел мужского потомства. Ему наследовали две дочери – Элеонора и Мария. Элеонора стала супругой шестого сына Эдуарда III, герцога Глостера, Томаса, прозванного по месту рождения Вудстоком, и принесла ему в приданое половину отцовских земель. Томас был убит по приказу Ричарда II в 1397 г. Дочь Томаса и Элеоноры Анна вышла замуж за Эдмунда, графа Стаффорда, прадеда соратника Ричарда Глостера.

Вторая половина состояния Богена вместе с дочерью Марией, женой Генриха IV Ланкастера и матерью Генриха V, оказалась в руках ланкастерского дома. В состав этой полозины входили земли графства Герифорд. После гибели прямых наследников Генриха IV и Марии в 1471 г. создались условия для того, чтобы Генрих Стаффорд заявил о своих правах на вторую половину состояния Богенов. С притязаниями на "долю Марии" в какой-то форме он выступал еще при жизни Эдуарда IV, но был отвергнут. Возможно, здесь следует искать один из мотивов, побудивших его мстить семье покойного короля, а позднее вступить в конфликт с Ричардом. Наиболее подробно пишет об этом П. Вергилий (Three Books, р. 191193; Ramsay, v. II, р. 563-564).

58 Джон Мортон (1420-1500) – выходец из дворянской семьи, окончил Оксфордский университет, до 1471 г. активно поддерживал ланкастерскую группировку, но после Тьюксбери перешел на сторону Эдуарда IV, вошел в его тайный совет, стал одним из виднейших советников (Mancini, р. 82-84). В 1474 г. получил, одну из богатейших епархий – Эли. При Генрихе VII – архиепископ Кентербери, кардинал. В 90-х гг. XV столетия возглавлял в качестве лорда-канцлера правительство первого Тюдора. Он был покровителем таланта юного Томаса Мора. Восторженную оценку Д. Мортону Мор дает в первой книге "Утопии". Она не расходится с мнением о Мортоне Манчини. Тот пишет: "что касается епископа Эли, он был изобретателен и смел, так как обучился искусству придворных интриг во времена Генриха VI, и поэтому когда после разгрома партии Генриха он был приближен Эдуардом, то приобрел большое влияние" (р. 40).

59 Лорд Стенли – Томас Стенли (1435-1504), глава одной из богатейших и знатнейших семей Западной Англии, сын Томаса, первого барона Стенли (1406-1459). В 50-х гг. XV в. сражался на стороне Генриха VI и Маргариты Анжуйской. В 1461 г. перешел к йоркистам, получив титул главного судьи Честера и флинта. После женитьбы на сестре графа Уорвика Элеоноре Невиль (умерла ранее 1473 г.) поддерживал могущественного "создателя королей" в его борьбе с Эдуардом IV. После гибели графа Уорвика (1471), подобно Джону Мортону, становится приверженцем Эдуарда IV и получает от него в 1475 г. почетную должность стюарда королевского двора. Поддерживал Гастингса до его казни 13 июня. Был арестован вместе с ним, но вскоре выпущен на свободу. В декабре 1483 г. Ричард III пожаловал ему один из ключевых постов

Мор Томас История Ричарда 3 filosoff.org
королевской администрации – великого констебля Англии. Это не помешало Томасу вступить в заговор с приверженцами Генриха Тюдора и активно содействовать поражению Ричарда III на поле Босворта (1485). Контакты с тюдоровской группой были установлены им не без помощи его второй супруги, Маргариты, урожденной Бьюфорт, вдовы Оуэна Тюдора и матери будущего короля Генриха VII. На поле Босворта ему удалось подобрать потерянную Ричардом корону и водрузить ее на чело первого Тюдора. В октябре 1485 г. Стенли был дарован почетный титул графа Дерби. Он удостоился чести быть крестным отцом первенца Генриха VII, принца Артура. Холл называет Томаса Стенли "хитрой лисицей".

60 Дом Кросби был построен рыцарем Джоном Кросби в 1466 г. В 1483 г. продан его вдовой Ричарду Глостеру. В 1523 г. Томас Мор приобрел этот дом у рыцаря Джона Реста. Несколькими месяцами позже Мор перепродал его Антонию Бонвизи, "своему старому другу" (?). М. Routh. Sir Thomas More, p. 139; RIII, p. 213).

61 Манчини говорит, что слуги были удалены от Эдуарда после казни Гастингса (Р. 112).

62 Кэтсби Уильям (1450–1485) – профессиональный законовед, управляющий поместьями Гастингса. Как плату за измену следует рассматривать различные доходные государственные посты, пожалованные ему Ричардом III после убийства Гастингса. Кэтсби был спикером единственного парламента Ричарда III (январь 1484 г.). В сатирических стихах, написанных в 1484 г. Уильямом Коллинборном, мы читаем: "Кот, крыса и Лувел, наша собака, заправляют всей Англией под руководством вепря". Кот – cat – начальные буквы фамилии Catesby, крыса rat – начальные буквы фамилии Ratcliff. Что касается вепря, то это животное наряду со львом было геральдическим знаком герцога Глостера – намек более чем прозрачный.

Ричард Рэтклиф, доверенное лицо Ричарда, в апреле 1483 г. собрал ополчение дворян севера для похода к Лондону, чтобы помочь Ричарду в захвате престола. 25 июня он казнил Р. Грея, Э. Вудвиля и Т. Вогена. Погиб при Босворте. Фрэнсис Лувел командовал флотом Ричарда III, получил титул виконта 4 января 1483 г., земельные пожалования с годовой рентой в 400 ф. ст. Как и Рэтклиф, он – член Тайного совета, сражался против Генриха Тюдора даже в 1486 г., организовал мятеж в Йоркшире, участвовал в путче Ламберта Симнела (1487). После битвы при Стоуке исчез. Судьба его остается неизвестной.

63 Совет в Тауэре 13 июня упоминается всеми летописцами событий 1483 г., хотя изображается ими неодинаково. Ближе всех к тексту Мора повествование П. Вергилия (Three Books, p. 180). Кройлендский летописец говорит, что протектор разделил накануне 13 июня совет на две части: одна часть должна была собраться в Вестминстере, другая – в Тауэре. Совет в Тауэре происходил утром. Далее коротко сообщается об отсечении головы Гастингсу, аресте и высылке в Уэлс Мортон и Роттерхема (СС, р. 566).

У Манчини также речь идет о трех репрессированных – Мортоне, Роттерхе и Гастингсе. "Однажды эти трое и несколько других пришли в Тауэр, как обычно, в 10 часов утра, чтобы приветствовать протектора. Когда их впустили во внутренние покои, протектор, как это было заранее условлено, начал кричать, что он попал в засаду, что они пришли с оружием, что они готовятся первыми напасть на него. Поэтому солдаты, оставленные заранее их господином поблизости, тотчас ворвались в помещение во главе с герцогом Бэкингемом и убили Гастингса. Остальные были взяты под арест (Mancini, p. 111).

Более подробен рассказ "Большой хроники Лондона": "13 июня он (Ричард. – Е. К.) назначил совету собраться в Тауэре, на который пригласил графа Дерби, лорда Гастингса и многих других, из них большинство, как он знал, благожелательно относятся к его делу. И в этот день лорд Гастингс обедал с ним, а после обеда прискакал в Тауэр вместе с ним. Здесь, когда они вошли в палату советов и время пришло заняться делами, которые были намечены прежде, внезапно кто-то у двери палаты громко закричал: "Измена! Измена!" и тотчас привратники распахнули дверь, и туда ворвались те, которые находились здесь в засаде, и силой схватили графа Дерби и лорда Гастингса. И немедленно, без какого-либо судебного процесса и законного расследования, вывели названного лорда Гастингса на лужайку около часовни и здесь, положив голову на квадратный обрубок дерева, не дав времени для исповеди, отсекали ему голову..." Как и Т. Мор, этот хронист указывает, что Томас Стенли

Мор Томас История Ричарда 3 filosoff.org
получил рану в лицо, однако не ограничивается этим и пытается объяснить, почему ему была сохранена жизнь. Оказывается, Ричард боялся, что сын Стенли Уильям, лорд Стрендж, поднимет мятеж среди дворянства Западной Англии (GrCh, p. 231).

Расхождения между хронистами в изображении убийства Гастингса отражают слабую осведомленность современников о деталях драмы, разыгравшейся за крепкими стенами Тауэра. Рассказ Т. Мора кажется нам более правдивым хотя бы потому, что в числе его информаторов, несомненно, был участник тауэрского совета Джон Мортон, будущий архиепископ и покровитель таланта Мора.

64 Помфрет – крепость на юге Йоркшира.

65 На самом деле казнь произошла 25 июня (см. прим. Р. С. Сильвестера к "RIII", p. 219).

66 О Ж. Шор см. прим. 72.

67 Миддлтон – весьма распространенная фамилия среди английских дворян в то время. Ни один летописец не упоминает имени человека, напавшего на Томаса Стенли. Р. С. Сильвестер предполагает, что Миддлтон, упомянутый Мором, – сквайр Ричарда III Ричард Миддлтон, погиб в 1487 г., сражаясь против Генриха Тюдора.

68 О гербе Ричарда III см. прим. 62.

69 В английском тексте "RIII" однофамилец Гастингса назван *pursevant*, а в издании 1565 г. *caduceatur* (1565, p. 51). *Caduceatur* – это королевский герольд (глашатай). Значение слова *pursevant* (*pursuivant*) менее определено. Возможный перевод: *warrant-officer*, т. е. королевский гонец, имеющий полномочия не только сообщить о приказе, но и исполнить его (The Oxford English Dictionary, v. VIII. Oxford, 1933, p. 1636). Р. С. Сильвестер установил, что среди четырех герольдов королевского двора того времени ни один не носил имя Гастингс (RIII, p. 224).

70 См. прим. 65.

71 Т. Мор несколько приглушает ту реакцию, какую вызвало среди лондонских горожан убийство Гастингса. У Манчини мы читаем: "После того как в цитадели совершилась казнь, горожан, услышавших шум, но не знавших его причины, охватила паника, и каждый взялся за оружие. Чтобы успокоить толпу, герцог сразу же послал герольда объявить, что в городе был раскрыт заговор и Гастингс как зачинщик этого заговора понес наказание; поэтому он приказывает сохранять порядок. Сначала несведущая толпа поверила, хотя сущая правда, а именно, что заговор был выдуман герцогом, дабы избежать осуждения за такое преступление, и тогда была на устах у многих" (p. 110, 112). Сходную картину рисует Полидор Вергилий (Three Books, p. 181-182): "Как только это дело, совершилось (казнь Гастингса. – Е. К.), они начали кричать в Тауэре: "Измена! Измена!" Когда этот гвалт достиг города, горожане и все другие люди, полагая, что первый слух является истинным, и не зная, что случилось внутри Тауэра, начали кричать то же самое. Но когда они... поняли, что произошло на самом деле, то страх охватил каждого ... все люди сообщали скорбеля о смерти этого человека, на которого и они, и дворяне, что поддерживали детей короля Эдуарда, возлагали всю свою надежду".

72 К развернутой характеристике, даваемой Т. Мором Жанне Шор (1449-1525), позднейшие комментаторы добавили несколько интересных штрихов. Она – дочь мерсера из Чипсайда Томаса Вайнстеда, была выдана замуж за другого члена этой купеческой гильдии – Уильяма Шора. Предполагают, что любовницей короля стала в 1470 г. В 1476 г. муж покинул ее. После смерти короля ее взял на содержание лорд Гастингс. Любовную связь имел с ней и маркиз Дорсет. В 1484 г. один ее поклонник, Томас Лайнем, придворный Ричарда III, имел серьезные намерения вступить с ней в законный брак. Состоялся этот брак или нет – неизвестно. Лайнем умер в 1518 г. (RIII, p. 219-220, 228 etc.).

73 О преследовании Жанны Шор Ричардом III сообщает и "Большая хроника Лондона", но относит его ко времени после коронации Ричарда III. Т. Мор, кажется, более прав. Симон Столуорт в письме, датированном 21 июня, сообщает своему корреспонденту, что Шор в тюрьме (Stonor Letters, p. 161).

74 Из трех проституток, по мнению Р. С. Сильвестера, под самой хитрой Т. Мор подразумевал Элеонору Батлер, а под святейшей - Елизавету Люси (RIII, p. 231).

75 Казнь, как доказал Армстронг, издатель рукописи Манчини, произошла 25 июня (Mancini, p. 142, 152). Продолжателем кройлендского летописца местом казни считает не Помфрет, а Понтефракт. Здесь, указывает он, без всякого суда были убиты Энтони Вудвиль, Ричард Грей и Томас Воген (СС, p. 367). Росс также высказывается за Понтефракт, указывая, что главным судьей казненных являлся граф Нортумберленда Генрих Перси (Rous, p. 213-214). Манчини, упоминая об их смерти, не приводит никаких подробностей (p. 112).

76 О Рэтклифе см. прим. 62.

77 Ошибка Мора. Имя Шея - Ролф (GrCh, p. 231). Он - брат мэра Лондона этого года, ювелира Эдмунда Шея.

78 Пенкер Томас, из Ланкашира - доктор теологии. В 1469 г. - глава августинского ордена в Англии. В 70-х гг. XV в. читал лекции в Падуе. Умер 26 мая 1487 г.

79 О проповедях такого содержания пишет и Манчини: "...Он (Ричард) подкупил проповедников божьего слова настолько, что они в своих проповедях перед народом не стыдились говорить вопреки благопристойности и религии, что необходимо искоренить потомство короля Эдуарда IV, ибо он не является законнорожденным, и, следовательно, его потомство не может быть признано таковым. Эдуард, говорили они, был зачат в результате прелюбодеяния и ни в чем не похож на покойного герцога Йорка, чьим сыном его ошибочно считали, но Ричарду, герцогу Глостеру, полностью похожему на своего отца, должен перейти трон" (p. 116).

Вот что рассказывается о проповеди Шея в "Большой хронике Лондона": "... в воскресенье, следующее после смерти лорда Гастингса, возле креста св. Павла в присутствии лорда-протектора, герцога Бакингема и огромного множества духовных лиц и мирян было провозглашено Ролфом Шеем, братом мэра Лондона, ... что дети короля Эдуарда не являются законными наследниками короля и что сам король Эдуард не является в действительности сыном герцога Йорка в отличие от лорда-протектора... Затем он провозгласил, что лорд-протектор более достоин быть королем..." (GrCh, p. 231).

Рассказ Р. Фабиана (p. 669) короче, но ни в чем принципиально не расходится ни с "Большой хроникой Лондона", ни с Мором. П. Вергилий в отличие от Мора утверждает, что все обвинения концентрировались вокруг прелюбодеяния, якобы совершенного матерью Эдуарда Сесилью (Three Books, p. 183-184). Продолжателем кройлендского аббата дает другую версию: в некоем "пергаментном свитке", составленном в северных краях и привезенном неизвестно кем в столицу, доказывалось, что дети короля Эдуарда являются незаконнорожденными и его брат Георг Кларенс тоже (СС, p. 567). Г Г ф

80 Граф Уорвик Ричард Невиль (1428-1471) - глава сильнейшего баронского клана Англии третьей четверти XV столетия. В 1461 г. двенадцать представителей дома Невилей были казнены - это пятая часть собравшейся в тот год палаты лордов. Ричард Невиль принимал активное участие в политической жизни Англии в 50-е гг. XV в. Его военным и политическим талантам приверженцы герцога Йорка обязаны своими крупнейшими успехами: 22 мая 1455 г. решительная атака его дружины на Сент-Олбенс привела к разгрому ланкастерского войска и пленению Генриха VI (Gregory, p. 198; PL, Nos 218, 239). В 1460 г. его демагогическая агитация обеспечила йоркистам поддержку Лондона, других городов и дворянства юго-востока Англии (Davies, p. 86-95; WW, p. 772; ThFCh, p. 73; Vale, p. 149-156; Gregory, p. 206). В начальные годы правления Эдуарда IV Ричард Невиль - влиятельнейшее лицо в государстве. Именно тогда его стали величать "создателем королей". В Европе поговаривали, что хотя царствует молодой король, но правит многоопытный граф (K. H. Vickers. England in the Later Middle Ages. London, 1937, Sixth Edition, p. 461 ff.).

Эдуард IV не хотел мириться с существующим положением. Опору для борьбы с невилистами он нашел среди многочисленной родни своей супруги Елизаветы, урожденной Вудвиль. Конфликт между невилистами и приверженцами молодого

Мор Томас История Ричарда 3 filosoff.org
короля вылился в вооруженные столкновения в 1469-1471 гг. Военные действия шли с переменным успехом (Warkworth, p. 5 ff; ChWR, p. 3 ff). Весной 1470 г., заключив союз с находившимися в эмиграции остатками ланкастерской баронской партии, Уорвик сверг с трона Эдуарда IV и вернул к власти Генриха VI. Весной 1471 г. Эдуарду удалось взять реванш. В сражении при Барнете 14 апреля 1471 г. армия Уорвика была разгромлена, а он сам убит при попытке к бегству. Обнаженное тело Ричарда Невилля четыре дня лежало на паперти собора св. Павла в Лондоне, дабы все могли убедиться в гибели всесильного "создателя королей" (Warkworth, p. 17; см. прим. 51).

81 Одна из летописей XV в. (известная под условным названием (MS Nero C XI) сообщает, что в 1465 г. велись переговоры о браке Эдуарда с Изабеллой, сестрой кастильского короля (Fabyan, p. 654, note 3; GrCh, p. 202). Большинство хронистов, однако, указывают другую претендентку на руку Эдуарда – сестру Людовика XI французского и дочь герцога Савойского Бону; переговоры шли в 1464-1465 гг. (Warkworth, p. 3).

82 Елизавета – дочь простого рыцаря Ричарда Вудвиля (убит в 1469 г.), ставшего графом Риверсом благодаря вступлению в брак с вдовой известного герцога Бэдфорда Джона (умер в 1435 г.), брата Генриха V, Жанеттой (1416-1472), которая являлась дочерью Пьера, герцога Люксембургского, носившего также титул графа Сен Поль и принадлежавшего к одной из знатнейших семей Европы. У Елизаветы было пять братьев: Энтони, граф Риверс, казнен в 1483 г. (см. прим. 22); Джон погиб вместе с отцом в стычке при Эджкот в 1469 г., сражаясь на стороне Эдуарда против графа Уорвика; Лионель, епископ Солсбери, участвовал в заговоре Бэкингема, бежал в Бретань, умер в 1484 г.; Эдуард Вудвиль командовал в 1483 г. флотом, бежал с двумя кораблями во Францию (Mancini, p. 102, 104), служил с братом Ричардом Генриху Тюдору до захвата им трона и позднее.

82 Елизавета состояла фрейлиной при дворе королевы Маргариты (до 1453 г.), выдана замуж за сына приверженца ланкастерского дома Джона Грея, лорда Феррерс эв Гроби (1415-1457). Время вступления в брак неизвестно. От Джона Грея Елизавета имела двух сыновей – Томаса (умер в 1501 г.) и Ричарда (казнен в 1483 г.). Томас участвовал в мятеже Бэкингема, сражался на стороне Генриха Тюдора в битве при Босворте, подавлял корнуольский мятеж 1497 г.

83 Маргарита (1429-1482) – дочь Рене, графа Анжуйского. Некогда анжуйский дом владел Сицилией (1268-1302) и Южной Италией (Неаполитанское королевство). В 1442 г. анжуйская династия была изгнана из Италии. Брачный альянс с аристократическим, но находившимся на грани разорения семейством не пользовался популярностью в Англии (Brut, p. 512; Vitellius, fol. 155 ff.; Stow, p. 634). Маргарита, подчинив слабовольного и больного Генриха, в 50-60-е гг. XV в. фактически оказалась руководителем ланкастерской партии. Концом ее политической карьеры явилась битва при Тьюксбери 4 мая 1471 г., где был убит ее единственный сын Эдуард. Сама она стала пленницей Эдуарда IV (Warkworth, p. 18-19; ChWR, p. 78-83).

84 Джон Грей едва ли мог быть в числе тех 30 дворян, которых Генрих VI посвятил в рыцари 17 февраля 1461 г., когда состоялось второе сражение под Сент-Олбенсом. Дело в том, что сам Генрих оказался освобожденным из "плена" своими сторонниками, когда они, разгромив армию Уорвика, захватили ее лагерь и обоз в деревне Сендрич (Gregory, p. 212-214; Davies, p. 102; Vitellius, fol. 177).

85 Манчини добавляет следующую пикантную деталь к этому рассказу Т. Мора: "Молва гласит, что, даже когда Эдуард приставил к ее горлу кинжал, чтобы побудить ее уступить его страсти, она осталась невозмутимой и предпочла умереть, чем потерять честь, отдавшись королю" (p. 74).

86 Герцогиня Йорк (умерла в 1495 г.) – Сесиль Невиль, дочь Ричарда Невилля, графа Солсбери (1400-1460), и сестра графа Уорвика.

87 Известно, что от Елизаветы Люси Эдуард имел двух детей – Елизавету и Артура. Последний носил фамилию Плантагенет. Он родился около 1480 г. В 1523 г. получил титул виконта. Умер в 1542 г. Дочь Елизавета родилась во время сватовства Эдуарда и Елизаветы Грей (см. текст Т. Мора, стр. 94-95).

88 Продолжатель аббата Кройленда в отличие от Мора указывает, что не Елизавета Люси, а Элеонора Батлер являлась женщиной, которой Эдуард дал

Мор Томас История Ричарда 3 filosoff.org
слово жениться (CC, p. 567). Вопрос, кто из них прав, остается
дискуссионным по сей день. P. Kendall. Richard III, 258 ff.; M. Levine.
Richard III usurper or lawful king? - "Speculum", v. 34 (1959).

89 Эдуард находился в изгнании не два года, как пишет Мор, а пять с
половиной месяцев (3 октября 1470 г.-14 марта 1471 г.). Свои силы он
собирал в городах Зеландии. Недаром вскоре после возвращения себе короны, 9
ноября 1471 г., он пожаловал купцам города Миддльбург особые привилегии для
торговли в Англии.

90 см. прим. 3 и прим. 23.

91 Обвинения против Сесили, герцогини Йорк, в прелюбодеянии, очевидно, не
лишены оснований. Разговоры об этом имели широкое хождение. П. Вергилий
указывает, что Эдуард IV был объявлен незаконнорожденным сторонниками его
младшего брата не случайно, а в надежде, что "люди, еще живые, вспомнят
слух о том, что мать Ричарда Сесиль сокрушалась по поводу этих обвинений"
(Three Books, p. 183-184). Манчини сообщает, что герцогиня, недовольная
браком Эдуарда с Елизаветой, поддерживала интриги Кларенса и Уоррика и
будто бы заявила, что "Эдуард не является сыном ее супруга герцога
Йоркского, а был зачат незаконно, поэтому ни в коем случае не достоин чести
править королевством" (p. 74). В 70-е гг. Кларенс утверждал, что "король -
бастард и управляет незаконно". Это обвинение нашло отражение в бумагах
парламента (см. прим. 11).

Карл Смелый якобы однажды назвал Эдуарда IV Блейборном - такую фамилию
носил стрелок, предполагаемый любовник Сесили (RIII, p. 237).

92 Согласно Стау, в середине церковного двора стоял деревянный крест,
укрепленный на высоком каменном фундаменте и покрытый свинцом (RIII, p.
245). Служба произошла не в первое воскресенье после убийства Гастингса,
как пишет Мор, а во второе, т. е. 22 июня. Подробнее о дате см. комментарии
Р. С. Сильвестера (RIII, p. 235-245).

93 Манчини утверждает, что Бакингом выступал перед собранием знати (p.
116-118), но Фабиан и составитель "Большой хроники Лондона" подтверждают
рассказ Мора о выступлении Генриха Стаффорда перед мэром и "общинами"
Лондона (Fabyan, p. 669; GrCh, p. 232). Более пространен текст "Большой
хроники Лондона":

"На этом собрании названный герцог произнес речь, перечислив все
многообразные достоинства и добродетели лорда-протектора... Эта речь
продолжалась добрых полчаса и была так хороша и совершенна по красноречию,
произнесена с такой ангельской кротостью, а каждая пауза в ней была
настолько продуманна, что те, кто слушал ее, изумлялись и говорили, что
никогда прежде им не доводилось слышать что-либо подобное. Когда же он
кончил и по-хорошему начал побуждать их признать названного
лорда-протектора их истинным повелителем и королем, то они удовлетворили
его просьбу скорее из страха, чем из любви, крикнув: "Да, да!" Тогда он
покинул их".

Фабиан тоже отмечает совершенство ораторского искусства Бакингема, но
подчеркивает, что "мудрые люди" из числа горожан не одобряли "цели и
намерения оратора" (P. Vergil. Three Books, p. 185-188).

94 Субсидии, вотируемые палатой общин, собирались в форме одной десятой
части движимого имущества в городе и одной пятнадцатой в деревне. В то
время данный налог едва ли хоть приблизительно соответствовал пропорциям,
установленным королевскими чиновниками в XIV столетии. Его размер был во
второй половине XV в. фиксирован в 31 000 ф. ст. (RP, v. V, p. 477-478;
623-624 etc.).

95 Иными "привычно звучащими налогами", о которых говорит Т. Мор, являлись
"бочечная" и "фунтовая" субсидии, субсидия на шерсть. На протяжении XV
столетия бочечная пошлина собиралась с каждой бочки вина, импортируемой в
Англию, в размере трех шиллингов с купца-англичанина и шесть шиллингов с
иностранца. Фунтовая пошлина бралась в размере 12 пенсов с каждого фунта
стерлингов стоимости экспортируемого из Англии или ввозимого в Англию
товара, независимо от национальности купца (RP, v. V, p. 37-39). Пошлина с
шерсти равнялась в соответствии с решением парламента 1485 г. 33 шиллингам
4 пенсам с англичанина и 66 шиллингам 8 пенсам с иностранца за каждый

96 Беневоленции стали собираться в 70-х гг. XV в., когда Эдуард отказался от созыва парламента. Дж. Рамзей, изучивший этот вопрос, считает, что за 12 лет второго периода его царствования сумма невыплаченных беневоленций и займов не превысила 25000 ф. ст., т. е. меньше одной обычной субсидии (J. Ramsay, v. II, p. 462 ff.).

97 Обвинения Бэкингема в адрес Эдуарда IV лишены должных оснований. Среднегодовая сумма парламентских субсидий в 1440-1449 гг. равнялась 17650 ф. ст., в 1461-1470 гг. - 9300, в 1473-1482 гг. - 4700, в 1488-1497 гг. 30600 (см. Е. В. Кузнецов. Народные восстания в Англии последних лет XV в. "Научные доклады высшей школы. Исторические науки", 1959, э 1, стр. 150).

98 Томас Бардет (1420-1477) - слуга Кларенса, казнен за "колдовство" по решению королевского суда (см. прим. 11).

99 Джон Маркхем (умер 1479 г.) в 60 г. - главный судья Суда общего права, в 1468г. судил Кука (см. прим. 100). Позднее смещен с этого поста. Его место занял известный теоретик государства и права - Джон Фортеस्कью.

100 Томас Кук (1420-1478) - лондонский суконщик. В 1467 г. оштрафован на 8000 ф. ст. за помощь Маргарите Анжуйской (WW, p. 790). Кук играл видную роль во время работы парламента, собранного Уорвиком 25 ноября 1470 г. (Warkworth, p. 12; Fabyan, p. 660). Кук пытался бежать после гибели Уорвика, но был схвачен и заключен в тюрьму.

101 Действительно, лондонские горожане оказывали йоркистам неоднократно и финансовую, и военную, и политическую помощь. В 1462 г., во время так называемой "нортумберлендской войны" с приверженцами ланкастерского дома, гильдия торговцев тканями пожаловала графу Уорвику 500 ф. ст. в виде дара на ратные труды (МС, р. 54-58). В 1474 г. городской совет Лондона дал Эдуарду IV первую беневоленцию в 13 100 ф. ст. (МС, р. 70-80, 84). Раскладка беневоленций производилась на каждого купца, имевшего доход свыше 10 ф. ст. (МС, р. 70-80, 84). В 1475 г. беневоленция в Лондоне была повторена (Vitellius, p. 186-187; Fabyan, p. 664). Подробнее об участии Лондона в войне Алой и Белой роз см.: J. E. Winsion. The English Towns in the Wars of the Roses. Princeton, 1921, p. 10.

102 Мэром был тогда ювелир Эдмунд Шей.

103 Рекордером (глашатаем) являлся в то время Томас Фитцуильям (1427-1497). Он имел юридическое образование. Рекордер - с 1483 по 1495 г., стал рыцарем в 1486 г., в 1489 г. избран спикером парламента.

104 Нешфилд - это Джон Нешфилд из Лондона. В 1483 г. он получил из рук Ричарда должность констебля крепости в Гертфорде; тогда же он стал сквайром королевской охраны. В 1484 г. взят в плен шотландцами и французами. Но Ричард его немедленно выкупил. В 1483-1484 гг. он неоднократно получал от казны земельные пожалования за ревностную службу королю.

105 Как установил Р. С. Сильвестер, точная дата этого события - 25 июня (RIII, p. 256).

106 Церемония проводилась в Байнард Касл, потому что ее невозможно было осуществить, как обычно, в Тауэре, где были заключены дети Эдуарда IV (Mancini, p. 166).

107 Взятие королевских регалий Ричардом произошло 20 июня (СС, р. 566). С этого дня Ричард датирует время своего правления. "Согласно английскому обычаю, в этот день король покинул Тауэр, расположенный на восточной окраине города. Окруженный знатью, принимая положенные королевские почести, с непокрытой головой ехал он по городу и отвечал на приветствия столпившихся вдоль улиц зевак. Он проехал примерно 2000 шагов до церкви, называемой Вестминстер, которая расположена на другом, западном конце города. В этой церкви англичане имели обычай короновать своих монархов. На следующий день кардинал Кентербери, хотя и неохотно, помазал и короновал его" (Mancini, p. 122).

108 Фогг являлся казначеем королевского двора с 1460 по 1469 г. В октябре 1485 г. присоединился к мятежу Бэкингема; позднее служил у Генриха VII.

Умер в 1490 г.

109 Мор намекает на гибель Ричарда III в битве при Босворте.

110 Опасения за судьбу детей Эдуарда IV явственно звучат уже в строках одного из деловых писем лондонских купцов Сили, написанном за несколько дней до того, как Ричард III взял власть в свои руки (Cely Papers, p. 132-133). Манчини сообщает, что Эдуард и его брат "были переселены во внутренние покои Тауэра, и с каждым днем их видели все реже и реже за решетками окон, пока наконец они совершенно перестали появляться" (p. 112). Манчини умалчивает о том, когда это случилось. В январе 1484 г. Гильом де Рошфор, канцлер Людовика XI, на собрании Генеральных штатов Франции обвинил Ричарда III в убийстве юных племянников (Mancini, p. 15).

В "Большой хронике лондона" говорится, что слухи об убийстве детей Эдуарда стали распространяться "после пасхи" – год этой пасхи не указан, но, судя по контексту, речь идет о 1484 г. (GrCh, p. 231). Описывая события 1485 г., летописец замечает: "...тогда люди не страшились открыто говорить, что дети Эдуарда IV покинули этот мир" (p. 246). По мнению продолжателя Кройленда, слухи о гибели детей появились еще в сентябре 1483 г. (СС, p. 583). В момент отправления Ричарда III в коронационное турне (27 июля) они, во всяком случае, были еще живы (Ibid). Наконец Росс заявляет, что дети погибли через три месяца после того, как дядя взял на себя попечение о старшем из них (p. 215). Вергилий (Three Books, p. 187-180), как и Т. Мор, полагает, что Ричард отдал приказ об убийстве принцев по дороге в Глостер. Вергилий, впрочем, в отличие от Т. Мора утверждает, что повторное распоряжение об убийстве детей Тиреллу было дано позже в Йорке. В архиве ведомства королевского гардероба (Great wardrobe) сохранилась запись, что 8 октября 1483 г. Тирелл взял оттуда, дабы отвезти в Йорк, большой комплект парадных одеяний (Kendall, p. 405). Известно, что Оксфорд Ричард покинул 27 июля, направляясь в Глостер. Оттуда в Тьюкебери он прибыл 4 августа. В последний день этого месяца королевский кортеж достиг Йорка (Ramsay, v. II, p. 500-503). Следовательно, приказ он отдал в последний день июля. В течение августа-в начале сентября его люди привели приказ в исполнение. Эти показания источников вполне увязываются с рассказом Т. Мора об их смерти.

П. М. Кэндел поставил под сомнение версию событий Мора на том основании, что никто, кроме Мора, не знает об основном его источнике исповеди Тирелла. Он предлагает ДВР конвоирующие гипотезы: 1) дети были живы при Ричарде III, их убил Генрих VII, и тирелл был его орудием, 2) убийцей был герцог Бэкингам, имевший в качестве маршала Англии свободный доступ к заключенным в Тауэре, дабы, свергнув Ричарда, открыть себе дорогу к власти (Richard III, p. 411-413, 413-419). При всей остроумности построений Кэндела эти суждения тем не менее не имеют опоры в источниках и потому едва ли могут подорвать доверие к написанному современниками.

111 Перкин Варбек – выходец из семьи фламандского бюргера города Турнэ. Судя по данным его исповеди, он долго скитался по свету: был в услужении у английского купца в Антверпене, в Португалии носил ливрею одного из мелких дворян, оттуда перебрался на берег Бретани, в 1491 г. судьба забросила его в ирландский город Корк. Статный, белокурый красавец, довольно бегло изъяснявшийся на нескольких языках, включая английский, привлек внимание агентов графа Килдера – главы могущественного баронского дома из Ирландии Джеральдинов, боровшихся против самодержавной политики Генриха Тюдора. В обликий Перкина и его повадках ирландские феодалы усмотрели сходство с фамильными чертами Эдуарда Йорка. После нескольких месяцев "теоретической" подготовки семнадцатилетний юнец, принявший имя младшего сына короля Эдуарда – Ричарда, отправился во Францию. В 1493 г. его принимает император Максимилиан, в 1494-1495 гг. он живет у сестры Эдуарда, вдовствующей герцогини Бургундской Маргариты. В 1496-1497 гг. Варбек прибывает в Шотландию.

Опираясь на поддержку монархов феодальной Европы, самозванец неоднократно пытался мечом проложить себе дорогу к власти и свергнуть Генриха Тюдора. 3 июля 1495 г. он пытался высадиться в Кенте, но безуспешно; столь же неудачным оказалось нападение на ирландскую крепость Уотерфорд, куда эскадра "герцога Йорка" пришла после конфуза у кентских берегов. В 1496-1497 гг. Перкин Варбек пытался ворваться в Англию с севера при помощи наемных отрядов шотландских дворян, но был отбит. Последней крупной авантюрой П. Варбека явилась попытка возглавить широкое народное восстание, вспыхнувшее на юго-западе Англии против налоговой политики правительства

Тюдора. В сентябре 1497 г. он был арестован чиновниками Генриха VII в Гемпшире и препровожден в Тауэр. В 1498 г., после двух неудачных попыток бежать, по приговору королевского суда Перкин был подвергнут мучительной казни (Vergil, p. 63-75; 82, 99-101, 115; Bacon, p. 132139; etc; CSR Venice, p. 220-221, 232, 233, 237, 238, 241-242, 247. 260).

112 О Перкине Варбеке см. прим. 111.

113 коронационное турне Ричарда III началось 22-23 июля. Путь его лежал через Оксфорд-Глостер-Тьюксбери-Вустер-Уорвик-Ковентри-Лейстер-Ноттингем-Донкастер-Понтефрак-Йорк. В Йорк королевский кортеж прибыл 31 августа (Ramsay, v. II. p. 501-502).

114 Джон Грин – возможно, один из финансовых чиновников Ланкастерского герцогства. Умер в 1486 г. (RIII, p. 263).

115 Рыцарь Роберт Брэкенбери стал комендантом Тауэра и надзирателем королевского монетного двора. 17 июля 1483 г. активно помогал Ричарду III подавлять мятеж Бэкингема. Умер на поле Босворта, защищая Ричарда.

116 В Уорвике король был 7 августа (Ramsay, p. 201).

117 Идентифицировать пажа с кем-либо из известных придворных Ричарда III до сих пор не удалось.

118 Джемс Тирелл (1445-1502) – дворянин из Сеффолка, стал рыцарем на поле Тьюксбери (13 мая 1471 г.). В 1482 г. Ричард III сделал его рыцарем-баннеретом. Не только Т. Мор, но и Вергилий (p. 126^127) возлагает на Д. Тирелла ответственность за убийство детей Эдуарда, хотя указывает, в отличие от первого, что он, получив королевский приказ, отправился в Лондон, "преисполненный печали". При Генрихе VII Тирелл получил помилование за поддержку узурпатора (о его роли в убийстве детей еще не было известно). С 1486 по 1502 г. – комендант форта Гине, прикрывавшего доступ в Кале. Примкнул около 1501 г. к заговору графа Сеффолка Эдмунда де ла Поль против Генриха VII Тюдора. В марте 1502 г. форт оказался осажденным королевскими войсками. После непродолжительной обороны Тирелл сдался. 6 мая 1502 г. он был казнен. В предсмертной исповеди сознался, как сообщает Мор, в убийстве детей (Hall, p. 494, Vergil, p. 123; GrCh, p. 516). В последней летописи как возможный преступник, наряду с Тиреллом назван старый слуга Ричарда без указания имени.

119 Q Рэтклифе и Кэтсби см. прим. 62.

120 Томас Тирелл (1450-1510) – младший брат Джемса, в политической жизни активно не участвовал. Служил у Эдуарда IV, Ричарда III, Генриха VII. Последний посвятил его в рыцари на поле сражения при Стоуке (1487).

121 Уильям душегуб – Уильям Слэттер, был бейлифом в Чэдлингтоне (Оксфордшир) в 1478 г.

122 Майлс Форест, как установил П. М. Кэндел, являлся одним из хранителей гардероба в Байнард Касл (Richard III, p. 474). Умер ранее 9 сентября 1484 г.

123 О Джоне Дайтоне известно только то, что 7 марта 1484 г. он стал бейлифом в Эйтон, Стаффордшир (ET, p. 234). Умер около 1520 г.

124 Т. Мор ошибся: рыцарем Д. Тирелл стал в 1471 г. (см. прим. 118).

125 Точное место захоронения детей не было известно современникам. Джон Рэстелл слышал о том, что их тела в большом ящике были сброшены в море (RIII, p. 265266). Джемс Гайрднер сообщает, что при Карле II два детских костяка были найдены под лестницей, ведущей в Белый Тауэр (Richard III, p. 127-129).

126 О судьбе Тирелла и его помощников см. прим. 118.

127 Битва при Босворте произошла 22 августа 1485 г. Ее ход в немалой степени был предопределен не только предательством У. Стенли или Г. Перси, но и безрассудным поступком Ричарда, который оставил руководство своим

Мор Томас История Ричарда 3 filosoff.org
войском и с мечом в руках бросился навстречу Генриху Тюдору, чтобы дуэлью
решить судьбу короны (Vergil. Three Books, p. 224; Stow, p. 783-787).

128 Сети заговора Бэкингема раскинулись весьма широко: к выступлению против Ричарда готовилось дворянство южных графств Кента, Серри, Беркшира, Уилтшира, Дорсета, Девоншира; на севере людей вербовал маркиз Дорсет Томас Грей, скрывавшийся там в одном из монастырей. Сам Бэкингем собирал наемных солдат за стенами своей крепости Брекнок, расположенной на уэльсской границе. 24 сентября Бэкингем пишет Генриху Тюдору в Бретань, предлагая ему принять участие в ниспровержении Ричарда III с трона. Днем путча было избрано 18 октября. Однако Ричард узнал о намерении заговорщиков заранее и сумел быстро изолировать и разгромить их отдельные отряды. Когда флотилия Генриха Тюдора прибыла к берегам Дорсета, направляясь в Пул, путч уже оказался подавленным. 1 ноября в Солсбери лишился головы герцог Бэкингем, позднее некоторые другие заговорщики, многие главари заговора бежали во Францию и Бретань (Vergil. Three Books, p. 195-199; Stow, p. 778-779; Gairdner, p. 129-143; Ramsay, v. II, p. 502 ff).

129 из хроники продолжателя аббата Кройленда мы узнаем, что Ричард, "прибыв в Йорк с надлежащей свитой в траурном одеянии, организовал по умершему королю торжественную и преисполненную скорби траурную процессию. Все дворянство тех областей он заставил принести присягу на верность детям короля; сам же поклялся раньше всех" (СС, р. 565).

О взаимоотношениях с Генрихом Стаффордом см. прим. 25.

130 Переела Р. С. Сильвестер склонен идентифицировать с рыцарем Гемфри Персивалем (Persale, Persial), владельцем нескольких майоров в Стаффордшире. Умер в 1498 г. (RIII, p. 268).

131 Джон Уорд – сквайр из Йоркшира. Был пожалован за службу в 1484 г. рентой в 40 ф. ст. В ноябре 1486 г. получил помилование от Генриха VII. Позднее занимал различные посты в администрации герцогства Ланкастер. Умер в 1504 г.

132 О наследстве герифордских герцогов см. прим. 57.

133 Брекнок – крепость на границе Уэльса.

134 О Джоне Мортоне см. прим. 58.

135 имеется в виду сражение при Тьюксбери 3 мая 1471 г. (см. прим. 51).

136 О судьбе Эдуарда, сына Генриха VI, см. прим. 51.

Е. В. Кузнецов

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!